

ОМЕТЬ

ISSN 0131-6656

№ 11 июнь 1982

ГОДЫ ПИОНЕРСКИЕ

ПИОНЕРИИ — 60!

Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — 60 лет!

Это большой праздник не только для пионерии, но и для нас, взрослых. Потому что все мы были когда-то пионерами и носили красивые галстуки. Наши родители, наши бабушки и дедушки с особой теплотой вспоминают пионерские годы — дым костров и песни на привалах, праздничные шествия...

Пионерские годы. Это первые и, может быть, самые главные годы, когда приходит чувство гражданственности, ответственности. Пионер — это счастье и увлеченность, это металл для БАМа и книги для детей Уренгоя, школьные лесничества и геологические походы... Это и тысячи тимуровских звезд на домах, где живут ветераны войны и труда. Наследники страны Октября, юные ленинцы всегда и везде были верны своему слову, своей клятве, своим пионерским законам. В пионерскую пору постигается смысл таких слов, как товарищ, долг, Родина. Это первые шаги в большую жизнь.

Когда-то пионерская организация насчитывала всего несколько человек. Пионерия 80-х — многомиллионная колонна юных ленинцев, веселая и счастливая. Своими сегодняшними успехами, отличной учебной работой они своему старшему брату — комсомолу, собравшемуся на очередной XIX съезд.

Имя вождя революции носит организация пионеров, ордена Ленина сияют на ее знаменах; пунками Ильича уважительно и любовно зовем мы наших ребят, на груди которых алеет красный галстук — частица революционного знамени.

Желаем им всегда высоко нести почетное и ко многому обязывающее имя юных ленинцев, гордиться своим красным галстуком, оправдывать огромное доверие и заботу, которые оказывают им Коммунистическая партия, наш Ленинский комсомол.

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МЕСТО ФОРМ

Очередной блок материалов нашей постоянной рубрики «Первичная организация: слово и дело» посвящен сегодня деятельности комсомольских педагогических отрядов.

Прежде чем вы, дорогие читатели, познакомитесь с самими материалами, хотелось бы напомнить вам очень старую и очень простую притчу. Шел однажды человек по белу свету и увидел сидящего на земле и горько плачущего мальчугана, обиженного кем-то. Замедлил шаг прохожий — и малыш встал ему навстречу; улыбнулся прохожий — и в один миг высохли слезы на глазах малыша; прохожий положил ему руку на плечо — и дальше они пошли вместе. Так взрослый человек и маленький человек, почувствовав доверие друг к другу, стали друзьями.

Не этот ли обыденный пример соучастия одного человека в судьбе другого можно назвать первым педагогическим приемом? Ведь притче уже многие сотни лет, а смысл ее с течением времени не только не утратил своего значения, а, пожалуй, обрел новую глубину, новые краски. По праву старших, более опытных и знающих людей, взрослые учат, подсказывают подростку, как ему найти свой путь в жизни, помогают сделать первые, самые трудные шаги. Родители, школьный учитель, тренер в спортивном обществе, рабочий-наставник в заводском цехе — всех этих людей в полной мере можно назвать старшими друзьями юного взрослеющего человека. В последние годы к ним прибавилась еще одна категория воспитателей — члены комсомольских педагогических отрядов, «ребячьих комиссары», бескорыстно преданные делу воспитания детей и подростков, смело утверждающие новые формы работы с учащимися в школе и вне школы. Их деятельность высоко оценил и поддержал только что прошедший XIX съезд ВЛКСМ.

Об их работе, о проблемах и задачах, которые ставит сегодня время перед комсомольскими активистами, призванными заниматься внешкольной педагогикой, о специфике и трудностях работы с подростками во внеурочное время и идет речь в материалах нашего очередного блока.

Секретарь ЦК ВЛКСМ
Людмила ШВЕЦОВА
отвечает на вопросы «Смены»

— Людмила Ивановна, в дальнейшем усилении работы комсомола по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения важную роль, как указал XIX съезд ВЛКСМ, призваны сыграть комсомольские педагогические отряды. Каковы сегодня перспективы развития этого движения?

— Действительно, съезд дал высокую оценку работе педотрядов, отметил массовый характер их деятельности. Сегодня они объединяют два миллиона юношей и девушек — добровольных помощников школы и профтехучилищ в деле воспитания учащихся. Сделано ими уже немало. Прежде всего своим личным примером комсомольцы-производители воспитывают у ребят лучшие качества советской молодежи: классовое сознание, добросовестное отношение к труду, организованность и дисциплинированность, патриотизм. Благодаря им, молодым общественникам, в последние годы значительно расширилась сеть кружков и объединений по интересам. Миллионы подростков занимаются в свободное время полезным как для себя, так и для общества делом.

Это итоги, положительные моменты в деятельности педотрядов.

Что волнует нас сегодня, о чем шел серьезный разговор на съезде, делегатами которого были, кстати, около 50 командиров комсомольских педотрядов?

Главное — это закрепить достигнутое. И добиваться, чтобы педотряд действовал в каждой школе, в каждом профучилище, в детском доме, в каждом микрорайоне.

— А каково реальное положение сегодня?

— К сожалению, положение не может удовлетворить. Я уже говорила, что членов педотрядов у нас 2 миллиона человек. Они объединены в 70 тысяч отрядов. А школ в стране 134 тысячи. Видите, эти цифры говорят о том, что пока далеко не в каждой школе есть педотряд. Это проблема номер один.

Вторая проблема: надо стремиться к тому, чтобы каждый новый педотряд создавался с учетом удовлетворения самых разносторонних запросов ребят. Речь идет о том, чтобы в составе отряда были рабочие и студенты, воины и спортсмены, представители научной и творческой интеллигенции.

Как это осуществить практически? Не так уж сложно. Надо, чтобы в рамках города произошло некоторое перераспределение закрепленных шефствующих организаций, то есть

чтобы вместе с заводом над школой шефствовали творческая организация, воинская часть или научный коллектив. Базовой организацией при этом может оставаться завод с его богатыми рабочими традициями, с его вожаками-производственниками. Тогда на молодую творческую интеллигенцию ляжет задача создать в школе кружки художественной самодеятельности, воины части помогут сформировать военно-патриотический клуб, спортивные общества дадут руководителей спортивных секций.

Третье: педотряды в какой-то мере позволяют нам снивелировать недостаток мужского влияния в школах, где учителя в основном женщины. В то же время в составе отдельных педотрядов 80—90 процентов — девушки, причем более половины из них в возрасте 17—19 лет. XIX съезд комсомола, подчеркнув необходимость направлять для учебы в педагогические вузы юношей, отметил, что комсомольские

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ

путевки необходимо вручать прежде всего тем, кто проявил себя, работая в педотряде.

— Комплексные педотряды, о которых вы говорили выше, уже созданы где-нибудь?

— Конечно. В Ростове, например, они работают давно. Недаром IV пленум ЦК ВЛКСМ, состоявшийся в мае 1979 года, рекомендовал широко распространять опыт ростовчан. Другое дело, что эту комплексность не везде можно обеспечить. Например, в селе. Там свои особенности. Однако мы не найдем сегодня такого села, в котором не было бы специалистов, демобилизованных воинов, спортсменов-разрядников, участников художественной самодеятельности. Вот их в первую очередь и необходимо привлекать к работе в школах и профтехучилищах. Главное, чтобы это были люди с педагогической жилкой, способные увлечь за собой ребят.

Еще одна проблема, о которой нельзя не упомянуть, — это контакты педотрядов с родительской общественностью. К сожалению, такие контакты пока еще очень и очень редки. А ведь многие молодые родители могли бы и сами успешно работать в составе пед-

КМШ ОТРЯД. ИРОВАНИЯ — ЗАВОД

XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

отрядов. И пользу принесли бы, безусловно, очень большую. Мало мы используем педагогические возможности тех ребят, которые только окончили школу. Ведь они живут в данном районе, окончили именно эту школу, тянутся к ней. Им не нужно «входить» в педагогический коллектив. Они его знают. Знают и традиции школы и проблемы микрорайона. Зачастую являются старшими братьями и сестрами учащихся и вполне могут работать в пионерских классах.

— Людмила Ивановна, как мы говорили, две трети членов комсомольских педагогических отрядов — это молодые рабочие, специалисты, колхозники, воины, то есть люди, далекие от педагогики. Но сегодня без знаний хотя бы основ педагогики, психологии подростка, теории и методики комсомольской и пионерской работы трудно заниматься воспитанием ребят. Как же помочь обще-

гическая поэма» может не просто вызывать интересные мысли, но и подсказать какие-то конкретные шаги, и, если хотите, вдохновить на работу с детьми. Совсем не обязательно штудировать толстые научные труды, но надо регулярно читать статьи по проблемам воспитания, которые печатаются в периодике.

— Хотелось бы, чтобы вы рассказали, какое место в сложной проблеме занимают вопросы создания педотрядам необходимых условий для их работы с детьми и подростками. Я имею в виду, с одной стороны, обеспечение кружков и спортивных секций, которыми руководят энтузиасты-общественники, необходимыми материалами и инвентарем, а с другой — формирование соответствующего микроклимата в педколлективах, из заинтересованности в контактах педотрядовцев с пионерами и школьниками.

— К сожалению, не всегда в школах правильно понимают эти вопросы. Есть факты невнимательного, незаинтересованного отношения органов народного, профессионально-технического образования, педколлективов к развитию движения педотрядов, созданию необходимых условий для их деятельности.

Министерство просвещения СССР придает важное значение участию молодой общественности в воспитательной работе с детьми и подростками, дальнейшему развитию комсомольских педагогических отрядов. В мае 1980 года принято решение «О задачах органов народного образования и школ по оказанию содействия движению комсомольских педагогических отрядов». А в специальном письме Минпроса СССР четко оговариваются функции в этом общественном деле директора школы, классного руководителя, учителя-предметника, а также работников внешкольных учреждений. Аналогичное письмо в адрес органов профтехобразования было направлено Госпрофобром СССР.

Через органы народного и профессионально-технического образования необходимо решать и такие вопросы, как выделение для педотрядов помещений, создание в школах и училищах консультационных пунктов, оформление методических уголков, а также привлечение актива педотрядов к работе в составе педсоветов.

Хочу особо подчеркнуть: чрезвычайно важно, чтобы комитеты комсомола постоянно проявляли заботу об авторитете членов педотрядов в их производственных коллективах, всячески поддерживали их, чтобы работа в педотряде была всюду возведена в ранг одного из самых важных и ответственных комсомольских поручений.

Вел беседу
Борис ДАНИШЕВСКИЙ.

Их пока только двадцать три. Двадцать три человека, удостоенных в нашей стране Знака А. П. Гайдара. Вручается эта высокая награда ЦК ВЛКСМ за выдающиеся успехи в деле воспитания подрастающего поколения. Среди награжденных — Маршал Советского Союза И. Баграмян, писатель А. Алексин, режиссер Н. Сац. Отмечена Знаком А. П. Гайдара и педагогическая деятельность рабочего курского завода «Счетмаш» Геннадия Еременко. Несколько лет руководит он авиамodelным кружком в подшефной школе. Подростки, члены его кружка, за это время не только научились поднимать в небо свои модели самолетов, но и прошли прекрасную школу становления характера. В цехе, где Геннадий работает, его ценят как хорошего регулировщика, а в школе учителя считают своим коллегой, педагогом. Три года назад Геннадий Еременко возглавил педагогический отряд комсомольцев завода. И тогда же появились первые записи в его дневнике, отрывки из которых мы публикуем в этом блоке.

Геннадий ЕРЕМЕНКО,
регулировщик курского
завода «Счетмаш»

ДАЙ ОПЕРЕТЬСЯ НА КРЫЛО

Записки командира
комсомольского педагогического отряда

Эти записи я решил вести совсем недавно. С того времени, как на нашем заводе был создан педагогический отряд «Пламя». Результаты его работы пока оценивать трудно. Вот пройдет года три-четыре, выйдут ребята наши в самостоятельную жизнь, тогда и можно будет судить, каких людей мы вырастили. В чем ошибались, что из опыта сегодняшнего пригодится в будущем. Наверное, я и сам еще не раз буду переосмысливать то, что сегодня кажется аксиомой.

...В воскресенье мне нужно быть в школе в десять утра. Младший сын, Женя, моделей еще не строит и потому остается дома с мамой, а старший, Олежа, уже всерьез заболел авиамodelизмом, и я беру его с собой. Хорошо, жена терпеливо переносит мое бесконечное отсутствие дома — ведь кружок у меня не только по воскресеньям, но еще и по понедельникам, средам, пятницам. На этот раз мы с Олегом пришли первыми. Не торопясь, открываем лабораторию — маленькую комнату на первом этаже школы. (Кружок мы назвали авиамodelной лабораторией не ради красного словца. Лаборатория — значит не простое копирование по готовым чертежам, а анализ летных достоинств модели, изучение аэродинамических характеристик, расчеты. Мальчишкам это нравится. Даже тем, кто математику терпеть не может и получает по ней килые тройки.) Вот

наконец приходят и мои «авиаконструкторы» — совсем малыши, в третьем классе учатся. За ними появляются в дверях и старшие ребята.

Без шума и долгих разговоров каждый берется за дело. Эдик Мазур — он «ветеран» кружка, учится уже в ПТУ, а увлечение свое не бросает — красит скоростную модель, над которой бился несколько месяцев. Девятиклассник Сережа Солянин мастерит самолет для воздушного боя. Леша Пучков заканчивает обклейку «летающего крыла» — интересно, как модель поведет себя в полете. У Игоря Раманаускаса закончен махолет, и вся лаборатория идет в коридор смотреть на испытание летательного аппарата необычной конструкции. Махолет почему-то лететь не хочет, клюет носом, и мы общими усилиями, выслушивая даже советы волейболистов, на минуту выскочивших из спортзала, пытаемся найти причину каприза.

— Может, крыло неверно рассчитали?..

— А вы попробуйте резину потолще натянуть...

— Бумагу для обклейки не ту взял, — слышится со всех сторон предположения. Наконец все смотрят на меня и ждут, когда я выскажу свое мнение. Я не тороплюсь, хотя сразу понял, что обклейку крыльев Игорю придется поменять, мне гораздо важнее, чтобы ребята сами научились отыскивать истину.

Когда меня спрашивают, хочу ли я, чтобы мои ребята стали летчиками, авиационными специалистами, я все-

ЯЧЬИ САРЫ

ственникам овладеть так называемой «рабочей педагогикой»?

— Да, действительно, от того, насколько умело организована учеба членов комсомольских педагогических отрядов, во многом зависит развитие движения. В помощь организаторам учебы ЦК ВЛКСМ разработал «Примерную программу городской, районной школы членов комсомольских педагогических отрядов». Ежегодно проводится Всесоюзный семинар-совещание активистов движения.

Представляет интерес практика организации методических бригад в Узбекистане, университетах педагогических знаний при пединститутах на Сахалине, в Кемерове и Тюмени, методических центров при дворцах и домах пионеров в Московской и Амурской областях. В Ворошиловградской, Омской, Пермской областях проводятся лагерные сборы.

Все эти формы, безусловно, заслуживают поддержки и распространения. И все-таки самым первым источником знания для каждого педотрядовца должно быть самообразование. Надо обязательно читать произведения Макаренко, Сухомлинского, чтобы самому войти в круг педагогических проблем. Ведь, скажем, «Педаго-

Продолжение на 4-й стр.

Леонид ПЛЕШАКОВ

Нынешней весной восьмому «В» было задано сочинение на вольную тему «Друг моего детства». Будто сговорившись, весь класс написал об одном человеке: переплетчице типографии производственного объединения «Ростсельмаш» Ольге Еритенко.

За что такая завидная честь? Почему тридцать четыре мальчишки и девчонки «трудного», по мнению родителей и педагогов, переходного возраста почти слово в слово повторяют в своих тетрадках: «У нашего класса есть самый лучший друг — наша вожатая Оля»?

Ответы тут же, в сочинениях. «Я могу с точностью сказать, что Оля поможет мне в любую минуту».

«Мне кажется, она живет по единственному принципу, который является стремлением ее души: быть отзывчивой».

«В минуту грусти и в минуту радости она с нами рядом».

«Она организовала и проводила у нас кружок «Берегите книгу», учила подклеивать, обновлять, переплетать учебники».

«Благодаря ей мы многое узнали о нашей стране».

«Когда мы приходим к ней на работу, она встречает нас приветливой и доброй улыбкой».

«К Новому году нам надо было поставить сказку. Долго мы не могли решить, какую выбрать, кто будет играть, где брать костюмы. Но вот пришла Оля — и сразу все решилось: нашлась сказка, исполнители, придуманы костюмы. Она подсказала, какие лучше сделать декорации. На новогоднем вечере мы выступили хорошо и заняли первое место, а затем показали нашу сказку в типографии у Оли. Вот какая у нас вожатая».

Эта дружба началась осенью 1979 года, когда на «Ростсельмаше» стали создавать педагогические отряды, и комсомольцам механосборочного производства и заводоуправления поручили шефствовать над средней школой № 20. Девятнадцатилетняя Оля Еритенко была в то время группкомсоргом типографии, ей и ее тринадцати товарищам по первичной организации достался шестой «В» этой школы.

Оля возглавила экскурсии своих подшефных на «Ростсельмаш» и к себе в типографию. За три года она побывала с ними во всех музеях и театрах Ростова. Как-то пригласила на пионерский сбор ветеранов Первой Конной армии, а потом со всем классом съездила на родину легендарного командарма Семена Михайловича Буденного. Бывали у них в гостях ветераны войны и труда, писатели и поэты Дона. Этим летом восьмой «В» собирается совершить туристическую поездку в Ленинград. Программу экскурсии ребята вместе со своей вожатой начали обсуждать чуть не с зимы.

Можно было бы еще долго перечислять мероприятия, которые они уже осуществили, и те, что наметили на будущее. Однако главным достижением этих трех лет является, на мой взгляд, дружба между школьниками и их более старшими товарищами, их, если можно так выразиться, взаимное внимание друг к другу. В типографии есть стенд «Мы и наш класс», его фотографии и короткие тексты рассказывают о жизни и делах подшефных. Стенд в восьмом «В» называется «Наши шефы» и посвящен производственным успехам старших. Восьмого марта и двадцать третьего февраля школьники приходят в ти-

пографию, чтобы поздравить женщин и бывших воинов с праздниками. Ни одно классное торжество не проходит без участия представителей типографии.

В горкоме ВЛКСМ Олю Еритенко мне характеризовали как одного из лучших бойцов-педотрядовцев Ростова-на-Дону, с опытом работы которых следовало познакомиться более подробно. Я послушался доброго совета, встретился с некоторыми из них, беседовал с их подопечными, разговаривал со школьными преподавателями. Полученная информация дала возможность в известной степени проследить и понять некоторые закономерности, которые присущи педотрядам как одной из форм воспитательной работы с подростками, дала пищу для определенных размышлений на эту тему.

Когда пытаешься поглубже вникнуть в суть деятельности педотрядов, неожиданно замечаешь, что комсомольская группа (бригада, производственный участок), шефствующая над таким-то классом такой-то школы, постепенно выклинивается в какого-то определенного члена этой группы (бригады, участка), персонализируется в нем. Отсюда и понятие «шефы», имеющее признаки множественного числа, чаще всего воплощается в отдельную конкретную личность. Самое удивительное, что лучше и тоньше всех это понимают и чувствуют подшефные. Как уже говорилось, восьмой «В» приняла под свое крыло вся комсомольская организация типографии. Об этом говорит и стенд, оборудованный в классе. Однако сочинение восьмиклассники написали не о «шефах» вообще, а об Оле Еритенко, назвав именно ее самым лучшим другом детства.

Для того, чтобы разобраться, почему происходит это, если можно так выразиться, смещение от общего к частному, насколько оно закономерно и какие несет в себе проблемы и задачи, стоит отступить на несколько лет назад, к моменту зарождения педотрядов.

Инициаторами их создания были студенты Ростовского пединститута. Это они весной 1974 года на отчетно-выборной комсомольской конференции решили создать педагогический отряд для работы во время летних каникул в школах, пионерских и трудовых лагерях, на детских площадках. Студенты и раньше вели подобную шефскую работу, однако новая форма организации практики давала известные преимущества в сравнении с прежним положением. Педотряд имел определенную организационную структуру, которая позволяла вести насыщенную внутриотрядную жизнь, разрешала наладить обмен опытом между студентами-практикантами и при необходимости давала им возможность обращаться за помощью к своим более опытным товарищам. Другими словами, такое организационное построение летней практики должно было помочь не только школам, лагерям, детским площадкам, но еще в большей степени самим студентам в их педагогическом и профессиональном становлении.

Опыт удался. Поэтому постановили, что со следующего года институтский педотряд будет действовать круглогодично. Сейчас он объединяет 1600 студентов, которые являются бойцами девяти факультетских и двух специализированных отрядов.

Участие студентов первого, второго и частично третьего курсов в таких отрядах обязательно, приравнивается к педагогической практике, что учтено, кстати, еженедельным учебным расписанием. Каждый отряд имеет своего куратора с кафедры педагогики. Последние читают бойцам введение в специальность, помогают разобраться со всякими возникающими вопросами.

Нетрудно заметить, что при всем положительном, что давала новая форма школе, главной ее задачей оставалось все-таки воспитание и подготовка будущего квалифицированного педагога.

Вполне естественно, что рано или

поздно должна была возникнуть мысль о том, как приспособить находку студентов к насущным потребностям школы. Сама жизнь, казалось бы, подсказывала нужное решение: на основе уже имевшегося опыта вожатых-производственников, на базе комсомольских организаций заводов, фабрик и строек, научно-исследовательских, проектных и учебных институтов, культурно-просветительных и торговых учреждений, коммунально-бытовых предприятий можно создать педагогические отряды, более представительные по своему составу (имелось в виду не только число их участников, но и профессиональная принадлежность бойцов), что уже само по себе позволит предположить более широкий круг задач, который мог решить такой педотряд. От подобного союза разных профессий, объединенных педагогической целью, должны были выиграть и школа и шефы. Школа получила надежную, постоянную помощь в организации внешкольной, кружковой работы, создании спортивных секций, проведении различных мероприятий. Педотряды должны были разгрузить учителей, взять на свои плечи часть их нелегкой ноши.

Не оставались внакладе и шефы. Формирование педотрядов шло по «географическому» признаку, когда комсомольцы предприятий и учреждений становились шефами школ своего микрорайона, в которых учились дети их же сотрудников. Одно такое сближение «отцов и детей» обещало дать определенный педагогический эффект. А ведь предполагалось, что дружба шефов и

подшефных будет носить более тесный, чем прежде, характер, потому что школьники смогут часто посещать своих старших товарищей прямо на работе, а те, в свою очередь, придут в школу на занятия, пионерские сборы, комсомольские собрания.

Немалое значение должно было иметь и то обстоятельство, что воспитатели и воспитуемые были близки по возрасту, а это расширяло круг общих интересов, сближало обе стороны, делало их контакты непринужденными, как и положено у сверстников.

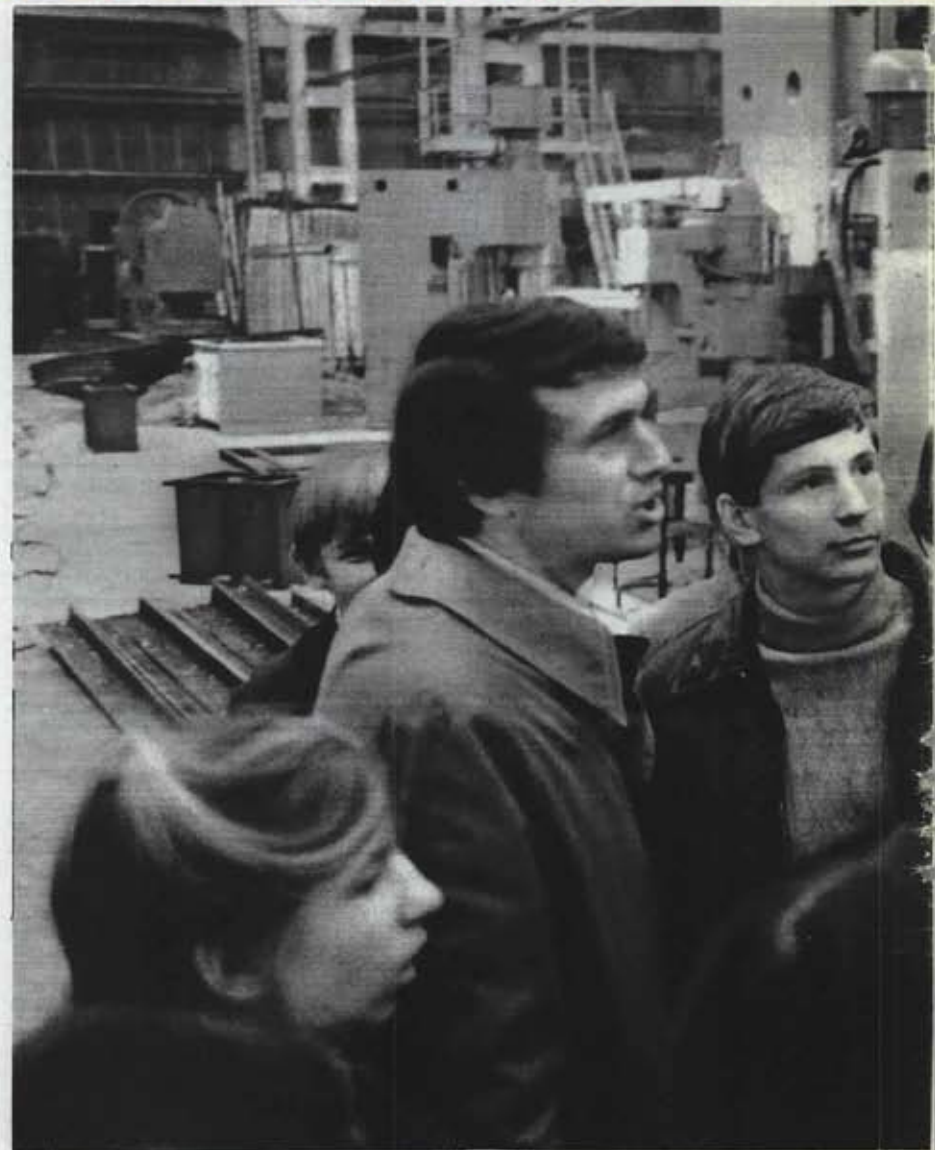
Было еще одно существенное «за». Тесное общение школьников с новыми друзьями, пришедшими к ним «от станка», должно было, как полагали, исподволь помочь в решении проблемы профориентации, повернуть, так сказать, старшекласников лицом к производству, тем профессиям, которые ими считались непрестижными, но были необходимы народному хозяйству.

Учительские коллективы, состоящие ныне в основном из женщин, ко всему прочему надеялись, что бойцами педотрядов будут в основном парни, и это благотворно скажется на воспитании подростков и организации таких форм внеклассной работы, которые под стать только мужчинам.

Короче, во всей идее виделись только положительные стороны, поэтому все было «за».

В комитете комсомола одного из ведущих ростовских предприятий меня познакомили с трехлетней давности приказом генерального директора, в соответствии с которым «в интересах по-

ВОСПИТАЙ С

стоянной связи завода с подшефными школой и техническим училищем», закреплялись конкретные цехи и комсомольско-молодежные бригады предприятия за определенными классами и учебными группами. Приказ предусматривал «заключение коллективных договоров содружества», где оговаривались «взаимные права и обязанности по воспитанию достойной смены рабочего класса», а также мероприятия «по оказанию тематической, материальной и шефской помощи». Предусматривал приказ порядок подведения итогов подобного соревнования и поощрения для лучших бойцов педотрядов. И расходные статьи, по которым эти поощрения должны были выделяться.

Приказы, подобные этому, можно было прочесть и на других предприятиях и в учреждениях города. Их появление показывало, сколь серьезны были принятые решения о педотрядах, и, разумеется, они в значительной степени способствовали тому, что новая интересная инициатива очень быстро набрала хороший рабочий ритм.

Можно было бы привести массу примеров того положительного, что привнесли в жизнь школьных коллективов вновь созданные педотряды, назвать много новых форм содружества производственных и школьных коллективов. На заводе «Красный Аксай», например, было придумано соревнование, в котором участвовали, если выразиться спортивным языком, объединенные команды школьников и цеховых бригад. Подшефный класс и шефствующая бригада были как бы одной командой. Их успехи на

производстве, в школе, в общественной жизни стали общим результатом, итоги которого подводились еженедельно, о чем сообщалось в специальных бюллетенях. Главный итог соревнования подводили в конце квартала, а победителям и призерам вручали соответствующие грамоты и подарки.

Понятно, что в этом мероприятии было много от игры. Но для школьников эта игра шла всерьез, и своей искренностью, желанием не подвести старших товарищей она зажигала и шефов. Кстати, дух спортивной борьбы заставлял школьников горячо интересоваться трудовыми делами «своих» бригад, исподволь и ненавязчиво прививая им интерес к делам завода и производства вообще.

Этому же служат и совместные субботники, которые многие коллективы проводят на предприятиях. Пока «старшие» стоят у станков, «младшие» убирают заводскую территорию, цехи, сажают деревья. Чувство причастности к делу взрослых — серьезный педагогический фактор, который опять-таки рожден педотрядами.

И все-таки...
Беседуя в разных школах города с их директорами, завучами, преподавателями, старшими пионервожатыми, я всякий раз улавливал в их словах одни и те же нотки известного разочарования нынешним положением вещей. Столкнувшись с этим в первый раз, я удивился. Но когда это настроение стало повторяться в каждой следующей школе, попытался разобраться в его причинах. Ведь я посещал коллективы, где

шефская работа была поставлена в свое время наилучшим образом, и педотрядовцы сумели достигнуть значительных успехов. Если в последний период наметился спад в их активности, то чем это объяснить: случайностью или определенными объективными причинами?

Короче, в каждую очередную школу я шел уже с заранее продуманными вопросами, главным из которых был: какую оценку вы поставили бы вашему педотряду за его работу? Разумеется, задавая я его не сразу, а предварительно подробно поговорив о массе других вещей.

Как ни странно, все, с кем довелось обсуждать эту проблему, на мой «главный» вопрос отвечали до удивления единодушно:

— Тройку.

Некоторые даже добавляли: «с минусом».

У нас как-то стало модным критиковать школу, учительские коллективы. Наверное, в их работе действительно есть недостатки, как в работе любых иных специалистов. Но, знакомясь с ростовскими школами, я лишний раз убедился, насколько наши учителя педагогичнее всех нас, людей со стороны. Ставя посредственную оценку своему педотряду, каждая моя очередная собеседница (увы, ни с одним мужчиной-педагогом на эту тему мне так и не посчастливилось поговорить) считала своим долгом обязательно добавить:

— Но есть среди них замечательные люди...

И тут же следовали имена, фамилии и характеристики, выдержанные в самых завидных комплиментарных тонах, рекомендации обязательно встретиться с этими товарищами. Это не было вызвано желанием соблюсти некий баланс оценок, а диктовалось педагогической объективностью, желанием помочь делу. Именно благодаря школьным работникам я смог познакомиться впоследствии с интересными личностями из педотрядов и понять, на чем зиждется их авторитет среди подростков, почему у них получается трудное дело, которое другим оказывается не по плечу.

Мне кажется, не следует забывать главного: педагогические отряды, несмотря на свой возраст в несколько лет, и сегодня остаются молодой и не до конца выкристаллизовавшейся формой шефства комсомола над школами, детскими домами, обычными и специализированными ПТУ. Педотрядовцы стали преемниками вожатых-производственников. Приняв накопленный предшественниками опыт, они должны, по идее, пойти значительно дальше.

Один из сложных, неоднозначных вопросов — проблема массовости.

Спросил я об этом Олю Еритенко. Она сейчас не только вожатая в своем классе, но еще и командир педотряда при школе № 20, состоящего из тридцати комсомольцев заводу управления и механосборочного производства «Ростсельмаша», и таким образом проблему знает с разных сторон. И Оля ответила:

— Увеличивать отряд нельзя ни в коем случае. Чем больше людей отвечает за какое-то конкретное дело, тем больше безответственности. Достаточно, если за классом будет закреплен всего один боец, но он будет хорошо знать своих подшефных. Если ему потребуется конкретная помощь, он всегда может обратиться в свою комсомольскую организацию, ребята не откажут. Кстати, школьники тоже не любят, когда их вожатые меняются. Им кажется, что одним они уже надоели, поэтому приходят другие, и у ребят падает настроение.

Выходит, в каждой комсомольской группе, бригаде, ставших коллективным

шефом, должен быть, так сказать, «педагогический» лидер, который ведет от имени своих товарищей всю шефскую работу. И только в особо торжественных и массовых мероприятиях (пионерский сбор, поход) первичная организация может участвовать в более широком составе.

Учителя увидели в проблеме массовости своей, чисто педагогический аспект. Смысл его в следующем. По каким-то непонятным причинам у нас сложилось довольно-таки облегченное представление о воспитании школьников. Некоторые искренне убеждены, что стоит рабочему парню прийти в класс, как все мальчишки и девчонки станут «памянками». Если бы это было действительно так, зачем бы тогда существовала сама наука — школьная педагогика, зачем бы ее надо было в течение нескольких лет преподавать будущим школьным учителям?

Конечно, среди бойцов педотрядов встречаются природные таланты, коим на роду написано быть педагогами. Виктория Григорьевна Станченко, директор средней школы № 50, с восторгом рассказывала мне о рабочем обувной фабрики Саше Жемло. Три года назад он возглавил созданный в ту пору при школе педагогический отряд, в который, кроме обувщиков, вошла группа комсомольцев городской больницы и одного из конструкторских бюро — всего 51 человек. Саша развернул бурную деятельность. Все бойцы педотряда имели особую форму с эмблемой, так что появление в школе хотя бы одного из них сразу становилось заметным и для учителей и для школьников. В самом «трудном» — в смысле дисциплины — классе Саша ухитрился создать кружок «Юные друзья милиции», ходил со вчерашними сорванцами на дежурства, доверял им руководить порядком на школьных вечерах и добился того, что «трудные» стали самыми дисциплинированными.

Педотрядовцы создали и возглавили радио- и фотокружки, кружок «Юный медик» отряд-спутник «Искра». Они организовывали интересные вечера, сборы, викторины. Школьники приходили в школу не только учиться, но и отдыхать. И душой всего был Жемло.

Виктория Григорьевна увидела в нем природного педагога и сочла своим долгом не только сообщить ему об этом, но даже сделала попытку направить его талант в нужное русло. Она убедила Сашу перейти работать в школу старшим пионервожатым. А когда он сделал это, помогла ему устроиться в общежитие и добилась определенных льгот, чтобы он не пострадал материально, распрощавшись с прежней работой.

Дальнейшая Сашина судьба выглядела, по мысли Виктории Григорьевны, вообще блестяще. Школа помогает ему подготовиться к поступлению в пединститут, после окончания которого он становится дипломированным педагогом, заместителем директора. Через некоторое время Станченко уходит на пенсию, а ее место занимает набравшийся опыта Жемло.

Но Саша не стал ни педагогом, ни директором. Проработав год пионервожатым, он нашел более интересную для себя работу — к великому сожалению всего школьного коллектива. После его ухода дела педотряда пошли под гору.

Да, к сожалению, педагогический талант дается не каждому. Но, оказываясь, недостаточно, если этот природный талант опирается только на энтузиазм. Для того чтобы стать истинным воспитателем, ко всем прочим качествам необходимо иметь еще колоссальное упорство, способность постоянно, из года в год, пусть даже небольшими шажками, двигаться к намеченной цели. И те, кто не имел от рождения ни педагогического таланта, ни упорства, но стал бойцом педотряда, должен был научиться хотя бы элементарным педагогическим навыкам. Роль учителя взяла на себя школа. Таким образом, вместо облегчения, на которое могли наде-

ЕБЕ ДРУГА

**СТАРШЕКЛАССНИКИ
РОСТОВСКОЙ ШКОЛЫ № 84
ПРИШЛИ В ГОСТИ
К СВОИМ ШЕФАМ — РАБОЧИМ
ЗАВОДА НЕСТАНДАРТНОГО
ОБОРУДОВАНИЯ.**

яться преподаватели, педотрядовцы принесли им еще одну нагрузку.

Далее оказалось, что деятельность бойцов не всегда вписывается в существующие ныне постановления, инструкции, которыми регулируется жизнь школы. Например, есть положение, согласно которому всякие экскурсии и походы класс может совершать только в сопровождении своего классного руководителя. Не желая подвергать сомнению правильность такого положения, вынужден тем не менее сказать, что оно во многом не стыкуется с теми задачами, которые первоначально планировались педотрядам. Если классу достался активный шеф, для классного руководителя такая находка может стать тяжким бременем. Ведь классный руководитель должен сопровождать своих подопечных и в кино, и в музей, и в театр, и во время экскурсии на завод. А для этого нужно найти свободное время в том насыщенном работой распорядке, который отличается труд учителя.

Есть в этом одна «тонкость», которая касается непосредственно уже педотрядовца. В ситуации, когда ему, взрослому человеку (рабочему, инженеру, бригадиру, студенту) не доверяют подростков, и дают в сопровождение учителя, авторитет «старшего друга» значительно теряется в своем весе. Короче, такое двусмысленное положение заранее губит всякую внешкольную работу.

И уж вовсе непостижимым выглядит порядок проведения турпоходов. Будь ты хоть мастером спорта, но своих подшефных ты поведешь на левый берег Дона только в сопровождении классного руководителя. А тому, в свою очередь, нужно успеть оформить необходимую документацию: написать соответствующее заявление на имя директора школы и получить резолюцию о его согласии. Потом такую резолюцию должен наложить районный отдел народного образования, который поставит в известность горно. Разрешение на поход надо получить к тому же и в районной санэпидстанции.

Убежден, что подобные формальности вызваны вполне вескими причинами. Однако хочу сказать, что осилить барьерный бег по инстанциям в поисках нужных резолюций могут не все, а только истинные, закаленные энтузиасты. Поэтому стоит ли удивляться, что активные формы работы педотрядов с течением времени понемногу заменяются более спокойными.

Не оправдали педотряды еще одной надежды учителей: пробить брешь в «феминизации» нашей школы. Собирая материал для этой статьи, я особо выписывал цифры, которые показались мне любопытными.

Школа № 20. Из шестидесяти педагогов только четверо — мужчины. Из тридцати бойцов педотряда — всего три парня.

Школа № 50. Шестидесять педагогов, из них мужчин — только пятеро. В педотряде тоже в основном девчата.

В педагогическом институте из 3200 студентов всего 500 парней. На математическом факультете это соотношение: 270:4. Естественно, соответствующее соотношение «сильного» и «слабого» полов и в педотряде.

Как-то так получилось, что из комсомольской инициативы, которую по идее должны направлять и контролировать главным образом райкомы ВЛКСМ, это дело незаметно переросло еще в одну нагрузку для школьного педагогического коллектива, за которую он должен отчитываться по всей форме перед вышестоящими инстанциями. А отчитываться школе приходится и так за многие инициативы, придуманные, подхваченные и одобренные в последние два года: агитбригады, педагогический всеобуч, клуб выходного дня, эстетический всеобуч, шахматный всеобуч и так далее — всего девять новых починов, и об активном участии в каждом школа должна доложить. А еще учить детей, и учить педотрядовцев тому, как нужно

учить детей. Как говорится: дальше некуда.

Не во всем оправдались несколько радужные предствления и о профориентирующих способностях педотрядов. Профориентация — дело серьезное. Оно ведется и дома, и в школе, и на улице. Агитировать за ту или иную профессию (или против нее) может, если хотите, и пример преуспевающего соседа из квартиры напротив, и случайно прочитанная книга, и новый телефильм, и... приходящий один раз в две недели боец педотряда. Количество информации, которую получает школьник о профессии из «внешнего» мира и из собственной семьи неизмеримо превосходит все, что может рассказать о своей работе старший друг — вожатый. Тем более, что ему приходится в основном оперировать словами, а не делом. Частые посещения места работы вожатого на практике оказались розовой мечтой. Современное производство меньше всего приспособлено для спонтанных экскурсий такой трудно управляемой публики, как подростки. Даже взрослому рабочему при поступлении его на производство вначале читают минимум по технике безопасности, а потом уже допускают к станку. Кстати, старшеклассники, проходящие еженедельную производственную практику в учебно-производственных комбинатах «Ростсельмаш» и других предприятий сначала изучают технику безопасности, а уж потом допускаются в учебный (!) цех.

Да, и так ли уж необходимы эти регулярные паломничества школьников на рабочие места вожатых? Думаю, нет. Если они хоть раз видели, как их старший товарищ руководит работой сложнейшего станка, ведет расчеты на современной ЭВМ, собирает комбайн, проектирует новую машину — этого будет достаточно, чтобы проникнуться уважением к нему и его делу. Хотя это вообще не значит, что это дело будет избрано школьником в качестве собственной профессии.

В нескольких классах я спрашивал, кем со временем хотят стать ребята. Никто не назвал специальности своего шефа, хотя я бывал в тех классах, где этих шефов уважают. Точно так же старшеклассники не связывали свое будущее с профессией, которую они получали в учебно-производственном комбинате, хотя о своей работе (изделия идут в сборку!) они рассказывали с восторгом.

Итак, педотряд. Новая форма, которая не только много дала при организации шефства производственных коллективов над школой, но и поставила немало вопросов и проблем.

Дело это сложное, но интересное и благодарное.

Вот ответы десятиклассников школы № 12 о своих вожатых с завода «Красный Аксай» токаре Иване Будареве и инженере-технологе Алексее Шаньшине: (Им обоим по 26 лет, Иван сейчас учится на третьем курсе заочного института, Алексей получил высшее образование тоже заочно, когда работал на заводе шлифовщиком.)

Я спросил, за что школьники уважают своих вожатых, и услышал:

— Они умеют хорошо работать, их имена на Доске почета.

— С ними интересно и в турпоход ходить, и в кино, и на завод, так они много знают.

— Мы с ними на «ты», потому что мы почти что одно поколение. Это помогает говорить более искренне. Старшему товарищу порой можно доверить больше, чем родителям или учителю.

— Они к нам относятся по-доброму и на равных: не свысока и не заискивают. Хотели бы они быть похожими на своих вожатых?

— Да!

А продолжить с ними дружбу и после школы?

— Конечно.

И это говорят молодые люди того возраста, когда все подвергается сомнению.

ДАЙ ОПЕРЕТЬСЯ НА КРЫЛО

Начало на 1-й стр.

гда отвечаю: «Что за вопрос, конечно, хочу!» Хочу, чтобы у них осуществилась мечта о небе, которая не осуществилась у меня... Но еще больше мне хочется, чтобы эти ершистые, задиристые, упрямые, толковые мальчишки стали людьми. Добрыми. Трудолюбивыми. Честными. Настоящими людьми.

...А начинался наш кружок так. Летом 1978 года вызвал меня к себе тогдашний заместитель секретаря заводского комитета комсомола Сережа Чаплыгин и сказал: «Есть у нас мысль создать в пятнадцатой школе педагогический отряд. Хотим тебя рекомендовать командиром. Так что ты подумай». О комсомольских педотрядах я тогда уже кое-что слышал и в душе их идею поддерживал: не в скромном одиночестве можно будет работать, отряд — это ведь целый коллектив единомышленников. Подумал я над предложением комитета и... согласился.

Помню хорошо самый первый разговор с директором подшефной школы. Эмма Ивановна Кулинча сначала о школе рассказала. О том, что ребята у нее на продленном дне и что среди них очень много с ранними судьбами. Это значит, что в семье либо вообще нет отца, либо он пьяница. Ранен и тот ребенок, у кого со взрослыми разлад, кто старшим не верит. Мальчишка на учете в инспекции по делам несовершеннолетних состоит за какой-то грех — и у него судьба раненая. Таких, кстати, тогда в школе было пятнадцать человек. На беседы, уговоры, наказания они уже не реагировали. Единственное, пожалуй, что может их как-то отвлечь от хулиганства, сказала тогда директор, — это занятия в техническом кружке. В школе в основном женщины преподают, мальчишки в семьях растут без мужского влияния, поэтому очень хорошо, что вы пришли, закончила тогда улыбкой наш разговор Эмма Ивановна.

На первое занятие пришел ко мне десять «гавриков». Более половины из них — на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. За мелкое воровство, кражу или ее попытку. Уже позже, когда мы хорошо узнали друг друга, спрашивал я у некоторых: «За чем ты молел чужой увел?» Ответы были простыми до наивности: «Покаяться захотелось».

На той первой встрече попытался я увлечь ребят рассказом об истории авиамодельного спорта, да только вскоре увидел, что это для них ужасно скучно. С большим интересом они разглядывали на моей руке электронные часы. Еще больше оживились тогда, когда узнали, что я кандидат в мастера спорта, и стали разглядывать мои модели. Сразу и глаза загорелись и вопросы посыпались. Но чувствовалось, что до полного контакта с мальчишками — чтобы душа, как говорят, прикасалась к душе — было еще ой как далеко.

Кружок юных слесарей-моделистов... Здесь я не руководитель, а такой же ученик и рядовой труженик, как и все дети. Как это хорошо — быть товарищем, другом ребят, работать вместе с ними, радоваться успехам, выслушивать справедливые замечания мастера, если у тебя что-то не получается. Когда дети чувствуют в тебе равного, они открываются перед тобой, доверяют тебе то, что никогда не доверили бы, если бы ты был только их руководителем.

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

«Брать чужое нельзя». «Я же не украл, просто взял на время», — твердил похититель, но ребята ему не верили, потому что уж они-то прекрасно знали, что скрывается за этим «на время». Больше подобных бездумных поступков в авиамодельной лаборатории не было. И про мальчишек моих никто теперь не говорит в школе, что они мелкие жулики».

...Кружковцы, конечно, гордились первыми своими моделями. И больше всего им хотелось, чтобы творения их рук увидели родители. Однажды подходит ко мне Эдик: «Геннадий Николаевич, можно, я модель родителям покажу?» Через несколько дней является расстроенный, показывает сломанную модель. «Что случилось?» — спрашиваю. Стесняясь, рассказывает. Оказывается, принес он самолетик домой, поставил на полированный сервант, чтобы лучше смотрелся. Мать вечером с работы пришла, увидела и швырнула модель в угол. На серванте ваза хрустальная должна стоять, а тут деревяшка какая-то. Меня в этой истории больше всего поражает то, что сама эта женщина, оказывается, работает строителем, как говорится, создает, — и вдруг такое наплевательское отношение к тому, что ее сын своими руками смастерил. Неужели не понимает человек, как важно в таком случае похвалить сына, поддержать его интерес к творчеству? Ведь парень действительно так расстроился, что чуть ли не решил бросить занятия в кружке: как же так, мать, мнение которой он ценил, сочла его увлечение глупостью. Ну, мальчишку после этого мне кое-как удалось приободрить. А вот с отцом и матерью его состоялся у меня серьезный разговор. Думаю, удалось их убедить, что в кружке мы не в бирюльки играем, что увлечение ребят достойно уважения.

Подросток постоянно нуждается в одобрении со стороны взрослых. Школьные учителя говорят, что мальчишек, занимающихся в авиамодельном, просто нельзя узнать. Они готовы с утра до вечера корпеть над своими самолетами, о прежних своих «компаниях» стали забывать. Я хвалил ребят за старание. На районных выставках детского технического творчества наш кружок дважды признавался лучшим, а весной прошлого года занял третье место на городской выставке. В то же время все мои десять «трудных» стали комсомольцами, до этого, естественно, были сняты с учета в инспекции по делам несовершеннолетних.

...Когда вечером проходишь по школьным коридорам, слышно, чем живет каждый кабинет. В школе с продленным днем ребята бывают дольше, нежели в обычной. Вроде бы школьная обстановка должна надоедать. Тем не менее, когда выучены уроки, многие остаются на занятия кружков. Их сейчас тринадцать. Руководят ими члены нашего заводского педагогического отряда. Контролер ОТК Нина Семенова ведет кружок атеистов, учитель Александр Гридасов — музыкальный, инженер Юрий Харченко открывает ребятам премудрости шахмат, воспитатель группы продленного дня Людмила Астапова занимается с любителями танца, бухгалтер Светлана Давыдова и инженер Людмила Москалевич взяли на себя проведение дискотеки, член заводского комитета комсомола Николай Журавлев организовал драматический кружок, преподаватель политехнического института Борис Лукьянчиков объединил ребят, интересующихся радиотехникой, слесари Алексей Денисов и Александр Барыбин руководят штабами «Юный друг милиции» и «Юный дзержинец». С приходом в педотряд инженера Тамары Емельяновой родился школьный клуб «Поиск», члены которого недавно выступили с идеей воссоздать историю завода «Счетмаш».

По-моему, народ подобрался в ком-

сомольском отряде отличный, хотя еще не у каждого все получается. Драмкружок, например, в самых настоящих муках рождается. У Коли Журавлева пока одни вопросы: что ставить, как ставить, почему мальчишек в кружок не затащить? Когда-то еще придет успех, хватит ли у руководителя терпения?

Мне не нравится цифровой подход к оценке воспитательной работы и все же две цифры не могу не записать. За последние два с половиной года число учащихся школы № 15, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, сократилось с пятнадцати человек до пяти. Это значит, что наш заводской педагогический отряд набирает реальную силу.

В начале этого учебного года в авиамодельной лаборатории занималось уже 60 человек. С такой командой одному управляться стало трудновато. Я подумал: а может, попробовать, как в семье, где старшие братья обучают младших. На одном из занятий спросил: «Ребята, а вы никогда не думали, что оставите кружку после себя? Вы уйдете, а мне опять начинать все с нуля?» «Нет, — говорят, — нам тоже хочется кого-нибудь научить модели строить, но мы не знаем, получится ли у нас». Вот это я и хотел от них услышать. Теперь занятия с малышами веду не я, а старшие кружковцы. Они прекрасно и об истории нашей лаборатории рассказывают и о том, на какие средства что покупалось, и чему можно обучиться в кружке. А я заметил поразительную вещь: ребята, которых еще недавно называли «трудными» (очень не люблю это слово, оно ставит клеймо на подростка, да и взрослых приучает к шаблонному подходу к сложностям характера этих ребят), вдруг обнаруживают интерес к педагогике. Ведь обучение новичка — это не простая передача навыков, а самая настоящая наука педагогика. И мои парни азы этой науки постигали на собственном опыте.

Жаль, что пока не все у нас на «Счетмаше» понимаемо, какая тесная взаимосвязь существует между работой педагогического отряда и жизнью завода. Мне, например, приходится слышать: «И чего ты, Гена, все в школу бегаешь? Если о будущих кадрах заботишься — так это несерьезно. Вот придут выпускники на завод, будем тогда их воспитывать рабочими людьми». И не понимают эти бодрые оптимисты, что когда недавний школьник придет на завод, его уже не воспитывать, а перевоспитывать придется. Бывает, человек отцом семейства стал, у него уже свой ребенок растет, а коллектив все к разгильдяю ключики подбирает, воспитывает. Не смешно ли? Растить, воспитывать человека должны не только семья и школа. И от нас, молодых рабочих, зависит тоже, кто придет трудиться на наш завод завтра.

И все-таки с каждым днем у нашего педагогического отряда появляется все больше и больше сторонников. Очень поддерживают нас и партийный комитет и комитет комсомола. Не так давно проводили анкетирование по крупным цехам. Сорок семь молодых рабочих пожелали вступить в педотряд. Конечно, приняли мы далеко не всех. «Что ты умеешь, чему можешь научить детей, какой кружок хотел бы вести?» — вот те вопросы, на которые должен обстоятельно ответить будущий член педотряда. И зачислен в отряд он будет только по рекомендации первичной комсомольской организации.

...Вчера имел долгую беседу с двумя новыми руководителями школьных кружков. Игорь Шумаков будет вести кружок прикладного искусства, инженер Наталья Попкова кружок художественного вязания. В перспективе — открытие мотокружка. Руководителя уже подобрали, теперь все хлопоты наши — о материальной базе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1321) ИЮНЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Всесоюзной
пионерской
организации
имени
Владимира Ильича
Ленина —
60 лет.

Фото
Бориса
Задвилы

1 «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД:
МЕСТО ФОРМИРОВАНИЯ — ЗАВОД».

6 Рассказ Виктора ШАЛАТОНОВА
«...МЫ ПОСПОРИМ!»

8 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
«ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА».
Эдуардс МЕЖЕЛАЙТИС,
лауреат Ленинской премии.
«НАДЕЖДА ЗЕМЛИ».

12 ОТЕЧЕСТВО.
«ГОРОД С ХАРАКТЕРОМ».
Фотоочерк Александра КОВАЛЕВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

14 Стихи Натальи ЕГОРОВОЙ.

18 «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ —
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ».
Читательская дискуссия продолжается.

20 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Надежда НАЗАРЕВСКАЯ.
«КНИГИ СВЕТОЕ ЛИЦО».

22 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Нозль КАЛЕФ.
«ЛИФТ НА ЭШАФОТ».

32 КОНКУРС «НАША РОДИНА».
Второй тур.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

...МЫ ПОСПОРИМ!

Небо хотя и было с утра каким-то неприятным, синюшной пазухой провисшим над морем-водохранилищем, оно, однако, не настораживало, а, наоборот, успокаивало, ибо казалось совершенно безжизненным и даже остывшим раз и навсегда. Серо-белое облако горой-айсбергом стояло у горизонта, будто намертво и накоротко привязанное к дальнему берегу, как бы лишний раз свидетельствуя о стабильности и незыблемости покоя в природе.

В полдень наконец-то удовлетворенные уловом — сорога шла крупная и шла бойко — Максим и Стас на двух «Вихрях» двинулись домой.

Ухоженные и обласканные умелыми руками, моторы «пожали» деликатно: тихо и ровно, как отлично отрегулированные и обильно смазанные швейные машинки.

— Скажи-ка ты! — притворно озабоченно заметил Максим. — Сколько ни бьешь, чтобы в один голос ворковали — никак не удается!

Это уже был каприз виртуоза. Оба понимали, что моторам вовсе не обязательно работать в такт, просто замечание Максима было предлогом лишний раз вспомнить о том, что во всей округе нет искуснее мастера по лодочным моторам, чем он, Максим Ряжев.

— Да ты даже часы одинаковые возьми... — отозвался Стас, сидевший на руле. — И те и другие идут правильно — не бегут, не отстают, а прислушайся — тикают-то наперегонки! Так то ж часы, а ты хотел, чтоб моторы!

Лодка вприпрыжку неслась по ленивой мягкой зыби, высоко и лихо вздыбив нос, готовая вот-вот и совсем оторваться от водной глади. Крыльев, однако, у «Прогресса-4» нет, а посему после каждой попытки «взлететь» дюралюлька гулко и смачно шлепалась о воду, и в этот момент казалось, будто кто-то одергивает ее за «вожжу» — пеннистый бурлящий след, похожий на свежевспаханную борозду многолемехового плуга. Брызги расплескивались на стекле, шустро разбегались полупрозрачными пауками, а ухитряясь залетать в лодку, довольно чувствительно впивались в лица рыбаков.

Помолчав, Максим зевнул, похлопав пальцами по губам, полез в корму:

— Натяну-ка я тент. Да вздремну маленько. Что-то разморило. А ты, Стас, смотри. Черную речку не прозевай. Один мотор заране выруби. Да и на одном там поменьше газуй! Не то как пить дать в топляк воткнемся! Паршивое место. Затон. Там, если бы дно поскрести или водолазов пустить — ого! — сколько всякого разного добра поднять можно. А уж моторов! — Максим махнул рукой и после небольшого раздумья добавил: — Вообще-то меня толчки через часок. Как раз на подходе будем.

Максим имел право предупреждать друга таким вот образом: во-первых, он был старше Стаса на шесть лет, во-вторых, гораздо опытнее на море — с детства по здешним заливам шастает.

— Ничего! — бодро отмахнулся Стас от напутствий. — Волны нет, значит, топляк теперь не шевелится. Над ним теперь хороший слой воды. Ну, а те, что на самой поверхности болтаются, — не прозеваю. — Стас оглянулся. — Я теперь, знаешь, о чем думаю? Вот часиков через пять-шесть пришлепаем домой... А? Левки наши, поди, баньки со вчерашнего кочегарят!

— Хорошо! — весело хохотнув, отозвался Максим. — Небось, они уже все глаза проглядели.

Стас вдруг тут же разом и сник:

— Боюсь одного только... Как бы моя Варюха в панику не ударилась. Запросто молоко может пропасть. А, Максим? Может же молоко у кормящей женщины пропасть от переживаний?

— А то ты первый раз опаздываешь с рыбалки да с охоты. Вспомни прошлую зиму. Неделю плутали! Дура она, что ли? Не понимаешь? — попробовал прощливо его успокоить Максим, уже подремывавший на задних откинутых сиденьях.

Но Стас продолжал еще тревожнее:

— Тогда совсем другое дело было! Переволновалась — да и все. А теперь? Не дай бог, что случится, как тогда месячному ребенку без материнского молока? Вдруг никакой другой пищи не примет! А? Бывают же такие дети. Умирают даже...

— Зананиковал! Закудахтал! — Максим не злился на Стаса, но употреблял злые слова потому, что они всегда выглядят решительней и убедительней. — Не знал бы, кто ты да что ты, так, честное слово, подумал бы — не мужик, а тряпка! Барышня кисейная!

— Тебе хорошо... — Стас чуть было не ляпнул «ты бездетный», но вовремя перехватил язык — стучевался внутренне, знал постоянную боль Максима. Семь лет живут они с женой, оба сильные, красивые, таким бы только и приумножить род людской, а не нет, не дано!

Максим понял, чего не договорил его друг, но не обиделся, знал наверняка, что Стас нечаянно напомнил ему о его несчастье.

Часа через полтора, когда замаячила впереди Крутая сопка и до Черной речки оставалось минут двадцать ходу, Стас очнулся от дремы, навеянной усталостью, равномерным стуком моторов, и вдруг понял, что все вокруг изменилось. Оглядевшись осмысленней, он увидел, что небо ожило: заходило, заизворачивалось. Сумятица небесная отразилась на зыби моря, и оно тоже всполошилось, забурлило.

Все это моментально смазало ощущение благополучия в душе.

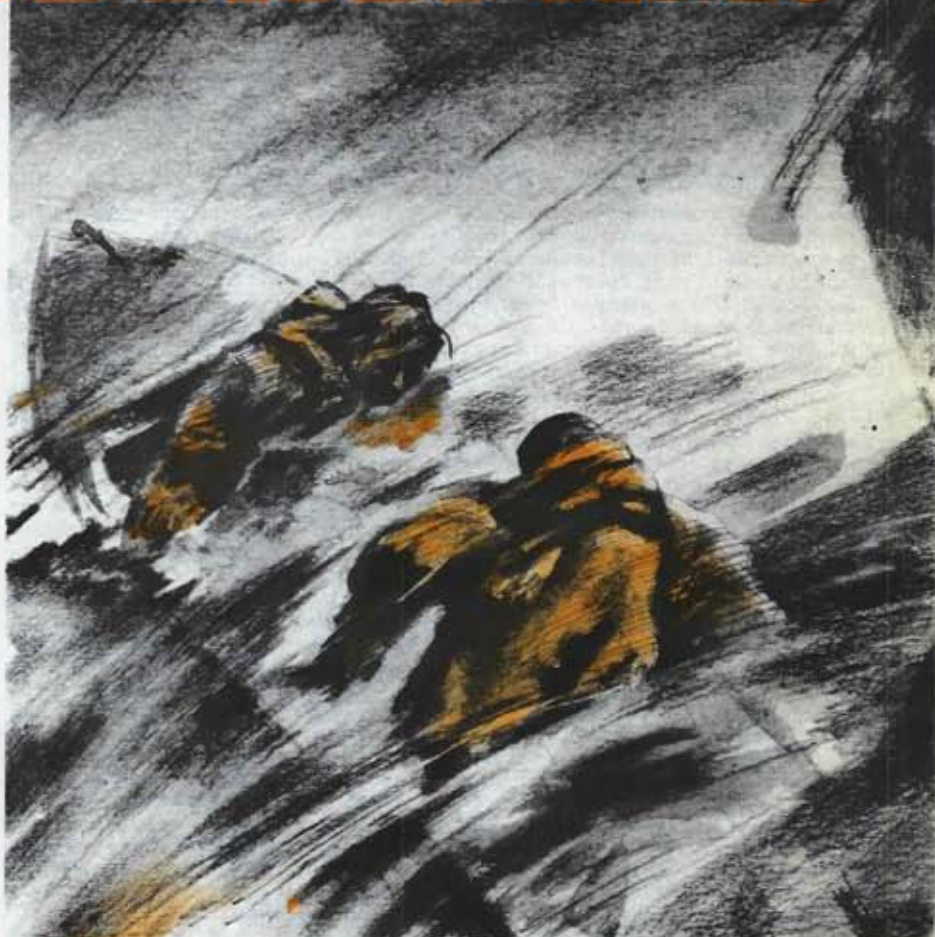
Вскоре на лодку навалился первый шквал да вдруг сразу такой хваткий, что у него достало сил основательно завалить дюралюльку на левый борт и яростно потрещать туго натянутый брезент тента.

«Будто пес хороший: хватил клыками — да из стороны в сторону», — промелькнуло в голове Стаса.

Встревоженный, он решил разбудить Максима, но тот уже и сам проснулся. — Кажись, не удалось нам проскочить без приключений! Теперь поматает! — Максим откинул тент — парусность меньше и опасность виднее, потер глаза: показалось, что на них мутная пленка после сна осталась, но тут же уразумел — это заволакивает ближний берег, вот-вот вокруг ничего не увидит будет.

Во второй раз шквал набросился слева. Максим ругнулся:

— Счас, гад, развернется под сопками — в правый бок влупит! А потом как зачнет мотать с боку на бок — не приноворишься!

Море вспучилось и тут же лопнуло, пошло резкой угловатой волной, которая сразу же и зашлепушила белыми завитками-челками.

— Чертова лужа! — И себе облегчил душу Стас. — Чуть ветерок — и готово! Как в котелке вода закипает. Настоящее море разве раскачивается так сразу?

— Лад-на-а! Начихать! Где наша не пропадала! — крикнул Максим с кормы, куда он перебрался, чтобы заглушить и поднять один из моторов. Теперь обстоятельства требовали того настоятельно, ибо как раз в такую погоду они рисковали в один удар остаться сразу без обоих «Вихрей»...

Стихия распоясалась окончательно. Максим чувствовал сильную усталость, хотя и сменил Стаса за рулем каких-то полчаса назад. Они уже потеряли счет отчаянным и даже катастрофическим моментам — тем моментам, когда лодка чудом уворачивалась от полузатопленных бревен и целых хлыстов, растревоженных волной и вытолкнутых штормом на поверхность порой даже с выскорями-корневищами, похожими на огромные слипшиеся бороды.

Вымокшие до последней нитки, они уже ни о чем не говорили и даже не ругали коварную непогоду, только и того, что обменивались тревожными репликами.

— Два рядом! — сообщил Стас и не мог сдержаться, чтобы не посоветовать: — Отверни чуть влево.

Максим отмахивался:

— Куда-а отворачивать?! В момент кверху брюхом будем! А так на волне должно перекинуть.

Их и в самом деле подхватывало волной, приподнимало и пронесло над оголившимися топляками, похожими то на громадных черно-красных щук, то на белобокые торпеды, — деревья, напрочь откисшие от коры за годы странствий по водохранилищу.

Молния пульсировала огненной трещиной почти непрерывно то в одном, то в другом углу неба, а гром то гоготал басом, отчего осязаемо тяжелым становился воздух, то вдруг лязгал и верещал совсем низко, буквально рядом, и так пронзительно, что закладывало уши.

Максим обеспокоился не на шутку:

— К берегу нужно прибавиться! Давно я в такой передрыге не был! Лет семь назад, однако, вот такой же блатной шторма захватил напротив Чистого ключа. Только то и спасло, что там островок рядом.

Стас промолчал. Максим все понял, надал:

— Ты чего?! Не понимаешь, что ли?! Молоко молоком, бабье волнение бабьим волнением, а жизнь жизнью! Опрокинет — считай каюк! И непотопляемость наша не поможет! В ангарской водиче и летом не побарахтаешься особенно. А подобрать теперь некому. Кто и был если поблизости, теперь уже все на берегу.

Но Стас снова не согласился с Максимом:

— Давай пройдем еще немного! Потом наискосок, к берегу. Оттуда до поселка километров пятнадцать, не больше! Один останется возле лодки, а другой домой пойдет. Предупредить... А то ведь хорошо если кутерьма скоро кончится, а если суток двое-трое изгаляться станет? Тогда уж наверняка... — Стас прервал свою просительную речь — побоялся быть надоедливым со своей заботой да и чувствовал: слишком уж мизерной, не стоящей серьезного разговора кажется она другу.

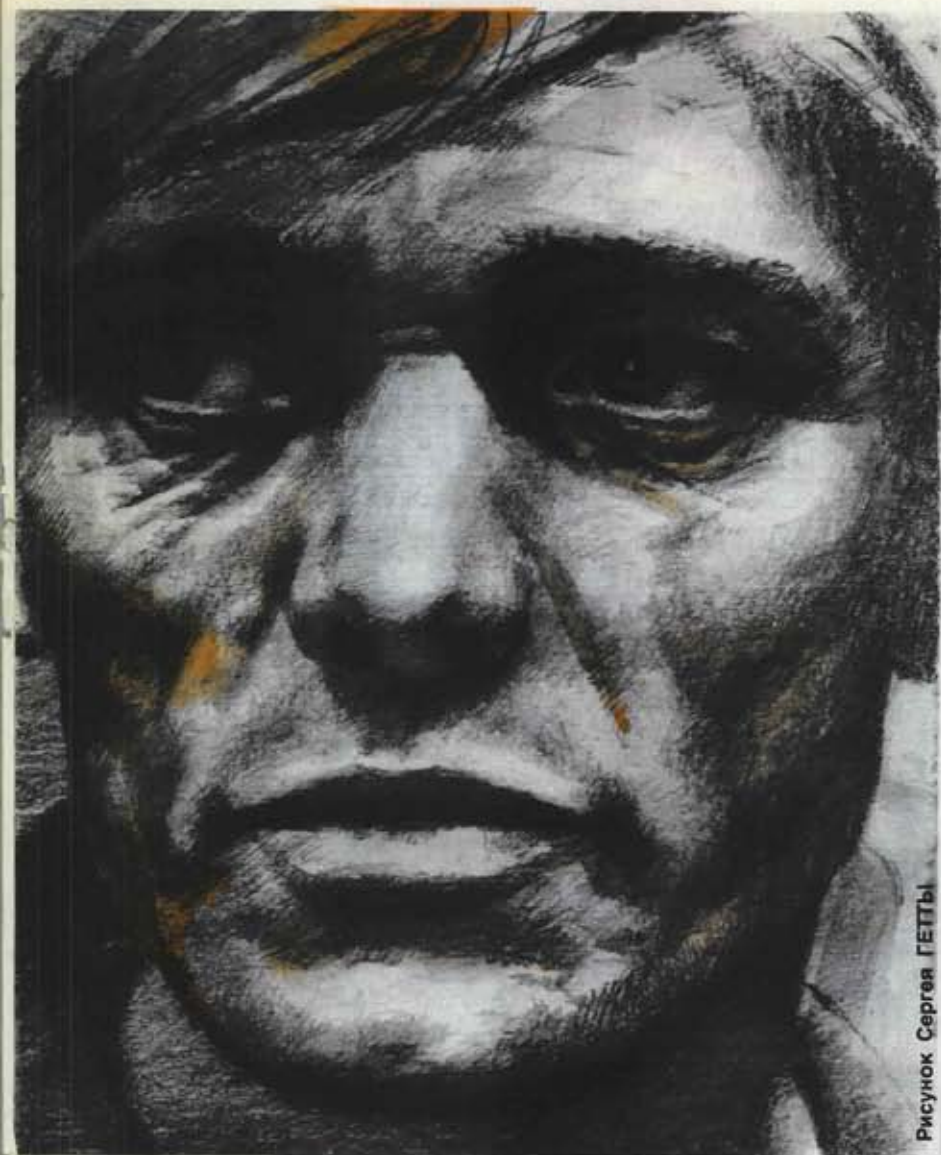

Рисунок Сергея ГЕТТЫ

Они прошли, что наметили, оставалась половина того пути, который Стас определил как «наискосок». Несмотря на непогодный сумрак, берег уже явно проступал темноватой тенью — до него наверняка оставалось полтора-два километра.

Вот тут-то уставший и изнервничавшийся Максим, не доверивший больше руля Стасу, непросто зевнул момент маневра: лодку вскинуло правым бортом, и в тот самый миг, когда дюралька заплескала на гребне волны, друзья одновременно увидели, что в глубокой яме, куда им предстояло сейчас низвергнуться, торчат сразу три острые сломанные вершины деревьев, затопленных водохранилищем на корню.

Все произошло быстро: лодка со всего маху ударилась рубцом-килем об одну из вершин мертвого подводного леса, «х-о-о-п-н-ула», как «х-о-опает» опрокинутое на воду сверху дном пустое ведро или банка, из-под нее с шипением и бульканьем, выхлопами вырвался воздух.

Мотор взвыл шелестяще, тонко и тут же после второго удара сорвался и исчез. На ровной воде в таком положении лодка, пожалуй, смогла бы держаться сколь угодно с помощью воздушного пузыря под днищем, но теперь надеяться на это не приходилось. Было совершенно ясно, что истинно плавучего ее положения хватит ненадолго, ибо с каждым броском из-под лодки вырывалась новая порция воздуха, и дюралька погружалась соответственно.

После пятого или шестого броска лодка резко ушла в воду кормой и зависла в положении тяжеловатого поплавка — над водой осталась только небольшая вершинка носовой части. Это сработало их усовершенствование, которое заключалось в том, что вся носовая часть лодки была герметически закупоренным резервуаром для горючего и в любом случае спасательным поясом для лодки.

Если теперь можно было говорить о каком-то везении, то им все же повезло: ни одного из них не ушибло бортом опрокидывающейся лодки, ни тот, ни другой не напоролся на острую вершину дерева-утопленника, когда они выпрыгивали, стараясь упредить удар.

Оказавшись в воде, в первые же мгновения, еще находясь в горячем, почти полусознательном состоянии, они помогли друг другу сбросить куртки заодно со штормовками, сапоги...

Кое-как оклемавшись, они испытательно посмотрели друг другу в глаза. Посмотрели так, как никогда доселе, — зрачки в зрачки, не уводя взглядов в сторону.

Их, простых парней, жизнь никогда не баловала случайной, незаработанной удачей, тем более — незаслуженным счастьем, и они подсудно всегда были готовы ко всему худшему. Редко философствуя от нечего делать, они, однако, чувствовали не хуже других и понимали теперь, что каждый из них может оказаться не тем, кем он был всегда; теперь ведь не имело значения все то, что было раньше там, в их обычной жизни, вернее даже — все то было слишком мелким против теперешнего.

Каждый из них пытался угадать: что теперь делается в душе друга в новой страшной ситуации? Ведь ежели бы можно было измерить душу человека, допустим, единицей объема, то можно было бы и сосчитать, что большинство из нас живет какими-то десятками кубическими сантиметрами души. И этого нам хватает для повседневной жизни, для обыденки: мы тратим в общем-то стандартное количество душевных сил на доброту и любовь, на зло и ненависть,

да и силы воли эта повседневность требует от нас почти всегда равное количество, исключая малые колебания: сегодня у тебя радость или неприятность, завтра — у меня.

Душа с меньшим объемом, пожалуй, видна сразу. А вот есть ли у человека запас и какой он, этот запас души, — человек часто и сам не знает. Не приходится обращаться к нему, этому запасу, не приходится тратить больше стандартных привычных трат. Повседневность того не требует. И сколько людей прожили и проживают свое, так и не узнав полного объема своей собственной души?! Не подозревая даже, что могли бы тратить не десять привычных стандартных кубических сантиметров, а все сто! Судьба не привела, а сам не нашел, да и не искал особенно: не хуже, не лучше других живу — и ладно.

...Проникновение их друг в друга длилось какие-то мгновения — до новой волны.

Друзья еще были сильными и свободно держались на поверхности, тем более что от воли можно было спастись за локкой.

— В-вот т-так пр-риклю-чение! — инстинктивно тряхнув головой, чтобы освободиться от лишней воды, тревожно бодро выкрикнул Стас. Он только теперь отходил от шока неожиданности, растерянности и начинал по-настоящему чувствовать холод.

Больше всего Стас боялся, как бы Максим не обвинил его во всем: ведь это из-за него они не повернули к берегу раньше.

Смахнув с глаз длинные прямые волосы, Максим откликнулся:

— Доплыть не сможем. Самый лучший пловец не сможет... Без поддержки, без какого-нибудь поплавка. А лодка теперь для этого не годится... Ее в таком положении нам ни за что не дотолкать до берега!

Потом они так и переговаривались — через волну, хватая воздух, отплываясь от нового окатывания... Если тот или другой не успевал высказать за один период — продолжал мысль в следующей.

Стас дрожал от сильного озноба:

— В-бре-вно н-над-до иск-кать. Чтоб н-на плав-ву... Тог-гда дотолкаемся!

Они огляделись вокруг, стараясь делать это в тот самый момент, когда лодку поднимало волной. В бревне теперь была надежда на спасение. Но, как часто случается, судьба зло играла с ними: бревна, мешающие в обычном плавании на каждом шагу, теперь все куда-то запропастились, исчезли. Топляки же, которые держатся обычно под водой в двух-трех метрах от поверхности и по которым теперь катались волны, как по плотам, для плавания никак не подходили: они были слишком тяжелыми да и больше находились под водой.

Через четверть часа ощущение опасности стало ближе — пронзительнее.

Они были совсем рядом друг с другом: их посиневшие руки держались вплотную одна к одной за скобу и ребро носа лодки, ноги их часто соприкасались, особенно в те моменты, когда один из них начинал перебирать ими интенсивнее, чтобы сохранить равновесие или чуть-чуть ослабить напряжение в руках и в то же время остаться на плаву.

Они стали словно бы следить друг за другом. Оба понимали, что в их глазах теперь не может не быть страха. Но даже не страх боялся увидеть в глазах старшего друга Стас — ему еще прошлый раз показалось-почудилось во взгляде Максима не то чтобы полное равнодушие, но уже словно бы намек на него, словно бы тень равнодушия к своей, а значит, и к его судьбе.

Стас попытался было еще раз заглянуть в глаза друга, но Максим вдруг закрыл их, лицо его исказилось. Стас понял: «Началось!»

— Крепись, Максим! Не д-давайся св-вол-лочи! Не д-авайся! Что схват-тило? Ногу?! Я под-держ-ж-у!

Максим с закрытыми глазами корчился от боли, но руки не отпускал:

— М-м-м! Вот оно... оказывается, как... все просто, зараза! Как у бук-кашек-тар-ракашек! А думалось как-нибудь... по-ос-собому!

Когда лицо Максима отмякло и стало более-менее обычным, он наконец открыл глаза.

И Стас испугался его взгляда: увидел в нем роковую мысль, приговор им обоим.

— Пока я в себе, Стас, предупреждаю... Если что, сразу же отваливай в сторону, пока я барахтаюсь буду. Да настолько, чтоб не достал.— Максим говорил спокойно, как будто не о себе, а о ком-то другом да и то — далеком, незнакомом.— Не вздумай помогать. Все равно уж...

— Да ты ч-что, Мак-симу-ш-ш-ка-а?! — Так Стас, бывало, называл друга в расплавленном состоянии, после рюмки-другой.— Ты что-о? Ты т-только не думай про судо-р-рогу! Пок-крути-ла-отпустила! Как же так, с-сразу-то-о?!

— Другой раз не отпусти. А не другой, так третий. Ты, Стас, если зачнет к тебе приступать... Она чаще всего с пальцев начинает... Так ты не подумай шевелить ими, сопротивляйся. Расслабь сразу всю ногу, как можешь. Распусти мышцы. Лучше воды нахлебайся... и терпи. Терпи, хоть будет казаться, что тебе напрочь кости ломают!

— Зря ты, Максимуш-шка про судорогу помнишь! З-зря ждешь! — Стас чуть ли не причитал, стараясь убедить друга.

Но лицо Максима было как бы уже неживым, бесконечно равнодушным. И заговорил он в ответ на слова Стаса тоже бесконечно равнодушно:

— Знаешь, Стас... Умирать боится тот, кому жизнь — сплошная малина.

Долго молчал Стас. Долго. А потом взвился, будто свежих сил где наскреб, а не трепанный-перетрепанный был за эти жуткие полчаса. И озноб даже прошел показалось.

— Не-ет, Максим! Не-ет! Ты жизнь не менее меня любишь! Не менее любого и каждого! Как хошь, Максим! Как х-о-ш-шь! А меня туда не тяни! Не тяни! Я выплыву! Не хватало еще чего! Да и Наталья моя беззубым своим мне улыбается! Ручонки-царапушки в душу запустила... Ими за жизнь я зацеплен...

Они корчились одновременно и не видели страданий друг друга. Максим только стонал и скрипел крупными своими ядерными зубами, Стас же свое бессвязно твердил: «Ручонки-лягушонки... Царапушечки! Не пускают...»

После следующего приступа, открыв глаза, Стас вдруг увидел бревно, выткнувшееся из вершины волны.

— Макси... — обрадованно было начал он и недопроизнес имени друга, понял, что его перед ним нет.

— Макси-и-и-м! — Завертел головой Стас, цепenea от ужаса.— М-а-к-с-и-и-м!

Это был конец. Это было постыднее любого сиротства — остаться одному в таком положении, одному ждать смерти. Он отгонял страшные мысли изо всех сил, но главная все же пробилась сквозь его искусственные заграждения: «Максим утонул... А ведь он был и сильнее меня и выносливее. Это просто случайность, что не я первым...»

Чтобы не видеть перед собой пустоты, Стас даже глаза прикрыл. Но пока на него наваливалась очередная волна, словно наяву увидел свою крохотную

Наталку — ее ручки, еще самопроизвольно дергающиеся в воздухе, губенки, чмокающие полную грудь жены, молоко в уголках этих губенок...

И тут он сразу же становился словно бы ближе к жизни, на ее стороне. Исчезновение Максима заставило Стаса забыть на некоторое время о бревне — своей надежде на спасение. Когда же вспомнил о нем, бревно успело проскочить рядом в трех-четыре метра и теперь удалялось, хотя и наискосок, в сторону берега. От досады на самого себя Стас опустил правую руку — сработала привычка ударять себя в расстройстве по бедру — и задел ножны, в которых был его великолепный нож, тонкий, способный наголо сбивать с мышц зверя шкуру.

И только теперь он вспомнил детство и то, как пацанами, учась плавать, они всегда брали с собой булавку, которую держали в зубах раскрытой. Считалось, что если в воде наступит судорога, то хороший безжалостный укол булавки заставит ее отпустить хоть руку, хоть ногу.

Уже не заботясь о болях в ногах — теперь они болели и без судорог, — он вытащил нож из ножен, взял его в зубы и плавно оттолкнулся от носа лодки в направлении ускользящего бревна...

Стас почти догнал его. Он уже видел, что то было даже не одно бревно, а два — стянутых в плотик самодельными скобами из толстой ребристой арматуры. Это обстоятельство увеличило надежду на спасение.

Ему оставалось несколько толчков до бревен, и он поспешил, перенапряг-таки мышцы. Судорога свернула обе ноги разом. Кроме того, он чувствовал ее начало. Ее приближение и в правой руке — уже «VELO» безымянный и средний пальцы... «Конец», — мелькнула было отчаянная мысль, но он тут же взял нож в левую руку и насколько мог сильно воткнул его в левое бедро, потом, не раздумывая, в правое предплечье. С тем же бездумьем, словно стараясь не дать себе что-то чувствовать и думать, он переложил нож в правую руку и повторил удар в правое бедро...

Он не знал, действительно ли могла помочь булавка от судороги — не пришлось испытать в детстве, — но эти удары ножом словно освободили его мышцы, а боль даже обрадовала и пока взбодрила.

Он догнал плотик, с ходу попытался было взобраться на него, но тут же понял, что не сможет этого сделать: во-первых, не было сил даже немного подтянуться, вода, словно болото или смола, держала его и, казалась, всасывала в себя, в свою глубину; во-вторых, бревна были покрыты толстым слоем противной скользкой слизи. Такой скользкой, что она не дала бы взобраться на плот даже со свежими силами. А если и удалось бы взобраться на плот, то он наверняка не долго бы продержался на нем — на это потребовалось бы усилий не меньше, чем для того, чтобы держаться на воде.

Нужно было что-то срочно придумать, как-нибудь зацепиться за плот. И обязательно так, чтобы его не оторвало волной — это раз, и так накоротко, чтобы он не захлебнулся даже в бессознательном состоянии.

Но зацепиться было нечем. Пока суть да дело, он посильнее воткнул нож со стороны торцов по ходу слоев дерева. Это была ненадежная опора — нож изгибался при малейшей потере равновесия. И он понимал, что нож вот-вот выйдет из сырого бревна, а судорога в любую секунду может взяться за него снова. Ведь не навсегда же он отогнал эту акулу, изранив себя.

А мысль и взгляд его приковывала скоба... Дотянуться бы до нее, ухватиться бы!

Помогла волна... Она словно набросила Стаса на край плотика, и он успел схватиться за скобу обеими руками. Потом произошло как бы само собой: следующая волна, наоборот, попыталась сдернуть его с плотика, оторвать от скобы. И ей чуть было не удалось это сделать. Удержался Стас только на одной правой. А когда пытался схватиться снова за скобу левой рукой, она попала не сверху, а в промежуток между бревнами... И Стас понял, что нужно сделать.

Сдирая кожу, преодолевая невыносимую боль, он протолкнул-таки кисть под скобу, в треугольное пространство, образовавшееся при соединении круглых бревен. Почувствовав, что скоба уже на запястье, парень намертво сжал кулак.

Он очнулся и увидел все еще грохочущее темное небо. Потом почувствовал пятками дно — понял, что его плот загнало в затон, на мелководье.

Он мучительно долго барахтался в воде и грязи, пока ему удалось перевернуться в нормальное положение — лицом к берегу, до которого было метров пятнадцать сплоченных штормом бревен, поигрывающих на слабой волне затона.

Нужно было освободиться от бревен. Стас попробовал разжать кулак — ни один палец даже не пошевелился. Тогда он принялся разжимать их по очереди и удерживать правой рукой в более-менее ровном положении: каждый разжатый палец, стоило его отпустить, тут же снова скрючивался уже самопроизвольно.

Вжимая пальцы левой руки как можно сильнее меж бревен, он попытался выдернуть руку из-под скобы. Он не жалел себя, не боялся боли — он уже и так словно одеревенел от нее, словно потерял чувствительность. Но, видимо, сил было слишком мало, а кисть стала слишком большой от опухоли, чтобы протиснуться под скобой.

Он с тоской осмотрел берег — там было пустынно. Там могло быть пустынно и три дня, и три недели, и три месяца, и даже три года...

Взгляд его остановился на ноже, все еще торчавшем в бревне. Он вынул его, попытался было долбить, но тут же понял, что это бесполезно. Для того, чтобы выковырять ножом острие скобы, потребовалось бы слишком много времени. А его у него было, вероятно, уже слишком мало.

Тогда он еще раз посмотрел на кисть левой руки: на перетертые вены, белевшую кость... Да, он, рыбак и охотник, конечно же, знал, что делают в таких случаях зверюшки, попавшиеся в капкан одной лапой...

— Ничего, — сказал он себе вслух, одними вздувшимися почти черными губами. — Обнять и одной хорошо... Лучше, чем вообще не обнять.

Потом он закрыл глаза, как бы собираясь с силами, а когда открыл их, то, уже не размышляя, прицелился ножом в перламутровое сухожилие...

Хирург отнял Стасу руку по локоть.

Знакомым, еще не привыкшим к нему, такому, Стас отвечал:

— Было бы на кого, а заработать и одной можно.

Ну, а если когда среди мужиков разговор о жизни и смерти заходит, о каких-нибудь чудодейственных спасениях или наоборот — нелепых смертях, Стас говорит убежденно:

— Сила, оно, конечно, выносливость там и так далее... Но будь ты хоть трижды богатырь, пропадешь ни за понюх табаку, если тебе жить не очень нужно, если у тебя в душе никакого якоря нет, чтобы за жизнь им намертво зацепиться.

Потом, помолчав и насупленно глядя куда-то вдаль, добавляет:

— А-а, ерунда это все... Вот Максима нет, мужики, то печаль моя из печалей.

60 лет СССР
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета Дружбы и подвига»

ША

Эдуардас
МЕЖЕЛАЙТИС,

Герой
Социалистического
Труда,
заместитель
Председателя
Президиума
Верховного
Совета
Литовской ССР,
народный поэт
Литвы,
лауреат
Ленинской премии

Земля

*Земля!
И ковши и лопаты
Вгрызаются в твердь твою, но
Горда и спокойна всегда ты,
Как будто тебе все равно.*

*Чернее и угля и хлеба
Бываешь,
Но вдруг, горяча,
Предстанешь красней кирпича,
Синее весеннего неба.*

*Меня ты и кормишь и поишь.
Ты камень,
Земля, и река.
Умчавшиеся вдаль, ты помнишь
И годы свои и века.*

*Планеты как птицы крылаты...
Ты космоса малая часть,
И тело мое и душа ты,
Моя ты и радость и страсть.*

*Чернее и угля и хлеба
Бываешь.
Но, зерна лепя,
Злак тянется к солнцу и небу,
Корнями вцепившись в тебя.*

Кто-то

*Я чувствую шаги:
Гуляет кто-то,
Невидимый гуляет во дворе.
Он захотел —
и солнца позолота
По яблоневой стелется коре.*

*Подсказывает ухо: это ветер,
А сердце возражает: нет и нет.
И взгляд мой,
что внимателен и светел,
Никак не может разгадать секрет.*

*Предполагаю образ,
может, странный:*

*Пропахший лугом,
Рожью, молоком,
Дух лета улетевшего, желанный,
Во двор спустился
легким мотыльком.*

*Дух лета!
Поцелуй твой, как лекарство;
Ты прикоснулся к тихому ручью,
И ожил он,
И осени коварство
Он позабыл, как холодность свою.
Он зазвенел и радостно и нежно
И заспешил, как много дней назад,
Туда, где и беспечно и небрежно
Еще дороги знойные пылят.*

*Дух лета!
Ты душою помыкаешь,
И невидимка
И волшебник ты,
Цветы,
как будто свечки, зажигаешь,
И расцветают заново цветы.*

*Своей ладонью легкою, как ветер,
Ты загрузивших гладишь аистят,
Дух лета,
и они, как будто дети,
Доверчиво куда-то вверх глядят.*

*Я чувствую шаги:
Гуляет кто-то,
Невидимый гуляет во дворе.
Не уходи, пускай твоя забота
Забудь поможет о календаре.*

*Дух лета!
Ты один явился или,
Быть может, дух поэзии с тобой?
Со мной побудьте,
успокойте крылья,*

*Полет
Не торопите
Голубой.*

Перевел с литовского
Анатолий ИВАНУШКИН.

МЕЖЕЛАЙТИС И ЗЕМЛЯ

Встретиться с Эдуардасом Межелайтисом оказалось просто и одновременно сложно. Человек он общительный, чутко откликающийся на просьбы. Но выбор дня и часа нужно было не раз корректировать. Заседания Президиума Верховного Совета Литвы... Многочисленные общественные заботы... И потом Межелайтис — поэт, постоянно и много пишущий. Так было раньше, так остается и теперь. И ему просто необходимо бывать наедине с природой, чтобы, как он говорит, поймать «свой» звук. Он любит слушать на прогулке, что «говорит» Земля. Любит посидеть в тишине квартиры в удобном кресле, глядя на сосны, застывшие в окне, как на экране. Без этой любви не может быть новых стихов...

Он сам открыл дверь, провел в свой кабинет. И, усадив за низкий столик, отвернул свое кресло от окна, заторопился развезать некоторое мое стеснение тихими, добрыми словами:

— Я вас ждал. Вы сегодня приехали? Еще не успели посмотреть город?

И стал рассказывать о Вильнюсе, советовать, что посмотреть в первую очередь, как разыскать нужную ули-

цу, площадь. С особой теплотой говорил о старой части города:

— Обязательно сходите в дом, где была ставка Кутузова... И полюбуйтесь костелом Святой Анны. Знаете, Наполеон, увидев его, воскликнул: «Вот бы взять его на ладонь и перенести в Париж!»

Уже потом в мой блокнот легла запись: «Открытый, внимательный взгляд. Так может смотреть только по-настоящему добрый человек. Именно глаза, чистые и светлые, да еще голос, тихий, спокойный, создают при встрече с ним атмосферу сердечности, взаимного контакта...»

«Джорджоне «Спящая Венера», «Рембрандт «Автопортрет с Саскией», «Мелодическая графика», «Слушая Вагнера», «Полонез Шопена», «Ахматова», «Отзвуки Рамааны», «Баркарола», «Пантеон», «Вербя Вильнюса», «Этиод реки Нерис»... Это названия стихотворений из его последней книги «Пантомима». От нее веет высокой духовностью, культурой. Она не могла быть другой, потому что такой у нее автор.

— Так вы представляете комсомольский журнал? И меня с комсомолом многое связывает. Только мы общались к нему в подполье...

Он на мгновение задумался, переносясь из настоящего в прошлое, посмотрел в сторону окна. Оно было большим, во всю стену. И выходило в тишину. Вдалеке чернели сосны, припорошенные уже весенним снегом. Они будто вбирали в себя шум города. Район действительно удивительно тихий. Раньше квартира Межелайтиса находилась на улице Костюшко. Дом стоял на оживленной, шумной магистрали, там трудно было сосредоточиться. Шум отвлекал. Поэтому и переехал поэт в более спокойное место.

Окно. Я представил, как Межелайтис подходит к нему, чтобы увидеть усеянное звездами небо. Неспроста ведь у него столько стихов о Земле как о частице Вселенной. Стихов о космосе...

— В 1924 году наша семья переехала из деревни в Каунас — тогдашнюю столицу буржуазной Литвы. С большим трудом мне удалось поступить в третью каунасскую гимназию. Учение было платное. И дети многих бедняков не могли позволить себе такую роскошь — учиться. У нас в семье лишних денег тоже не было, но я учился хорошо, с крестьянской основательностью, и мне разрешили пла-

тить только половину положенной суммы. Помню, никого учиться не заставляли. Мы тогда даже представить себе не могли, как это можно не хотеть учиться. Учение воспринималось как подарок судьбы. Огромное завоевание социализма — бесплатное обучение для всех. И горько видеть, что теперешние школьники и студенты порой не желают заниматься. Их уговаривают, агитируют. Так и хочется спросить: «Кого вы обкрадываете? Самих же себя, глупые».

В соседней комнате зазвонил телефон. Эдуардас Беняминвич замолчал и прислушался. Не знаю, его страшивали или нет. Жена что-то отвела по-литовски. Повесив трубку, она подошла к двери кабинета и произнесла две короткие фразы. Межелайтис улыбнулся, и его улыбка, обращенная сразу и к ней и ко мне, была настолько светлой и добродушной, что как-то сразу забылось о внезапной паузе.

— Годы, проведенные в гимназии, были замечательными. Они совпали с активизацией политической и общественной жизни в Литве. За обновление жизни выступала учащаяся молодежь. Когда я пришел в гимназию, а

ИСПАНСКИЕ ЭСКИЗЫ

Пикассо

Накануне столетия со дня рождения Пикассо его знаменитая «Герника» наконец вернулась в Испанию.

Сон, ужас, горячка, делириум тременс¹...
Страх каждому зрителю в душу проник.
Гляжу — цепенею.

Надеждою греюсь,
Что будет обуздан взбесившийся бык.

Разорвано бомбами тело, а руки —
Живые — зывают еще к небесам.
Где рыцарь-заступник?

В смятенье и муке
Взмолиться к каким благородным сердцам?

А бык разъяренный, чуть красное встретит,
Животную ненавистью ослеплен,
Наставив рога,
прямо в голову метит,
Все жаждет безжалостно вытоптать он.

Но нет, не хочу, не хочу, не хочу я
Ни битвы такой, ни подобной судьбы,
Где б смерть все вокруг сокрушала, бушуя,
Вне правил корриды, вне честной борьбы.

Устав поединка и кодекс турнира
Готов я уважить, — мне честь дорога.
Но только не так, чтоб грядущее мира
Взбесившийся бык насадил на рога.

Всеобщая гибель —
вот враг, вот соперник.
Кошмар, что извечно невообразим.
Так не допусти повторения Герник,
И новых не допусти Хиросим!

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

¹ Бредовое состояние (лат.)

это было в 1935 году, у нас не существовало комсомольской ячейки. Вскоре мы ее подпольно создали. Так в шестнадцать лет я стал комсомольцем-подпольщиком. Ячейка состояла всего из десяти человек, но по тем временам цифра эта считалась значительной. Нашу подпольную работу поддерживали прогрессивные преподаватели, которых в гимназии было немало. Назову только двух. Знаменитую поэтессу Саломею Нерис, она вела уроки литературы и родного языка. И Иозаса Банайтиса, преподававшего музыку. Он после войны стал министром культуры Литвы.

— Комсомольская организация, работающая в подполье. Современной молодежи трудно представить, что это такое, нелегко почувствовать ту атмосферу, понять задачи, стоявшие перед комсомольцами...

— Всегда время диктует образ жизни и деятельности. Нам многое пришлось держать в тайне, жить по законам конспирации. Время было переломное, но, я бы сказал, и благоприятное. Многие сочувствовали подпольщикам — мы видели, ощущали. Я все это в первую очередь объясняю влиянием, которое оказала на литовский народ Великая Октябрьская социалистическая революция.

Вскоре наша гимназия установила контакты с учащимися других гимназий Каунаса. Агитация среди молодежи принесла свои плоды. Через несколько месяцев подпольные комсомольские ячейки возникли в других учебных заведениях, в том числе в техническом училище. Но мы не обособлялись от молодых рабочих. При-

ходили к ним на заводы и фабрики, устраивали совместные собрания, митинги. Знакомили их с политической литературой, с произведениями классиков, запрещенных правительством буржуазной Литвы. Тогда под запретом находились Горький, Маяковский, Шолохов.

Сам я рано познакомился с русской литературой. И помог мне в этом отец. Он служил солдатом в русской армии и прекрасно знал русский язык. По вечерам читал мне Пушкина, Гоголя. Благодаря отцу я узнал Николая Островского — писателя, который в то время соответствовал общему настрою демократических кругов Литвы. Его книжку принес мне один литовский поэт, и она стала просто необходимой в подпольной работе. Я зачитывался ею, рассказывал о ней своим друзьям. Для своей пропаганды, и особенно в антифашистской деятельности, а фашизм уже тогда превращался в Европе в грозную силу, мы использовали все средства. Выступали с обличительными речами, сотрудничали с демократическими газетами и журналами. Их издавалось много, были они разных толков и направлений. Часто в своих заметках мы ухитрялись цитировать Маркса, Ленина, Плеханова.

— Уже в это время вы начали писать стихи?

— Да, поэзией увлекся слишком рано. Уже в шестнадцать лет в подпольной печати появились мои первые юношеские стихи. Они были проникнуты революционным накалом, пафосом борьбы за справедливость. Я старался откликаться на все, что меня окружало и волновало. А так как был

юн, запальчив, волновало меня многое, то и стихов писалось немало...

Межелайтис прервал рассказ о своей юности, поднялся с кресла и подошел к полке, приспособленной под окном. Он порылся и достал книгу в глянцевого обложке. Сев снова в кресло, неожиданно заговорил об Италии.

— Я бывал там несколько раз. Мне нравится эта теплая страна. Жгучее солнце, голубое небо, синее море! Какие там повсюду сочные краски! А Помпея! В 1969 году я оказался в Помпее вновь. Мне привычно сравнивать ее с древней каменной газетой. Я сидел на какой-нибудь камне и по несколько часов просиживал под палящими лучами солнца. Вслушивался в тишину, которая обволакивает тебя. И начинал думать, мечтать, фантазировать...

Я вернулся из Италии, но Помпея, эта каменная газета, заговорившая с людьми через восемнадцать столетий, все стояла у меня перед глазами. Она преследовала меня наяву и во сне. Она все просила меня дочитать ее до конца, хотя можно ли дочитать до конца эту кричащую каменную глыбу? Она подобна вечности, и не хватит никакого времени, чтобы ее постичь. Осенью того же года я поехал в Каунас. Всегда с большой радостью и с какими-то тайными надеждами возвращаюсь в город детства. Я его хорошо знаю, но каждый раз он меня очаровывает по-иному, дарит неожиданные встречи, цвета, запахи, звуки. Не мог я не пойти в дом, где вырос, в дом, с которым связано столько разных воспоминаний.

Во дворе меня встретил широченным объятием медный каштан, посаженный когда-то мною. Сколько все-таки лет минуло! Я нагнулся и подобрал с земли зрелый, скинувший с себя колючую шубу плод. И стало мне вдруг хорошо и весело. А вскоре начали ко мне подходить мои старые друзья. И каждый со своим дорогим подарком: один с клочками воспоминаний, другой — со своей печалью, а третий — просто с добрым словом. Последней пришла бывшая наша соседка. В детстве и юности я называл ее двумя начальными буквами ее имени — Эм. Невольно я начал называть ее по-прежнему, хотя прежней она, разумеется, не осталась. Впрочем, так ли существенно, что темная пряда, выбывшаяся из-под косынки, стала похожа на волну Немана — подернулась белой пеной? И появилось несколько морщинок возле глаз? Сам-то глаза не изменились, остались смуглыми вишнями, налитыми солнечным зноем. «Эм, — сказал я как можно убедительней, — ты несколько не изменилась». «И ты», — ответила она, улынувшись не так ярко, как прежде. Но нам хотелось поверить в то, что мы говорим правду, и мы поверили... «А знаешь», — сказала вдруг Эм, — у меня для тебя сюрприз. Я принесла пачку твоих рукописей. Во время оккупации я собрала кое-какие твои вещи, сложила их в сундучок своей тогда уже покойной мамы и зарыла под яблоней. Ну и забыла об этом. А недавно вспомнила. Сундучок-то весь прогнил, и вещи почти истлели. Двадцать пять лет все же в земле пролежали. А рукописи целы. Ты взгляни на них». С этих листков, так долго пролежавших в холодной земле, повеяло на меня

Толедо

*Пришел я в Толедо гранитный
Извилистой тропкой змеи...
И катятся слезы, и стыдно,
Что строки бессильны мои.*

*Иссякли, как тушь из флакона,
Слова. Только в сердце моем —
Толедо, как сон, воплощенный
Эль Греко в мазке грозовом.*

*Прими же, измаянный сушою,
Как ждущая ливня душа,
Толедо, достойный лишь туши,
Штрих бледного карандаша.*

*Толедо, иссохший, как древо,
Не знавшее капли воды,
Ты весь, как хорала распева,
Что каменно стали тверды.*

*Лишь всплески рыданий, как спазмы,
Да каменных снов забыть...
Толедо — как перстень алмазный,
Надетый на сердце мое...*

Гауди

*Собор в Барселоне, как столп в Вавилоне,—
Метр Гауди строил. Безумцем он слыл.
В мир странный, заоблачный, потусторонний
Он башни свои, как мечты, возносил.*

*Смеялись, шептались, что он невменяем.
Стремился он к небу, где звездная мгла.
Но смерть, скрежеща дребезжащим трамваем,
На улице зодчего подстерегла.*

*Остался тот замысел незавершенным,—
Собор — как израненный в битвах солдат.
(Таких не встречалось строений еще нам,
С рисунков Доре только где-то глядят.)*

*А башни стоят, с неба тучи срывая,
Как листья со звезд. И вполне ли ясна*

Поэт Дон-Кихот

*Самым лучшим испанским поэтом
Был он сам, Дон-Кихот из Ламанчи.
Мир, его подчиненный приметам,
Вырос, крыльями мельниц маяча.*

*И с копьем своим наперевес он
Цепи рабства крушил повсеместно.
Одержим справедливости бесом,
Бился с несправедливостью честно.*

*Был и рыцарем он и поэтом,
Верно глупой служил Дульсинею,
Жизнь провел неразумным аскетом,
Благороднейшей предан идее.*

*Через время плетется он; гляньте:
В мире несправедливостей масса.
Он осилит их на Росинанте,
Прирастив ему крылья Пегаса.*

*А толстяк Санчо Панса, что здраво
Мыслит, в такт его строфам кивает
И, луке подмигнувши лукаво,
Потихоньку винцо попивает.*

*Строителю цель их была, я не знаю,
Но чашу страданий испил он сполна.*

*Обиды терпел и сидел без обеда,
Колесами жизни ни в чем не щадим.
Но точку опоры он вслед Архимеду
Искал, окрылен вдохновеньем своим.*

*Смотрю я на асимметричные башни,
И башни Чюрлениса вспомнились мне.
Провидцы все дерзостнее, все бесстрашней
Творят их — кто в камне, кто на полотне,*

*Кто в слове... И звезды глядят изумленно:
Фантазия? Шутка? Иль вызов богам?
И столп Вавилона, и храм Барселоны,
Простерты смело к грядущим векам...*

Гитара

*Безумно смейся, гитара,
Плачь яростно, жди, что вот-вот
На шаль на камнях тротуара
Песет звездный дождь упадет...*

*Но песне, и тихой и звонкой,
Нет отклика... В улиц прибой
Лишь верная собачонка
Пойдет, гитарист, за тобой.*

*И я, о гитара, искусно
Вверял себя струнам твоим,
И было так славно, так грустно,
Казалось, я неуязвим...*

*Все в прошлом! Гитара разбилась
О звезды, как хрупкий бокал,
Та песня, как штык, преломилась,
А новой никто мне не дал.*

Сувенир

*Я купил тебе перстень такой,
Что звенит серебром, как сопрано,
Отливая в оправе тумана
Средиземного моря волной.*

*Я кольцо из Испании vez
С прихотливым и тонким узором,
Чтобы снова предстала пред взором
Память наших серебряных роз.*

*Сколько прожито лет! Пронеслась
Наша жизнь под метелями века...
Пусть же темные краски Эль Греко
Серебром прояснятся для нас.*

*Ты наденешь на палец кольцо —
И, осеннюю тьму отгоняя,
Обещанием нового мая
Свет серебряный хлынет в лицо...*

Перевел с литовского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ.

весенним теплом. И снова вспомнилась мне весна, встречающаяся под небом Италии, вспомнилась каменная газета Помпеи.

— Вот, — протянул мне поэт книгу, которую он во время воспоминания о Помпее, итальянской и литовской, бережно держал в руке. — Здесь напечатано несколько моих юношеских стихотворений, о существовании которых я почти забыл. Но по стечению добрых обстоятельств они вернулись ко мне...

Вчитываюсь в стихи. И представляю их юного автора. Счастливые возраст, когда начинается познание мира. Что было раньше? Созерцание, наблюдение, открытие. Теперь все это помножается на боль и радость, на желание принять одно и не принять другое. Душа не может оставаться созерцательной, ей хочется спора, несогласия, ниспровержения гипотез истины ради обретения новых.

Юный поэт начитан, его привлекает мир искусства. В стихах мелькают образы, навеянные Рембо, Софоклом, Шекспиром, Байроном, Шопеном, Дебюсси, Модильяни, Чюрленисом, Пикассо... Он не стесняется вставлять эти великие имена в стихи, ибо по-юношески самоуверен, громок. Даже может воскликнуть:

*...я звойти готов
Без принуждения на свою Голгофу,
Которая не ниже всех голгоф.*

И все-таки юношеский максимализм часто является для него средством самозащиты. Мир прекрасного и вечного его волнует. Он становится частью его жизни. Но другой частью становится реальный мир. А он оказывается не таким совершенным, не таким справедливым. И порой критическое отношение к классике, спор с великими — это самокритика, спор с самим собой.

Многосложность и жестокость окружающей тогда поэта действительности, предчувствие будущих революционных бурь заставляли его не идти на компромиссы, а быть заодно «со всеми строптивцами и окаянниками еретики». В стихотворении «Диалог» поэт приходит к судьбе, когда белый свет окутан мраком. Я научился, говорит он, с надеждой всматриваться вдаль. Должно наступить утро, и о нем необходимо петь. Но судьба предупреждает его: «...через порог переступи, но тяжкий рок избравших попроче борьбы». И тогда поэт не колеблясь отвечает: «Я не точу иной судьбы...»

Стихотворение это очень точно передает и состояние автора и грозное и тревожное время. И еще здесь видна традиция гражданской ответственности в поэзии, восходящая к Пушкину и Лермонтову, с творчеством которого юный Межелайтис познакомился, уча в гимназии.

— Пять лет подпольной комсомольской работы... Потом меня избрали секретарем ЦК комсомола Литвы. Началась война. Предстояло ехать в Ташкент, но уже в Пензе мы бежали с поезда, головы у всех были горячие, все рвалось на фронт. Еле уговорили нас и послали в Никольский район. Там я работал на заводе. В конце 41-го года меня вызвали в Москву, в ЦК ВЛКСМ. Занимался пропагандистской, журналистской, литературной работой. Вся она посвящалась фронту. В ЦК ВЛКСМ находилось много товарищей из союзных республик, с которыми мы работали сообща. В 1942 году в Горьком стояла 16-я литовская дивизия, сформированная из коммунистов и комсомольцев. Когда ее перебросили на фронт, под Тулу, я вместе с Саломеей Нерис поехал к бойцам. Там произошла моя первая встреча с Ясной Поляной. Мог ли я когда-нибудь предположить, что она будет такой?

Усадьбу немцы подожгли. После их отступления местные жители тушили пожар, а воины занимались ремонтом, спасением вещей и рукописей, принадлежавших писателю. Толстого я полюбил в гимназии. Читал его на литовском языке, его издавали, он был разрешенным русским классиком. В Ясной Поляне я приходил к его могиле, размышлял о добре и зле, вспоминал героев его романов...

Часто мы выступали перед солдатами. Это были разные выступления. В полуразрушенных помещениях и под открытым небом. Длинные и короткие. Чтение стихов неожиданно выливалось в разговор о жизни, о литературе. Близость передовой ощущалась всегда. То над нами появлялся немецкий самолет, то вдруг вблизи начиналась стрельба. Помню, выступали перед большой группой бойцов. Несмотря на бессонные ночи, они внимательно слушали нас, задавали вопросы, наверно, мысленно они переносятся в другое время. И, кто знает, может, забывали о войне. Меня попросили почитать еще, но тут появился полковник и приказал прекратить чтение. Немцы выбросили десант, и его предстояло немедленно уничтожить.

О войне Межелайтис рассказывал скупо. Чувствовалось, что говорить о страданиях человеческих — страдание для него самого. И в стихах у него война — в скупых словах. Есть у поэта стихотворение. Зарисовка о дороге. Оно начинается так:

*Не считали мы ночей бессонных
На дороге выжженной земли,
Где в окопах, снегом занесенных,
В льдинках слез мы Родину несли.*

Выжженная земля, льдинки слез — образы лишений, горя. Он пишет о дороге на Запад, где ждет Литва...

Победа над фашизмом — это освобождение многих народов, это мужество и героизм Советской Армии, вечной памяти и благодарностью живущие в сердце поэта-гражданина. Воочию познав ужас войны, Межелайтис посвятил свое творчество борьбе за мир, за взаимопонимание и добрососедские отношения между странами и народами.

— Мы живем в такое время, когда отношения между странами, даже между отдельными людьми стали особенно сложными. И поэтому литература призвана решать не какие-то отдельные, локальные вопросы, а весьма настоячиво бить в одну точку, пытаясь решить главный вопрос: в чем все-таки смысл человеческой жизни? Какое завтра ожидает людей, каков будет мир, над которым нависла опасная туча? Этот вопрос ставят советские писатели и писатели других стран. Жаль, что не все одинаково отвечают на него.

Общаясь с коллегами из других стран, мы прежде всего выступаем за гуманизм, стараемся убедить, что хотим со всеми жить в мире. Мир — наша главная забота.

— В конце прошлого года вы побывали в Испании, появился большой цикл стихотворений. Чувствуется, что героический, свободолобивый народ Испании, одним из первых оказавший сопротивление фашизму, культура этой страны вызывают у вас самый пристальный интерес.

— В мое сердце Испания вошла в тридцатые годы. Началась она с Сервантеса. Для меня это писатель на все времена. Знаете, бывают книги, которые нравятся в детстве, а потом из них вырастаешь, как из коротких штанов. Так вот, Сервантес остается моим любимым писателем до сих пор. Не случайно его образы мелькают и в моих юношеских стихах и в самых

последних. Читая его, породнился с его родиной, народом. И когда в Испании началась гражданская война, то я, как и многие мои сверстники, рвался защищать ее от фашистов. Но мне говорили: подожди, не спеши, хватит фашистов и на твою долю. Борьба с ними только начинается. В Испанию уехали коммунисты. Но и мы, комсомольцы, помогали испанским товарищам. Собирали для них деньги, одежду, отправляли через Париж посылки, в которые вкладывали листовки с выражением горячей солидарности...

И вот спустя десятилетия я побывал в Испании. Там закончилась эра фашистской диктатуры и идет процесс демократизации. Но процесс этот очень медленный, сложный. В нем много противоречий. У Франко остаются сторонники. Сам он погребен в огромном мавзолее, в горах, в 40 километрах от Мадрида. Его сестра пишет о нем книги, которые пользуются спросом. Мне приходилось слышать, как бывшие франкисты, защищая его режим, ссылались на порядок. А демократизация, утверждают они, принесла разложение нравов, молодежь стала разбалтываться. Порой их доводы имеют влияние на общество. Но испанцы помнят злодеяния Франко. Помните, сколько он пролил невинной крови, как растоптал права народа, имеющего такую великую культуру.

Будучи в Испании, нельзя было не почувствовать, с каким интересом испанцы относятся к нашей стране, стараются понять наш образ жизни. Испанские писатели дотошно расспрашивали, по какому принципу построен Союз советских писателей, как у нас развиваются национальные литературы. Это очень актуально для них: ведь в Испании идет бурное развитие народов тех же областей, которые на протяжении десятилетий франкизма находились под жесточайшим гнетом центральной власти. Это касается, например, как развитой в промышленном отношении Каталонии, так и экономически отсталой Галисии.

Межелайтис подошел к книжному шкафу и взял большой альбом с фотографиями. Среди других были фотографии, сделанные в Испании. Мадрид, выжженные солнцем плоскогорья. И на каждой — испанцы, серьезные и веселые, молодые и пожилые.

— Очень мне по душе этот народ, по душе испанские пейзажи, архитектура, живопись. Это страна моей детской мечты. И все-таки даже в Испании заскучал по Родине, по Вильнюсу.

Тоску по Родине ощущаю всегда. В Андах и Кордильерах, в Боливии и в Индии. Мне довелось побывать во многих красивых, экзотических странах, но милее всех край дождей — Литва. Пусть много дождей, но зато сколько зелени летом! Такого обилия зеленого цвета никогда не видел.

В этом году исполняется 60 лет образования СССР. Союз с братскими республиками дал Литве очень многое. За годы жизни в семье советских республик выросло три Литвы, я имею в виду экономику, культуру, человеческие взаимоотношения. Я поэт, мне трудно говорить цифрами, образ Литвы, ставшей в три раза сильнее, умнее, счастливее, мне близок и понятен.

Раньше Литва была аграрной. А теперь у нас бурно развивается промышленность. На заводе «Жальгирис» выпускаются станки, которые успешно конкурируют с лучшими зарубежными образцами. А знаменитый завод, делающий лучший цемент в стране! Имеется и нефтеперерабатывающий завод, на который поступает сибирская нефть. Сибирская нефть, идущая в Литву, — это только один штрих на картине дружбы народов СССР. Ясно, что создать собственную промышленность без помощи других братских республик мы бы не смогли.

А как изменился человек! В 1940

году половина населения была неграмотна. Сейчас десятки тысяч людей получили высшее образование в вузах Вильнюса, Каунаса. Не встретить теперь литовца, не умеющего читать и писать. Вот что дал Литве союз свободных республик.

Наша страна — это пример того, как жить народам всей Земли. У нас нет национальной вражды, мы живем одной общей семьей, вместе радуемся, огорчаемся. Гордимся культурой своего народа и культурой народов-братьев.

Как-то мне пришла бандероль от писателей-туляков. Они прислали мне желуди с могилы Л. Н. Толстого. Они просили, чтобы я посадил их в Литве. Я исполнил их просьбу. Два толстовских дубка растут в Друскининкае, один — возле домика Чюрлениса. Несколько дубков выросли и в Вильнюсе. Когда я смотрю на них, то всегда задумываюсь о человеке.

За книгу «Человек» — итог размышлений поэта над судьбой и предназначением человека — ему была присуждена Ленинская премия. Но не исчерпана тема Человека. «Вновь и вновь всплывают разные, ранее незамеченные его черты, новые аспекты, историческая горизонталь ситуации, перспективы. Растет огромная пирамида из слов и строк, терпеливо возводимая в честь Человека, в честь современного мне человека. Если разрешит судьба и выдюжит сердце, стану и дальше обтесывать глыбы слов для этой поэтической пирамиды, которую не так-то легко будет разрушить. Теперь цель жизни моей: создавать внутренний портрет Человека, воздвигать монументальную поэтическую пирамиду в его честь».

Портрет человека — как нелегко его писать!.. Я смотрю на Межелайтиса. Несколько вечеров я провел у него дома, мы подолгу беседовали, обсуждали наиболее волнующие и человеческие отношения и литературы. Каким бы ни был интересным наш разговор, я всякий раз торопился уйти, если видел, что Эдуардас Беньяминович устал. А вот сегодня мы почти и не говорили, а он выглядит как-то особенно уставшим. Утром к нему на прием в Президиум приходила несчастная женщина. Просила помочь сыну, виновному в преступлении. Но как ему поможет? Как уменьшишь горе матери? — читаю эти мучительные вопросы в погрузивших глазках поэта.

Как помочь? Этот непростой вопрос не раз мучил поэта. Я в этом мог убедиться не раз...

Как-то к нему приехал молодой стихотворец. Он проделал немалое расстояние, чтобы показать стихи любимому поэту. И хотя это были еще слабые стихи, с подражательными строками, Межелайтис, несмотря на усталость и постоянную занятость, внимательно их прочитал.

Он долго разговаривал с гостем. Это был суровый, но доброжелательный разговор. Он критиковал поэта за сумбуурность мыслей, за формалистические красоты. Однако при этом искренне радовался за удачные, образные слова, точно выбранные метафоры.

И начинающий автор получил горючий урок, преподавший мастером. У молодого поэта не опустились руки. Наоборот, видно было, что он понял главное — что такое творчество, как трудно обрести это почетное право — называться поэтом...

Человек — какой он разный. Он — счастье Земли, но он же бывает ее горем. Он надежда нашей планеты. Нужно только очень верить в него.

Беседу вел
Анатолий ИВАНУШКИН
г. Вильнюс

ГОРОД С ХАРАКТЕРОМ

«ОРБИТА»
СОКРАЩАЕТ
РАССТОЯНИЯ.

ПЕРВЫЙ
УРОК.

БОГАТ
РЫБОЙ
АМУР.

Александр КОВАЛЕВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

**ВСЕ ДАЛЬШЕ В ТАЙГУ
УХОДЯТ ПЕРВОПРОХОДЦЫ.**

**БАМ СТАЛ
ОДНОЙ ИЗ ОСНОВНЫХ ТЕМ
В ТВОРЧЕСТВЕ
ХУДОЖНИКА-
КОМСОМОЛЬЧАНИНА
НИКОЛАЯ ЧУВАХИНА.**

Вы не знаете, с чего начать? Тогда начните с самого главного. Начните с Магнитки, с Харьковского и Сталинградского тракторных, с Днепрогэса, с Московского автозавода; начните сразу с колоссального напряжения всех сил, нервов, ума, беззаветной веры и преданности; начните с памятных слов: «Построить в среднем течении Амура, в районе села Пермское Дальневосточного края, современное, хорошо оснащенное техникой предприятие коммерческого морского и речного судостроения — Амурский судостроительный завод...»

Начните с этих конкретных имен, дат, адресов, начните без робости и боязни, что вас тут же упрекнут в ординарности начала, ибо эти имена, эти адреса и даты, так естественно, так органично вошедшие в наше сознание, и есть настоящее Начало: начало индустриальной истории страны, начало биогра-

фий наших старших знакомых и близких, а значит, и нашего с вами разговора.

Оглядываться всегда трудно. Трудно оглянуться даже во Вчера, ибо Вчера — это уже вчера: этап пройденный и необратимый, размытый в памяти бурно разворачивающимся Сегодня и уже активно атакующим Завтра. А теперь попробуйте оглянуться во Вчера, которое старше вас лет на двадцать, оглянуться во Вчера, отстоящее от Сегодня на пять десятков лет, оглянуться так внимательно и пристально, чтобы увидеть это Вчера зримо, выпукло, отчетливо; увидеть за пожелтевшими страницами архивных документов, за линиям фасадам единственного сохранившегося в городе здания — ровесника искомого

**50 лет Комсомольску-на-Амуре,
в биографии которого
самые яркие страницы
принадлежат молодым первопроходцам.**

Вчера, увидеть в напряженной работе памяти этого пожилого человека с тяжелыми, неподвижно лежащими на коленях руками, когда-то рубившими первую просеку на том месте, где сейчас стоит его дом; наконец, увидеть, услышать, прочитать это, мучительно трудно осозаемое Вчера на лице не очень разговорчивого парня в рабочей спецовке, поминутно поглядывающего на циферблат своих модных электронных часов — «кончай «травить», писатель, в цехе бригада ждет...» — увидеть и прочитать сегодня, сейчас, ибо Вчера этого города — субстант особый, органически неотторжимый от его Сегодня и Завтра...

Федор Кусов

«...Работал плотником на строительстве Ленинградского металлургического завода. Там вступил в комсомол. Учился в совпартшколе. В марте 1932 г. мобилизован на строительство Комсомольска. Я и трое моих друзей получили путевки ЦК ВЛКСМ. ...На строительство прибыл в мае 1932 г. вместе с первым отрядом

на пароходе «Коминтерн». Пошел на корчевку. Работал в бригаде...»

Из автобиографии Федора Кусова, 1914 г. р.

Когда он писал эти строки, неровные, торопливые, почти выцветшие на небольшом листке плохой бумаги? Сам он не вспомнил, даты нет, лист оборван на том самом многоточии после слова «бригада». Как попал этот листок в архивные фонды краеведческого музея города? О чем думал Федор Кусов, год рождения 1914, питерский плотник, корчевщик, землекоп, бетонщик, наконец, мастер ремонтно-инструментального цеха Амурского судостроительного завода (ныне завод имени Ленинского комсомола) там, на палубе «Коминтерна», в мае тридцать второго?

— ...Оглянуться во Вчера? Увидеть это Вчера зримо, выпукло, отчетливо? Какие мудреные конструкции. Нет, я не оглядывался. С палубы «Коминтерна» мы все смотрели только вперед. Все четыреста добровольцев. Да и что необычного для себя мы могли увидеть там, сзади? «Коминтерн» буксировал баржу «Клара Цеткин», в кильватере

шел «Колумб». Кажется, кто-то тогда еще пошутил, что на этом пароходе открыли Америку. Может быть. Но мы не оглядывались. Четыре дня мы шли вниз по Амуру, вперед, только вперед, сразу же за движущимися к океану льдами, туда, куда хватало взгляда, брошенного с верхней палубы: за кромку уходящего льда, за кромку самых отчаянных наших фантазий — вот там, за той сопкой, будет город; мы построим его; мы начнем строить уже сегодня вечером...

Мы шли вниз по Амуру со средней скоростью семь узлов. Мы пошли бы намного быстрее, если бы могли. Но там, в двухстах метрах впереди, шел лед. Надо было быть предельно собранными. И мы не оглядывались...

Они не оглядывались. Все четыреста первостроителей, идущие на флагмане — стареньком колесном «Коминтерне», — смотрели только вперед. Это потому некоторые литераторы, покопавшись в архивах, с умилением выведут: «Они шли на «Колумбе». Представьте себе: первостроители — на «Колумбе»... — и задохнутся в высоком патетическом экстазе.

ЮНОСТЬ ГОРОДА ЮНОСТИ.

Нет! Они шли на «Коминтерне», «Колумб» шел в кильватере. И это была их правда. Единственная, высокосимволическая и патетическая. Любой «Колумб» обязан был идти в кильватере у «Коминтерна»... И они шли. Шли, не оглядываясь, к своей главной цели, к своей самой заветной мечте — к своему городу. Они пришли и без колебаний и философских размышлений начали с самого главного. Начали с себя, с умения ежедневно предельно мобилизовать силы, волю, характер, ибо неправда, что первый день самый трудный, за ним будет второй, и третий, и десятый, еще труднее и еще ответственнее. Начали с первых просек, первых палаток, шалашей, землянок, с «похода на грязь за культурный и чистый барак». Начали с имени для своего города, с имени высокого и светлого, со своего имени. Начали с того, о чем мы, сегодняшние, прочли много позже у Кетлинской и Комарова, увидели у Герасимова и Цивилева, о чем, быть может, еще напишем сами. Начали однажды и навсегда.

НОВОЕ ИМЯ

Наталья
ЕГОРОВА

Красные мои сапожки
Наплясались дотяня.
Нам домой одной дорожкой,
Друга милая жена.
У тебя таких сапожек
Нет и не было вовек.
Взгляд твой быстр и осторожен
Под крылами тяжких век.
Твой любимый—мой любимый.
Как поделим на двоих?
Плачет взор неумолимых,
Карих, розовых твоих.
На двоих—одна дорожка.
Крепче можно ли связать?
Девочка! Пстой немножко!
Хочешь,
научу плясать?!

В стихах Натальи Егоровой мне нравится присутствие сильной, волевой натуры. В манере ее письма есть та резкость, те контрасты душевных настроений и порывов, которые составляют драматургию лирики.

Наталья Егорова любит историю, и это дает ей глубину переживания и раздумий о сегодняшнем дне.

В стихах Натальи Егоровой есть масштабность и крупность характера:

Я наследница всех куполов.
Звонарям моя песня—подмога.

Руки—в бок, ноги—в пляс,
губы—в кровь.
Жизнь наследовать!
Это так много!

Наследовать жизнь—наследовать прошлое, наследовать культуру, наследовать опыт художественного творчества... Все это у Натальи Егоровой есть, и я даю ей благословение старшего на долгую дорогу жизни, на счастливую своим беспокойством долю поэта. Иди!

Виктор БОКОВ

начали так, чтобы ни у кого, нигде впредь не осталось ни капли сомнений в их Начале, ибо за ними шли другие, те, кому еще предстояло начать под Сталинградом и кончить в Берлине, вырастить хлеб в Казахстане, подняться к звездам и здесь, рядом с городом их мечты, построить магистраль собственной...

...с мая 1932-го по ноябрь 35-го—корчевщик, землекоп, бетонщик, мастер РИЦ.—Кажется, впервые за все время беседы тяжелые, неподвижно лежащие на коленях руки Федора Игнатьевича Кузова приходят в движение, лицо светлеет мягкой улыбкой.—Ремонтно-инструментальный стал первым действующим цехом завода.

Город, сам еще ютившийся в бараках, шалашах, каттелеском Колай-городе, упрямо строил свой главный объект—завод. Бетономешалки готовили первые замесы бетона для укладки в основание доков группы «Б», велась кладка стен корпусообработывающего цеха, под судомонтажный цех еще только закладывался фундамент, а в РИЦе уже работало около семидесяти станков, две вагранки, два молота, более двухсот рабочих.

— Делали все! Делали все, чего не доставало на строительстве: лебедки для зимней канатной дороги через Амур, механизмы открывания доковых ворот, ремонтировали паровозы, экскаваторы, землечерпалки...

В конце 1936 года РИЦ получил первый судостроительный заказ: для базы Николаевского судостроительного завода надо было изготовить около 30 тысяч мелких заклепок диаметром 14 миллиметров.

— Вот посмотрите,—Федор Игнатьевич выдвигает ящик письменного стола и кладет передо мной короткие толстые цилиндрические стержни со сферическими шляпками,—их надо было переточить из крупных— диаметром 20—25 миллиметров. Подсчитали, по технологическим нормам—на токарный станок в патроне—полчаса на каждую. Нужно было срочно искать выход. Помудрили с техпроцессом, взяли обязательство перетачивать каждую заклепку за пять минут, и... 30 тысяч заклепок были переточены за три минуты каждая...

Конечно,—Федор Игнатьевич слегка разводит руками и снова мягко улыбается,—рядом с корпусами нынешнего завода имени Ленинского комсомо-

ла наш цех сегодня выглядит более чем скромно. Да и название его—РИЦ—давно уже забыто. Оно звучит сейчас куда более прозаически—цех № 4. И все-таки это был наш первый цех, наша первая серьезная школа основ судостроения, и мы бесконечно благодарны ей и гордимся ею...

Что же, наверное, вы, как никто, вправе гордиться вашей школой, мастер Федор Кусов, школой основ судостроения, великой школой замечательных моральных основ—долга, совести, рабочей чести. Пишу это отнюдь не для того, чтобы, как это принято, высокой нотой завершить интервью. Пишу для другого.

...Три года назад на одном из восточных участков БАМа мне рассказали такую историю. Сдавался железнодорожный мост через таежную реку. По всем, самым совершенным, рассчитанным электроникой строительным нормам мост из сборных металлоконструкций полагалось монтировать шесть недель. А тут—паводок. В запасе—от силы месяц. Нужно было срочно искать выход. Монтажники «помудрили над техпроцессом» и взяли обязательство смонтировать мост за три недели. Со всего участка собирали гаечные ключи для энтузиастов-сборщиков, завод—поставщик металлоконструкций едва поспевал за монтажниками. Мост сдали за девятнадцать дней...

Ваша школа, мастер Кусов.

Андрей Шилов

Ее не спрятали под стекло, не оградили, подобно другим экспонатам, туго натянутым шнуром или предупреждающей надписью. К ней можно подойти совсем близко, можно даже осторожно коснуться кончиками пальцев. Обыкновенная солдатская каска, заржавленная, пробитая пулей, беззащитно лежащая на маленьком с инвентарной биркой заводского музея мраморном столике за сорок лет и восемь тысяч километров от раскаленного сталинградского окопа, когда-то оплавленного ее края...

«...Весной 1941 г. окончил девять классов. Мои родители работали на судостроительном заводе. Семья была большая, и отец договорился в кадрах, чтобы летом мне разрешили

поработать на судосборке... Учиться в десятом мне не пришлось. Началась война. После работы мы, молодые судосборщики, овладевали военным делом по обязательной программе, а в начале декабря сорок первого меня призвали... Воевал на Северо-Западном, Донском фронте, двести дней сражался под Сталинградом, День Победы встретил в Берлине... В начале августа 45-го в составе войск 1-го Дальневосточного фронта сражался с японцами под Муданьцзяном и Мулином... После демобилизации вернулся на Амурский судостроительный. Работал на сборке и учился в судостроительном техникуме... Участвовал в создании практически всех послевоенных судов коммерческого типа и серии ледокольных судов типа «Амгуема»...»

Из автобиографии Андрея Шилова, судосборщика

Нет, сам он никогда не писал собственной биографии так подробно. Это уже автор этих строк через несколько часов после беседы, решительно трепанируя содержимое своего репортерского блокнота, выдернет из контекста и состыкует многоточиями все то, что станет содержанием предыдущего абзаца. Формально—абзаца очерка, по сути, вместит в себя шесть десятилетий жизни Андрея Шилова, судосборщика.

Сам о себе, когда того требуют обстоятельства, он пишет гораздо короче и проще: «...Родился в городе Курске в 1923 году. В 34-м вместе с родителями уехал на Дальний Восток, в город Комсомольск-на-Амуре. Учился, воевал, работал...»

Да разве обо всем напишешь? Разве достанет слов, чтобы рассказать хотя бы о том первом дне, 16 мая 1941 года, когда отец впервые привел его на сборку—нет, уже не в качестве школяр-экскурсанта, а на законном основании, в качестве ученика клепальщика—и, познакомив Андрея с молодым, года на три-четыре старше его самого парнем, сказал: «Это Топоров, Иван Иванович, твой мастер. Учись...»

И Топоров Иван Иванович, мастер, весело зыркнув на ученика, менторским тоном профессионала изрек: «Смотри пока издала. После обеда сам «постучишь». И пошел, пошел «стучать» легко и красиво. Тяжелый пневматический

Старый звонок

Просто повесили старый звонок
Прошлого века.
А надо ль звонить-то?
Просто (какой мне от этого толк?)
Выйди из дома и дерну за нитку.
Он поперхнулся, качнул потолок,
Но зазвонил—строевая привычка.
Отголосил, откачался и—смолк.
Пенсионерка, седая певичка.
Ржавый, чудной, ну кому же ты пел,
Так голосил, надрылся и глохнул,
Что даже голос сорвался и сел,
Кто на крыльцо выходил, кто пошел
Не отозваться однажды?
Он вздрогнул...
Ах, это я потянула за нить!
Ну и веселое дело нашла я:
В собственный дом незакрытый звонить!
Шутка незлая? Не знаю. Не знаю.
Видно, судьба мне такая дана:
Ржавую память тревожить за нитку,
Чтобы она доставала со дна
Прошлого замысловатые свитки.
Долго звоню. Вся округа—молчок.
Только сгущаются рыжие блики,
И предо мною стоит старичок.
Граф? Или просто купец невеликий?
Старый звонок поперхнулся. А толк
В этом? Зачем я его вызываю?
(«А, это ты!»—молвил старец и смолк.
И—растворился.) Не знаю! Не знаю!
Что мне свиданья несут? Ни потерь
И ни знакомств... Эта странная пытка
Вечно смотреть на открытую дверь
И колокольчик тревожить за нитку.

Федор Конь

Где застрянет машина, там вытянет конь.
Грязь и слякоть не в счет, и судьба не помеха.
Здесь проехать нельзя, но колы надо проехать,
Трону вожжю и крикни—и вытянет конь.
И потянет и дрогнет ухаб под ногой.
В напряженье возникни сольются два пота.
Но! Тяни, ломовой. Но! Тяни, дорогой,
По ухабам и амятинам через эпоху.
Мы тянули Историю всю на горбах,
На дорожном ухабе толкали телеги,
Отгоняя мечты о еде и ночлеге,
Не боясь загрязнить домотканых рубах.
А когда удивлялся прохожий вослед:
«Назови, богатырь, достославное имя!»—
Мы, смеясь, отвечали, что мы—ломовые.
Ломовые России в упряжке побед.

А катись, моя жизнь, колесом, колесом
Через дальнее поле с дремучим овсом.
Закрутись, заплутайся в дремучем овсе.
Думы думаны все. Сказки сказаны все.
В ненасытности выпиты все родники,
Те, что с правой руки, те, что с левой руки.
Что пыталась построить, рассыпалось в прах,
Лишь привычка улыбки сквозит на губах,
И затем, чтоб ее на обзор не являть,
Дам другому дорогу, а мне—наплевать.
А катись, моя жизнь, колесом, колесом
Через лунное поле с дремучим овсом.
Колесом. Колесом. Колесом покачусь
И за голову врияд ли когда-то схвачусь.

сквозь кольцо блокады моряками Балтийского флота...»

«...Заготовки для валопроводов лежали в пролете механического цеха завода «Баррикады» в Сталинграде под обломками перекрытий и кровли. Моряки Волжской флотилии сумели их вытащить из-под развалин, погрузить на баржи и переправить через Казань заводу «Уралмаш» на обработку. Уральцам пришлось специально удлинить на 12 метров нагревательную печь для термообработки валов, в срочном порядке обработать валы и отгрузить их в Комсомольск». Сколько труда, невероятных усилий, лишений, быть может, жизнью стоит за эти короткими, скупыми строчками из сообщений газет тех дней...

Но заводчане и сами не сидели сложа руки. До разреза нужно было фасонное литье, прежде поставляемое заводу из Ленинграда и Николаева. Технология фасонного литья—процесс сложный, чрезвычайно трудоемкий, требующий большого мастерства специалистов-литейщиков. И амурские корабли не подвели. В кратчайший срок на заводе была освоена технология фасонного литья. Форштевни, ахтерштевни, звездочки якорной цепи пошли полным ходом.

...Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года гвардии старший лейтенант Шилов А. М. «за отвагу и мужество, проявленные при форсировании Вислы», был награжден своим четвертым боевым орденом, орденом Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года завод «за успешное выполнение задания Государственного комитета по строительству кораблей и за проявленную техническую инициативу в освоении новых изделий» был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

...Он вернулся в свой город в октябре сорок пятого, имея четыре боевых ордена, четыре фронтowych ранения, четыре года войны за плечами и всего сто восемьдесят дней трудового стажа на заводе в качестве ученика клепальщика.

Он вернулся на судосборку, в тот же цех, из которого ушел тогда, в декабре. Боевой офицер, он вернулся, чтобы начать все сначала, сызнова, с первого

А мы искали малый пруд,
Заросший ряской и осокой,
Но заблудились. И с наскоку
Рванули несколько левей.
Висел июль среди полей
Пыльной цветочной и ленью.
И копошились все растенья.
Гудел высоковольтно шмель,
Теленок растопырил уши.
Он тоже, видно, лето слушал.
Ручей (он оказался—мель!)
Мы перепрыгнули—и дальше
Деревней. Пес рычал без фальши,
Серьезно. Поле, рожь, и тут...
О, наконец, заросший пруд!
Извечный рай для карасей,
Лягушек шумная столица.
Он тихой зеленью искрится
Не преминул. Он тиной всей

Стая демонов летает
И в поруке круговой
Белой молнией играет,
Как планета—шаровой.
Хлещет дождь сквозь мрак и стекла
За предел самой души.
Жизнь озыбла, и намокла,
И упрятаться спешит.
Неужели эти взмахи
Черных крыл над головой
В рабелепствии и страхе
Прявят жизнью самой?

Увидел жесты наши, лица,
В себе позволил отразиться.
Добавил к отраженьям ив,
Но все же остался сиротлив
И молчалив. Но странно вятен
Был льющийся, дрожащий свет.
Свет бликов, криков,
всплесков, пятен,
Свет заповедный: где-то дятел
Стучит, и будет грязный след
Оставлен на веранде мытой.
Свет поля, леса, песни, быта,
Того, чего на свете нет.
...Но вновь рождалась темнота,
И дождь грозил придумать пытку.
Деревней, рвом, горбом моста
Прошли, захлопнули калитку,
И дом, затерянный в цветах,
Нас приютит...

Гроза

Неужели покориться?
Неужели не достать
Света—древу, звука—птице,
Волей, облаком не стать?
Неужели—мрак и бездна?
Неужели—без конца?
Неужели бесполезна
Память взгляда и лица?
Нет! Не так! Душа навоггла.
Черным белого не трожь!
Взглядом долгим, словом долгим
Останавливаю дождь.

Седых ветвей трезубец молчалив
И в онемени занесен высоко.
Но, пульсом нитевиднейшим, прилив—
Толчок тугой
проснувшегося сока.

Как тяжко бремя возрожденных сил,
Какая томность в каждой клетке тела!
Стоять, в туманность ветви заломив,
И будущей листве не знать предела.

Вдохнуть корнями гулкий дух земной—
Листам в темницах прятаться довольно!
И на ветру вихрастой головой
Качнуть изячно,
плавно, своевольно.

Ну же, ну же, что хмурите лбы?
Время мерено, старцы и дети!
Возлюбите траву и сады
На задворках
железных столетий.

Свет плывет гороносою звезды,
Кажет профиль
своей зыбкий и нервный.
Возлюбите ее навсегда
За ее удаленность и верность!

Я наследница всех куполов.
Звонарям моя песня—подмога.
Руки—в бок, ноги—в пляс,
губы—в кровь.
Жизнь наследовать! Это так много!

не построить, ибо они были продолжателями дела тех, кто первым пришел к этим берегам на «Коминтерне», тех, кто построил город и завод. Они построили эти корабли.

И среди них был Андрей Шилов, судосборщик.

Юрий Будалов, Владимир Моисеенко, Людмила Карелина

7.30 по Хабаровску. Семь тридцать по Хабаровску—это четыре тридцать по Новосибирску, половина первого ночи в Москве... Семь тридцать по Хабаровску—это особое время, время утренней смены завода имени Ленинского комсомола. Идет утренняя смена, идет широко, твердо, из конца в конец заполнив легендарную Аллею труда—улицу утренних смен тридцатых и пятидесятых, улицу утренней смены восьмидесятых. Сколько их в этой утренней колонне? Тысячи, десятки тысяч? И среди них эти трое, трое, чьи имена вынесены в заголовок последней главы очерка, трое, о которых я хочу рассказать.

«...Юрий Будалов, год рождения—1959-й. Место рождения—город Комсомольск-на-Амуре. Учился в школе, служил в Забайкалье. После службы поступил на завод имени Ленинского комсомола. Токарь четвертого разряда. Комсорг участка, студент-вечерник Комсомольского политехнического института. Женат, сыну полтора года...»

Юра выпаливает все эти подробности своей биографии одной фразой и смущенно разводит руки—все. Что же еще-то?

— Я, как все. Я для вас неинтересен... Да и что вообще в нас интересного? Мы опоздали. Безнадежно опоздали. Опоздали строить города, форсировать Вислу, первыми лететь в космос... Смешно сказать, но я даже опоздал родиться к закладке знаменитой ледокольной серии. «Амгему» заложили 29 апреля, а я родился только третьего мая. Мы пришли на все готовенькое. Я понимаю, вы сейчас скажете, что есть Тюмень, КамАЗ, БАМ...

Да, у нас у всех есть дело. Дело, наверное, нужное, важное, необходимое стране и людям. И мы делаем его каждый на своем месте. Делаем хорошо, во всяком случае, стараемся так делать. Но ведь это все не то. Дайте нам

настоящее дело, дайте экстремальную ситуацию, дайте... Говорю это как комсомолец, как комсорг. Дайте и тогда смотрите, кто мы...

С отчаянным юношеским максимализмом комсорг Будалов требовал «экстремальной ситуации» на своем двадцать втором в начале восьмидесятых в городе, где много лет назад другой комсорг, первостроитель Иван Сидоренко, писал: «...Меня, работавшего здесь по колено в воде, перенесшего цингу, голод, глубоко волнует судьба нашего города. Кто придет в этот город после нас, кто будет жить в домах, построенных нами, построишь свои, новые, светлые, просторные? Я верю, те, кто придет после нас, будут счастливей. Наверное, им не придется пережить всего того, что пришлось нам, но они будут счастливей уже потому, что увидят завтра нашего города и сами будут строить это Завтра...»

Да, Завтра оказалось счастливее, может быть, даже намного счастливее и благополучнее того, о котором мечтал первый комсорг Комсомольска Иван Сидоренко. Но разве не ради этого Завтра он мок здесь по колено в воде, переносил цингу, голод?.. Разве не ради этого Завтра для своего города, всей страны, всей планеты под бешеным минометным огнем форсировал Вислу судосборщик Андрей Шилов? Разве обычный, ежедневный, честный, с полной отдачей труд в цехе завода, на стройплощадке спутника Комсомольска Амурска, в забое Солнечного стал менее престижен в отсутствии «экстремальной ситуации», снивелировал личность, стал менее необходимым людям?..

«...Владимир Моисеенко, 26 лет. Окончил Комсомольский-на-Амуре политехнический техникум по специальности «судостроение». Служил в Приморье, командир самоходной зенитной установки. После демобилизации вернулся на завод. Бригадир комсомольско-молодежной бригады трубогибщиков, лауреат премии Ленинского комсомола, делегат XVII съезда ВЛКСМ...»

Высокое, нестерпимо яркое дальневосточное солнце с раннего утра заливает над городом в июньском зените и до позднего вечера плавит окрестности в своем безжалостном сорокаградусном горниле.

— Представляете, каково сейчас в цехе?—спрашивает меня Володя и, не дожидаясь ответа, продолжает сам:— «Холодной» гибки сейчас немного. В

КАЖДЫЙ ГОД ВЕТЕРАНЫ СОБИРАЮТСЯ У МЕСТА ВЫСАДКИ ПЕРВОГО КОМСОМОЛЬСКОГО ДЕСАНТА.

СУРОВА И КРАСИВА ПРИРОДА ПРИАМУРЬЯ.

основном идет «горячая», гнем «главный пар» — шести-восьмидюймовые трубы — артерии корабля. Сложнейшая трассировка, узлы, переплетения... Сначала трубы греют в печах или индуктором, потом раскаленные, пышущие малиновым жаром, вальцуют, режут, подпрессовывают... «Холодная» гибка проще, да и диаметры труб там куда меньше. Собственно, бригада и начинала с «холодной». Технология вроде бы и несложная, а квалификации, опыта, умения требует — будь здоров!

Мы попробовали работать иначе: разделили техпроцесс на отдельные логические операции. Бригаду разбили на звенья — пары. Одно звено готовит шаблоны, другое по ним гнет трубы, третье монтирует трубопровод. Не все получилось сразу. Поначалу пропал фактор индивидуальной ответственности. Небольшая ошибка шаблонщиков усугуб-

лялась на гибке, как следствие страдала конечная операция — монтаж. Надо было научиться работать так, чтобы исключить такое накопление брака при передаче техпроцесса от звена к звену. Надо было научиться так «шаблонить» и так гнуть трубы, чтобы монтажники не ощущали «чужих рук» на завершающей операции. И мы научились этому.

— Планы на ближайшее будущее? — Володя улыбается. — Планов много: освоить новые пресс-вальцы, в сентябре отправить Валерку в первый класс, в воскресенье «сгонять» всей бригадой на рыбалку, а сегодня вечером сходить с женой на дискотеку в ДК завода. Вы бывали у нас на дискотеке? Приходите...

Когда мы толкнули стеклянную входную дверь дискотеки, Донна Саммер допевала третий из известных нам «четырёх сезонов» своей любви.

После этого к микрофону подошла высокая милостивая девушка и сказала буквально следующее:

— Дорогие друзья! Музыкальная раз-

минка окончена. Приступаем к основной части нашего вечера. Сегодня в программе: Микалоюс-Константинас Чюрленис, художник и композитор. Встреча с интересным человеком — у нас в гостях бригадир комсомольско-молодежной бригады судостроителей, лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Моисеенко. Свои фотослайды показывает нам Олег Числов, инженер завода «Амурсталь»...

Нас познакомил секретарь горкома комсомола Михаил Назимов:

— Люда Карелина, инженер-программист завода имени Ленинского комсомола, одна из организаторов заводского дискотеки.

— ...Почему обязательно дискотекей? Нет, быть «наездницей на пластинке» — это не по мне. Просто ведущая дискотеки. Что такое наш дискотека, что такое дискотека вообще? Этимологически — собрание дисков, так же как библиотека — собрание книг, фильмотека — собрание фильмов. По сути? Может быть, особая танцплощадка, особый музыкальный спектакль, яркое шоу с

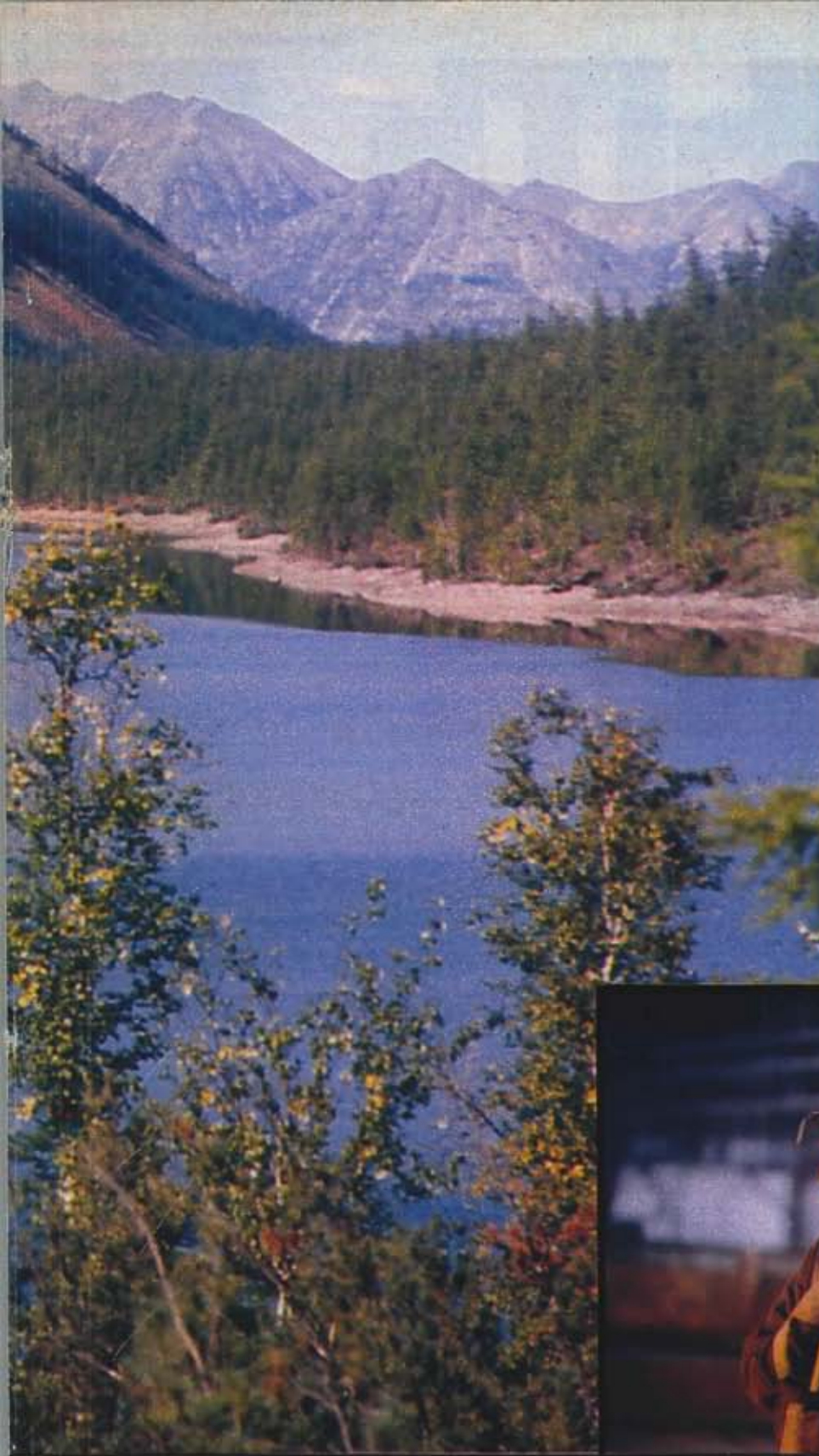
использованием современной свето- и фонотехники? Мы долго думали об этом перед тем, как сделать нашу первую программу. «Развлекая, просвещая» — что ж, очень славный и правильный принцип. А что, если еще и «приобщая»? Приобщай к нашему празднику, разговору, работе, традициям, наконец. Нет, мы не профессиональные мастера дискошоу. Наверное, наши программы еще очень далеки от совершенства. Но сейчас для нас всего важнее другое — тот дух взаимопонимания и демократизма, та атмосфера добросердечности, которые сложились у нас в дискотеке с первого дня. Помните, как у них, в тридцать шестом:

«В нашем городе скучно? Кто виноват?

Ты любишь петь? Приходи. В школе среднего образования работает хоровой кружок.

Ты умеешь фотографировать? Приходи. В действующих доках открылся фотокружок...»

— У тебя есть новая интересная пластинка или запись? Приходи. Ты рису-

СЕГОДНЯ
КОМСОМОЛЬСК-
НА-АМУРЕ —
КРУПНЫЙ
ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦЕНТР
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

В ТАНЦЕ

ЗАВОД «АМУРСТАЛЬ».
ИДЕТ ПЛАВКА.

КОСТЕР ВОСПОМИНАНИЙ.

еешь, ты хочешь показать свои работы? Приходи. У тебя есть интересные знакомые? Приходи с ними. Мы все будем рады познакомиться. Приходи сам, приводи товарища. Дискотека ждет тебя...

Нет, конечно же, я далека от мысли, что наша дискотека решает все молодежные проблемы. Задачи ее скромнее. Пусть она поможет тому, кто пришел к нам познакомиться своим творчеством, мыслями или просто что-то узнать, запомнить, полюбить. Полюбить Чюрлениса и Шостаковича, ребят из бригады Володи Моисеенко и «Амгему», завод, город, страну...

Возможно ли в коротком очерке рассказать о пятидесятилетней истории необыкновенного города так, как это претенциозно обещано автором в самом его начале: Вчера, Сегодня, Завтра?.. Удалось ли мне сказать о своих героях самое главное, самое важное? Уверен только в одном: все, что я написал о них, — правда. Возможно, я не следовал буквально за всеми событиями в жизни

своих героев, оказался не совсем точен там и там... Возможно. Но я не придумал за них ни одного эпизода, ни одной детали.

Я не искал своих героев специально. Это могли быть совсем другие люди. Их много в этом городе — героев очерков, повестей, целых романов. Это мог быть и не завод имени Ленинского комсомола, а любой другой — «Амурсталь», «Амурлитмаш», имени Гагарина... Их много в этом городе — трудовых коллективов, достойных очерков, кинолент, наград.

Все это было неважно. Важно было начать. Начать с самого главного, сразу и безоговорочно начать с колоссального напряжения всех сил, нервов, ума, беззаветной веры и преданности; начать с памятных слов:

«Построить в среднем течении Амура, в районе села Пермское Дальневосточного края, современное, хорошо оснащенное техникой предприятие коммерческого морского и речного судостроения — Амурский судостроительный завод...»

ХОЧУ БЫТЬ ЛЕ

Напомним, с чего началась в этом году очередная наша читательская дискуссия. В 1 и 2-м номерах «Смелый» мы опубликовали письма молодых инженеров А. Козаря из Киева и москвича В. Владимиров, в которых они задавали вопросы, представляющие, на наш взгляд, немалый общественный интерес.

А. Козарь, например, ищет ответ на такой вопрос: «Может, и правда аморально в производственной работе, как и в спорте, стремиться к первенству? Неужели безнравственно и на этой «беговой дорожке» выбиваться в лидеры?»

Совершенно другого лидерства добивается В. Владимиров: «Да, я люблю все красивое. И тоже хочу быть первым во всем. ...Я считаю, что пока молод, я должен взять от жизни все, чтобы радоваться ей».

Как показала редакционная почта, эти проблемы волнуют очень многих читателей. В дискуссию «Хочу быть первым» включились люди самых разных возрастов и профессий. Естественно поэтому, что высказанные в их письмах-откликах взгляды и суждения по проблеме лидерства столь же полярны, сколь несхожи образование и сфера занятий. Это и понятно, ведь каждый участник дискуссии основывается на собственном опыте и жизненных представлениях. Тем они, на наш взгляд, и интересны.

Что нужно лидеру?

Уважаемая редакция!

Недавно я с друзьями прочитала письмо Александра Козаря. Оно взволновало нас, мы долго спорили и не пришли к единому мнению в оценке позиции автора письма.

А. Козарь спрашивает: «Неужели безнравственно... выбиваться в лидеры, быть генералом в своей профессии?», потому что видит, что не все его знакомые принимают такой образ мыслей и поступков. И первый — его бывший сокурсник Володя, точка зрения которого не совпадает с его собственной, даже прямо противостоит ей.

Столкнулись две противоположные жизненные установки.

Всякий ли человек может стать лидером? Какие качества нужны для этого?

Психологи доказали: чтобы быть хорошим руководителем, мало одних профессиональных знаний и организаторских способностей. Нужно еще видеть в подчиненных не просто добросовестных исполнителей чужой воли, а коллектив сотрудников, нужно умение создать в нем благоприятный психологический климат. Важно, чтобы тебя уважали не только как командира производства, но и как человека, то есть чтобы в руководителе были соединены и формальный лидер и неформальный. Является ли А. Козарь формальным лидером? Да. Это признают и начальство и подчиненные. А стал ли он «душой» коллектива? Нет. Из его письма ясно, что он сознательно противопоставляет себя другим людям, а не сопоставляет себя с ними. Здесь и возникает противоречие: направленность на коллективную деятельность, с одной стороны, и крайний индивидуализм — с другой. Этим и объясняется причина недоумения А. Козаря: «И стараюсь не для себя, так чего же на меня коситься-то?» Чем раньше Александр поймет это, тем лучше для него, и для его коллег, и для дела в целом. Иначе рано или поздно он потерпит поражение, а его цель — быть генералом в своей профессии — так и останется недостижимой.

Ольга КАМАЕВА,
ассистент философского факультета
Уральского госуниверситета

Не позавидуешь...

Для меня Александр Козарь — герой нашего времени! Вижу его честным, целеустремленным, его личное — это прежде всего завод, коллектив, в котором он работает. Александр не закрывает глаза на недостатки в работе и говорит об этом открыто, он не терпит наблюдателей, лодырей, прогульщиков, он активный участник всего того, что происходит в его цехе.

А вот В. Владимиров — полный антипод А. Козарю. Этот ставит превыше всего личного благополучия. «Я должен взять от жизни все, чтобы радоваться ей», — пишет он. Да, Владимиров, ты только берешь, а делаешь жизнь нашу лучше, краше другие. «Деньги, деньги, как можно больше обогатиться!» — и в этом ты видишь красивую жизнь?! Хочется мне сказать тебе, Владимиров, как же ты духовно беден, ох, как беден!

ВОЛКОВА-АЛЕКСАНДРОВА,
техник, г. Семипалатинск

Если станешь генералом...

Я не юноша и нахожусь в том возрасте, когда на желание «быть первым» смотришь с высоты прожитых лет несколько скептически. Если это юношеский задор, то ему можно только радоваться, да и стремление «быть генералом» в своем деле — что может быть благороднее?! Но настораживает, что уж очень легко этот молодой человек, А. Козарь, разбрасывается словами: «середняк», «неудачник», «разная у всех цена» и т. п. Да и отношение возглавляемого им коллектива лишней раз говорит не в его пользу.

На «середняках» и «неудачниках», то есть на обыкновенных людях, стоит, стояло и будет стоять то, что мы называем человеческими ценностями. Это та среда негероизирующих и нелидирующих индивидуумов, на плечах которых рождаются и вырастают лидеры. Это наш базис, наша непреходящая ценность, а лидеры — лишь продукт этого базиса. Без этих самых «середняков» они холостые патроны: среда человеческая существовать без них может, они без нее — нет. Нужны ли они? Нужны, без сомнения! Только не в таком «исполнении», как инженер Козарь. Уж очень он «топорной работы поделка», пусть даже и со знаком качества. Шлифовать его надо, полировать, примерять и опять шлифовать. До тех пор, пока его амбициозность не превратится в человечность и не состыкуется, да не как-нибудь, а с ювелирной точностью, со всеми гранями сложного человеческого бытия. То есть до тех пор, пока выражение «каждому по способностям» не дойдет до него в своей истине.

Пусть этот молодой товарищ не забывает ни на минуту, что, даже став генералом, он вернется к рядовым — тем самым «середнякам». И будет рад до слез, когда его сокурсник Володя, который, как ему кажется, сейчас «отвечает только за себя», постариковски, душевно, от всего сердца протянет ему дружескую руку.

В. С. ПОЛЕГЕНЬКО,
п. Затишье, Одесской обл.

Знай цену, но не переоценивай себя

Человек делает себя всю жизнь: учится, размышляет, растет духовно и нравственно, преодолевает трудности. Если он при этом целеустремленно добивается успеха — жизнь его интересна, богата, осмысленна.

Так, мне кажется, поступает и инженер Александр Козарь из Киева — не случайно он и «движется по

жизни с крейсерской скоростью». Главное — он любит свой труд. И потому растет стремительно.

«Хочу быть первым» — эти слова отвечают духу нашего времени, его всевозрастающим потребностям в крылатых, масштабных людях и идеях. Слова эти, произнесенные человеком, говорят о многом: о характере его мышления, широте интересов и взглядов, о его культуре чувств, убежденности. Говорят о том, что это сильный человек. Они, эти слова, могут быть и мерилем его взглядов и поступков. Ведь не материальные же, в самом деле, стимулы стали первоосновой трудовых рекордов ивановской ткачихи Валентины Голубевой и московского строителя Николая Злобина, научных открытий академика Сергея Королева и полевода Терентия Мальцева и многих других наших замечательных соотечественников. Они просто являют собой прекрасный образец талантливой, творческой и созидательной личности, стремящейся быть первой во всем и всегда.

И Александр Козарь тоже, как мы знаем, стремится быть первым — болеет за порученное дело, мечтает наладить стабильную работу не только своего цеха, но и всего завода. Все это говорит о том, что он живет общественными интересами, мыслит крупномасштабно. И все-таки есть в нем что-то такое, что коробит меня...

Сознание достигнутого положения (начальник цеха на крупном заводе — действительно ответственная должность) уже породило в нем чувство собственной значительности. Отсюда и его холодно-равнодушные рассуждения о цене тех людей, которые работают под его руководством. «Серые», мол, все, сплошные неудачники. Оценивая такой меркой людей, не трудно упустить тот момент в жизни, когда пойдешь вверх по служебной лестнице, не замечая при этом, куда ступает твоя нога — на твердую землю или на голову человека. Тут очень легко сделать один неверный шаг — и все будет «кончено. Не научись прислушиваться к голосу «середнячков» — а руководить без ежедневного тесного контакта с массой невозможно — и сам не заметишь, как пойдешь в обратном направлении по ступенькам твоей несостоявшейся карьеры. Хотя лично я не хотел бы вам, Саша, этого желать. Потому что вижу — при ваших некоторых ошибочных воззрениях — в вас человека одаренного, ищущего. Короче говоря, Александр, хорошо, что вы знаете себе цену. Только не переоценивайте себя.

О письме В. Владимиров долго говорить не хочется. Спору нет, жить комфортно, красиво, уютно должен и имеет право каждый честно работающий человек. Но не может же одно это быть целью всей жизни. Это даже и не карьеризм, обыкновенная мешанская ограниченность. Мне кажется, и сам В. Владимиров это понимает, потому и лезет из кожи вон, чтобы доказать обратное. Хочется ему со своей «философией» не быть среди последних, но обязательно быть среди первых. «Первых» — в чем? В полезных деяниях для людей и общества или в очереди за еще одной, может быть, даже и не совсем нужной уже вещью? Ну, приобрели вы ее, эту вещь, а дальше-то что? Что вспоминать-то будете на старости лет? Чем гордиться перед детьми своими?

Владимир РУДНЕВ,
партийный работник, Москва

Жалко Вовочку

Две четкие мысли возникли по ходу чтения письма В. Владимиров: нет смысла спорить до посинения о необходимости «набора материальных благ». Имей. Но будь при этом Человеком. В. Владимиров же явный циник и делец. Эти самые «блага» имеют жестокое свойство — они непременно опустошают душу человека, для которого стали самоцелью, смыслом жизни. Только одна фраза его письма говорит об этом: «Прочитал я тут...» Где? В туалетной комнате? И второе. Уверен, что В. Владимиров не отослал ни одной книги для библиотеки детского дома (призыв в

НЕ ХОЧУ Б

РВЫМ

том же номере журнала, где напечатано его письмо-шко). Потому что такое не под силу дельцам его типа.

Читая его письмо, я чувствую себя еще более счастливым. Значит, я живу правильно!

Александр КОМАРОВ,
художник-оформитель, г. Печора, Коми АССР

Искусство передачи эстафеты

Некоторая передышка на работе дала и мне возможность участвовать в дискуссии, объявленной в «Смене». Этому есть причина — мне, руководителю одной из крупных клинических баз, приходится иметь дело с большим количеством молодых специалистов, и потому затронутые вами вопросы волнуют меня.

«В первых строках своего письма» Александр Козарь описывает встречу с одноклассником и глубоко переживает над фразой о карьере. Думаю, напрасно.

Каждый человек должен иметь свою цель и задачу на ближайший и отдаленный срок жизни. А главное, никогда не останавливаться на достигнутом. Восточная поговорка гласит: если ты гребешь, значит, двигаешься против течения, и малейшая остановка веслами тебя тут же уносит назад по течению.

Если вы, Александр, ежедневно делаете что-то полезное для повышения своих знаний, значит, вы помогаете развитию общества, значит, вы **куете** жизненную пользу. Не стесняйтесь этого слова. Куйте, пока молоды, пока здоровы и жар пылает в вашей душе.

Характеризуйте вы себя хорошо: «Твердый характер, настойчивый, целеустремленный», успехов добились, как пишете. Но задумались ли вы, чего это стоило коллективу? Не испортили ли вы этим кому-то жизнь? Так ли это было надо делать? Не уверен, что вы правы. Аморально строить свою карьеру, даже с пользой для общества, на несчастье других людей.

Я, к примеру, придя в коллектив, который в институте был отсталым по всем параметрам, никого не выпроводил, никого не «поменял». Наоборот. Нашел в каждом из сотрудников сильные качества, развил и усилил их собственным примером, заразил всех энтузиазмом, и коллектив заработал в полную силу. Сейчас наша кафедра признана одной из лучших в институте, но для этого понадобилось четыре года упорного труда, терпения, настойчивой воспитательной работы с людьми, сочетания доброжелательности и требовательности.

Теперь о некоторых дискуссионных вопросах, вытекающих из вашего письма.

«Можно ли жизнь уподобить беговой дорожке, на которой все делается на победителей и победителей?» — спрашивает А. Козарь.

Можно. Если на этой беговой дорожке проводятся соревнования по эстафетному бегу, где бегущий на этапе передает палочку следующему бегущему.

Так у нас в науке. Если ты достиг каких-то результатов в своей работе, то передай это другим, тем, кто понесет их в практическую жизнь. Еще лучше, если эстафету принявшие улучшат твои результаты, еще более усовершенствуют твоё предложение. Чем больше ты передаешь эстафету в течение своей жизни в достойные руки, тем больше ты принесешь пользы обществу. Главное в жизни, если сравнивать ее с беговой дорожкой, — это хорошо пробежать свой этап и вовремя передать эстафету молодому поколению.

Хорошо ли «отвечать только за себя»?

Это самый страшный принцип для человека. Так может думать только эгоист, мещанин-стяжатель. Есть еще несколько более крепких эпитетов для таких людей, которые мне неудобно использовать на страницах вашего журнала.

Жажда обладания сверхмодными вещами, предметами роскоши, стремление только к материальным благам — все это мне представляется чуждым нашему советскому образу жизни. Жажда наживы — это

участь невоспитанных, малокультурных людей. Их надо перевоспитывать, что, кстати, сделать бывает очень трудно. Но мы должны добиться, чтобы главным стремлением человека стала жажда самоусовершенствования, чтобы накопленные духовные ценности максимально использовались во благо всего общества.

Профессор А. ИМАМАЛИЕВ,
зав. кафедрой травматологии,
ортопедии и ВПХ Московского
медицинского стоматологического института,
лауреат Государственной премии СССР

Делать людям добро

Всегда скептически относился ко всякого рода полемикам, спорам, зачастую на высосанные из пальца темы. Потому что не видел предмета разговора, не видел конкретной пользы. Однако «Смена», напечатав в первых номерах письма двух молодых инженеров, затронула, на мой взгляд, очень тонкую нравственную проблему: «Как не быть последним, а еще лучше — быть первым». Это не просто «быть не хуже других». И сам факт опубликования писем считаю явлением положительным, так как люди с подобным образом мышления предостаточно.

Судя по письмам, и Александр и Владимир — люди практического склада ума, для них в жизни существует только один критерий: материальное благополучие во что бы то ни стало, причем на самом высоком уровне. И если Владимир говорит об этом открыто, то Александр преподносит под соусом «хочу быть первым». Иначе к чему чины, большие ответственность и нервные издержки, если они материально не оправданы. А первым, лучшим можно быть и у станка, и у чертежной доски, и даже на месте мастера. Другой вопрос — престижно ли?

Конечно, престижно быть главным инженером, директором, но престижно иметь и «Жигули», и дачу, и Джорджоне в спальне, будучи рядовым инженером. Как видно, оба автора, каждый по-своему, решают одну и ту же задачу: как престижно устроиться в жизни с наибольшими материальными выгодами.

В таком случае предлагаю третий способ решения данной задачи. Мне 27 лет, и я тоже инженер. Не желая заводских передряг, после института распределился в НИИ. Стал тем же, что и Владимир сейчас. Но халтурой добиваться прибавки к зарплате не стал, хотя несли и контрольные, и курсовые, и даже дипломные проекты. Однако жизнь надо устраивать. И я поступил в аспирантуру. Потому что перспектива — кандидат наук, а это престижно и в силу диплома высокооплачиваемо. К тому же появляются более широкие возможности для роста и на производстве.

У меня жизнь сложилась так, что я никогда ни в чем не нуждался. Престижно иметь «Акаи-630» — и я имел, престижно иметь «Жигули» — и они были. Но с некоторых пор мне стало казаться, что в погоне за карьерой, красивыми вещами я упускаю в жизни что-то главное, деградирую, теряю самого себя. Ведь посмотрев на моих друзей — умные, толковые ребята. Собираемся вместе, разговоры — это стоит столько, то стоит столько. И, что самое противное, разбираться в ценах, знать конъюнктуру черного рынка считается признаком хорошего тона. Кто-то что-то продает, кто-то что-то покупает. Вот и начинаешь задумываться: «На что же мы растрачиваем свою молодость, энергию, жизнь, в конечном счете?»

Владимир на первый взгляд человек трудолюбивый, с головой, о семье заботится. А спросите, стал бы он халтурой заниматься, если бы ему втрое, вчетверо не переплачивали? Он считает, что, пока молод, должен взять от жизни все. И что при этом все средства хороши, лишь бы не воровать. Но это же терминология рвача, халуги. После этого уместно ли говорить о гражданском достоинстве?!

К сожалению, тип дельцов, подобных Владимиру,

сейчас имеет широкое распространение. В поисках легких заработков они согласны заниматься чем угодно. Но ведь мы, прибегая к их сомнительной помощи, сами виноваты в том, что они есть. Тем самым мы потакаем им, размножаем их и обесцениваем свой же рубль.

И Александра послушать — не придерешься, говорит, казалось бы, откровенно. А если всмотреться, то между строк начинает вырисовываться портрет обыкновенного эгоиста. Ведь факт, что цех выбился из отстающих, он ставит в заслугу только себе. Но что бы он делал без людей, его окружающих, без тех, чьи руки сделали возможным выполнение плана!

Где-то я прочел, что «счастье — это уметь довольствоваться малым». Хорошие слова. Но главное не в этом. Главное — делать людям ДОБРО, пусть маленькое, но добро. Каждый день, каждый час. Чтобы своим существованием облегчать людям жизнь. Тогда жизнь наполняется новым содержанием, ты становишься нужен людям, твоё существование обретает смысл. Не знаю, как другие, а я это понял. Хочется надеяться, что Саша и Володя тоже когда-нибудь поймут.

Г. ДЕНВЕР,
г. Фрунзе

Хочу, чтоб был последним!

Мне жаль вас, Неизвестный (позвольте называть вас так, а не вымышленной фамилией, поскольку, открыв забрало, на честный поединок вы все-таки не вышли). Вам в жизни не повезло. Вы первым уходите с работы, вам не хочется остаться, чтобы завершить интересное дело, работа никогда не снилась вам по ночам, вы ни разу, если не считать комиссионного магазина, не вскричали «Эврика!».

Но письмо ваше кричит. Кричит, убеждая всех, как вам хорошо. Мне кажется, вы кричите, чтобы заглушить голос совести. Судя по письму, вы неглупый человек и сами хорошо понимаете, кто вы есть. И руками своими, «с мозолями и ссадинами», вы прикрываете лицо, чтобы не увидели мы в ваших глазах то, что вы сами боитесь увидеть.

Давайте называть вещи своими именами. Что касается основной (впрочем, какая из них основная?) вашей работы, то здесь вы уже почти тунец. И, к сожалению, таких, которые подписались бы под вашим письмом (конечно, тоже вымышленной фамилией), пока еще много. Такие же, как вы, «неизвестные» и безразличные, прячутся за чужими спинами и в НИИ и на стройках. И как раз то, что вы, «неизвестные», не придумали и не сделали, составляет сегодня пресловутый дефицит. Строительные недостатки оставили тоже вы, равнодушные. Так кто вы, добрый волшебник или злостный спекулянт? Ведь то «доброе дело», которое вы за большие деньги делаете новоселам, уже должно быть кем-то сделано, причем не «глубокой ночью», а в течение обычной рабочей смены. Должно, но не сделано. И тогда слетаетесь вы.

Я тоже инженер. Совсем немного старше вас. Очевидно, мы любим одни и те же вещи. Красивые вещи любят все, здесь вы правы. Но красивая вещь — это прежде всего вещь чистая, без пятен. А вас обманули. Обманули давно, еще в детстве, внушив, что за деньги можно купить жизнь, а не ее неудачную копию.

Надеюсь, что вы будете одним из самых последних воинствующих мещан, которые еще мешают нам жить. Но у вас есть дети. Мальчик и девочка. Очень хочется, чтобы их научили отличать настоящее от подделки.

Виктор БЕЗБОРДОВ,
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом номере мы напечатали первую большую подборку читательских откликов на дискуссию «Хочу быть первым». В последующих номерах мы продолжим их публикацию. Приглашаем новых читателей принять участие в обсуждении писем А. Козаря и В. Владимиров.

Ждем ваших откликов, дорогие читатели!

БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ

ми об институтской учебе, но, главное, привозили с собой массу рисунков, иллюстраций и произведений, показывали макеты будущих книг. Для Василия Терещенко все было поразительно, он узнавал с вещами, которые, казалось, дремали в нем, были созвучны его мыслям и настрою. И не хватало только какого-то штриха, маленькой детали, которая дала бы толчок и высветила то, что в душе зрело подспудно. И, в который раз просматривая рисунки товарищей, он вдруг понял четко и определенно: книга и только книга — его дело и призвание.

И хотя школа была закончена с золотой медалью и была уверенность в своих силах, убежденность в выборе профессии, в Москве его ждало разочарование. В списках зачисленных в Московский полиграфический институт он не нашел своей фамилии. В это трудно было поверить, столько надежд, столько планов, казалось, должно быть разрушено... С этим не хотелось мириться. Он стоял обескураженный, не чувствуя, видимо, от неожиданности ни злости, ни даже обиды. Только недоумение: почему? Как могло это произойти? Тогда по счастливой случайности рядом с ним оказалась преподаватель с факультета

редактирования. «Почему бы вам не попробовать поступить на наш факультет?» — спокойно спросила она, угадывая настроения абитуриента. Такого простого решения проблемы он не предполагал. Он оставался в Москве, в его распоряжении были музеи, выставки. Много выставок. От дежурных и ничем не примечательных до сенсационных, редких. Это давало возможность сопоставлять, отмечать манеру и стиль письма, чем-то восхищаться и многие дни быть под впечатлением увиденного или отвергать, яростно и жестко.

Он прилежно изучал положенные предметы в институте. Но не хотел мириться с тем, что путь на заветный факультет оставался для него закрытым. Руки тянулись к краскам, рождались сюжеты картин, с каждой прочитанной книгой возникали новые образы, которые волновали и словно бы требовали права на жизнь не только в воображении художника, но и признания и оценки читателей. Упорство и настойчивость юноши были замечены деканом, который разрешил сдать экзамены экстерном за первый курс на факультет художественного оформления, но на вечернее отделение.

И снова учеба и работа. На телевидении, в журналах, в издательствах. Рисовал обложки, иллюстрировал рассказы, пытался оформлять книги. И вот, наконец, первая крупная печатная работа в Москве — обложка февральского номера «Юности» в 1966 году. За эти годы профессионального становления закалилось желание самоутвердиться, стать духовно самостоятельным, молодой художник воспитал в себе удивительную работоспособность.

В жизни каждого художника наступает момент, когда искания уже позади, когда появляется опыт, возникший из ошибок, просчетов, удач и верно найденных решений. Наступает пора зрелости, профессиональное мастерство достигает своего высшего расцвета, четко определяется гражданственность.

— Когда я вижу книги в серых, невыразительных обложках, — говорит Василий Терещенко, — книги, оформленные безвкусно и бездумно, когда от них веет равнодушием людей, которые, казалось бы, должны все свое умение, знания, профессионализм направить на обратное, мне становится жаль лес. Загубленные деревья, дальнейшая жизнь которых вот так неудачно продолжена. И жаль читателя.

Что нужно для того, чтобы книга вызвала внимание? Красочность, неожиданные цветовые сочетания, броские и

привлекательные. Чтобы внешний образ книги и ее содержание совпадали, выражали дух времени, отвечали требованиям сегодняшнего дня, следовали определенному стилю и даже моде в положительном, естественно, смысле этого слова.

В книжном искусстве достичь такой гармонии необычайно сложно.

Творческий поиск, творческие находки Василия Терещенко наиболее полно выразились в оформлении ленинских трудов. Самым главным каждый раз было найти художественный образ будущей книги. Важно передать атмосферу того времени, дать читателю возможность понять историческую эпоху. В сборнике, включающем две ленинские работы — «Как организовать соревнование?» и «Великий почин», использован флаговый набор текста, то есть каждая строка разного размера создает впечатление развевающегося флага, а сквозные, «идущие» через всю книгу изобразительные элементы — шмуцтитлы, это отдельные страницы, открывающие новые статьи, с документальной фотографией или кинокадром на последующем развороте, — держат весь ансамбль. На суперобложку вынесены те же уменьшенные фотографии и пояснительный текст. Такое оформление и создает особую атмосферу восприятия текста.

Иной раз образ книги рождается неожиданно. Как-то на типографском складе Василий Терещенко увидел необычную бумагу с палевым оттенком «под старину». А что, если использовать ее как ведущий образный элемент, создающий колорит начала века? Так было найдено решение одного из изданий книги В. И. Ленина «Государство и революция».

— Прекрасное, емкое произведение, — говорит художник о горьковском очерке «Ленин», — написано на высокодушевной ноте. Хотелось бы, чтобы и зрительно книга соответствовала накалу страсти, мысли, эмоций писателя.

И художнику это удалось. Изобразительный ряд строится из фотографий, воссоздающих обстановку, окружавшую Владимира Ильича, места жизни и деятельности Ленина в те годы, даются

портреты друзей и соратников вождя. Книга получилась цельной, с высоким эмоциональным звучанием.

— Мечтаю художественно оформить основные ленинские работы, чтобы они составили целую библиотеку.

Экономичная книга — лозунг сегодняшнего дня полиграфии. Но бережное отношение к бумаге, а значит, и к лесу, не должно убить другие эмоции — грустно видеть и убогие книги. Современные тенденции оформления, сохраняя требования экономии, дают богатейшие возможности художнику.

Понять своего современника и следовать его восприятию собственным ритмом линий и красок — значит оказаться на уровне требований времени.

Что характеризует книгу 80-х? Образность зрительного ряда. Сложные цвета, неожиданные цветовые сочетания. Шрифт современного начертания.

В последнее десятилетие в мире происходил шрифтовой бум. Лишь средствами шрифта можно решить любую тему. А в Политиздате особенно выразителен шрифт в оформлении книг международной тематики, которое с удовольствием давал и Терещенко. При этом шрифт у него сохраняет и черты первоисточника и несет стилистику творчества художника — динамичного, насыщенного.

Терещенко очень любит иллюстрировать детские книги. И со многими писателями у него складываются не только творческие, но и дружеские отношения. Вот как с Анатолием Алексиним, с которым они познакомились десять лет назад. Художник говорит: «Мне везет на счастливые встречи, которые затем рождают доброе содружество». Его дарит художнику жизнь, а он — читателям. Дружбу с хорошими книгами, которые он сделал и которые еще сделает.

Кто из нас не слышал звонкий, требовательный детский голосок: «Купите мне книжку с картинками!» Что ж, ребенку понятнее язык иллюстрации. Но как важно не забывать о доступности, ясности и глубокой содержательности этого языка, работая и для взрослого читателя.

Аркадий Гайдар РВС

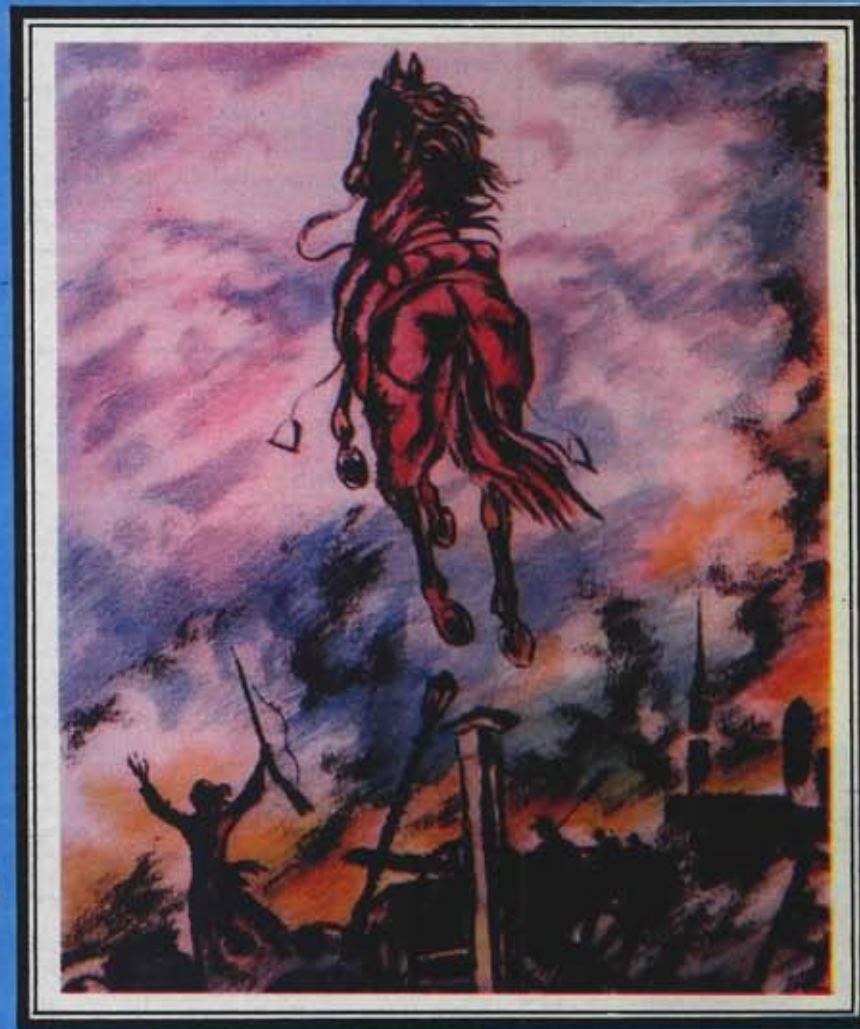
ПЕРЕПЛЕТ К ПОВЕСТИ
АРКАДИЯ ГАЙДАРА «РВС».

ТИТУЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ
К МЕМУАРАМ ПАВЛО НЕРУДЫ
«ПРИЗНАЮСЬ: Я ЖИЛ».

ОФОРМЛЕНИЕ РАЗВОРОТА
«ИСПОВЕДИ»
КАРЛА МАРКСА.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К РОМАНУ ЛЬВА СЛАВИНА
«ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ».

А ЧТО У ВАС?

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

В ЗОНЕ АКТИВНОГО ПОЛЯРНОГО СИЯНИЯ

На снимке — комсомолец Александр Шукалов, выпускник Иркутского государственного университета 1981 года, а ныне инженер Норильской комплексной магнитоионосферной станции, изучает тайны полярного сияния.

Спрашивается: есть ли у полярного сияния тайны?

Очень много.

Когда в Заполярье, в зоне активного действия полярного сияния, построили первую высоковольтную линию, то отметили странную вещь: как только в небе вспыхивает сияние, в сети тут же появляется дополнительный электроток. Причем ток большой силы. А раз так, то не выдерживают дополнительной нагрузки трансформаторы, выходят из строя приборы. Что прикажете делать с этим явлением? То ли бороться с ним? То ли, наоборот, обратиться на хозяйственные нужды? На этот вопрос должны дать ответ Александр Шукалов и его коллеги.

То же самое происходит в металлических трубопроводах: в момент активизации полярного сияния в трубопроводе возникают наведенные токи, что также ведет к осложнениям в его работе.

Замечено — полярное сияние даже на одной широте имеет свои излюбленные места. Где-то оно появляется очень часто, а где-то его не увидишь никогда. В чем дело? Не связано ли это с глубинными разломами земли? Или с палеовулканами? Или с месторождениями полезных ископаемых? Нужно ответить и на эти вопросы.

Анатолий ЛЕЛЬБЕР.
Фото автора

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Однажды я собиралась во время каникул слетать к родным в Рязань. Однако взять билет не смогла, так как у кассира не оказалось бланков льготного студенческого билета. Выписать мне льготный билет на другом бланке она отказалась, ссылаясь на служебные инструкции, а билет за полную цену я взять не смогла: у студентов, сами понимаете, лишних денег не бывает.

Может быть, ответственные работники Аэрофлота объяснят, зачем им столько разных вариантов одного и того же авиабилета? Пассажирам они доставляют явные неудобства.

Татьяна ДМИТРИЕВА,
г. Николаев

«ДВА ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ» —

считает руководитель группы разработки новых авиабилетов, заместитель начальника Главного агентства воздушных сообщений Министерства гражданской авиации СССР Владимир Михайлович Басов.

— Что вы имеете в виду?

— Обратимся к статистике.

Только в одиннадцатой пятилетке воздушному транспорту страны предстоит перевезти свыше полумиллиарда человек! Обслуживает это громадное количество пассажиров всего около десяти тысяч кас-

сиров. Представляете, сколько им приходится писать?!

Сейчас уже вступил в строй Московский центр — первая очередь Общесоюзной автоматизированной системы управления продажи билетов и бронирования мест на внутренних авиалиниях — АСУ-5. Теперь все данные о пассажирах (фамилия, номера документов, основания для льготных скидок и т. д.) кассир наберет на клавиатуре дисплея, а ЭВМ сама найдет свободные рейсы по интересующему маршруту, предложит их пассажиру и после его выбора в считанные секунды отпечатает билет. Удобно, не правда ли?

— Безусловно. Однако ситуации, о которых нам пишет студентка из Николаева, могут повториться и при наличии ЭВМ?

— Теперь это исключено. Вместо четырнадцати видов билетных бланков, которые ныне существуют в Аэрофлоте (детские, студенческие, воинские, депутатские, служебные и другие), в обращении будут находиться только два: для прямых, беспересадочных полетов и для транзитных пассажиров.

Общесоюзная АСУ-5 будет обслуживать крупные аэропорты. В перспективе более двадцати миллионов людей в год вступят в «финансовый диалог» с ЭВМ.

— А как же остальные пассажиры?

— Их билеты будут по-прежнему заполняться вручную. Это связано с тем, что оборудование одного кассового места в автоматизированной системе стоит несколько десятков тысяч рублей. Поэтому установка таких мест, скажем, в аэропортах местных авиалиний или там, где пассажиропотоки невелики, явно нерентабельна.

Но введение новых единых авиабилетов значительно облегчит труд кассиров и при

ручной обработке бланков. Меньше будет путаницы и досадных ошибок при заполнении билетов. Ведь сейчас квалифицированный кассир Аэрофлота должен обладать поистине энциклопедическими знаниями: почти на память он обязан знать шесть справочно-нормативных документов, что по объему примерно равно такому же количеству книг в сто пятьдесят — двести страниц каждая! Теперь учить придется гораздо меньше.

— Чем еще отличаются новые билеты от нынешних?

— Существенно изменен их внешний облик. Маршрут, дата вылета, номер места (то есть наиболее важная информация, обычно интересующая авиапутешественников) станут отпечатываться или вписываться на желтом фоне — практика показала, что любой текст лучше всего читается именно на фоне такого цвета. Впервые в авиабилет вводится графа, где указан час, к которому пассажир должен быть на регистрации в городском аэровокзале или в аэропорту (так даже самый рассеянный не опоздает к самолету). Новые бланки имеют усиленную «защитную сетку» против подделки и исправлений билетов. Транзитные же бланки будут продаваться с тремя корешками.

Беседу вел
Борис БЫЧКОВ

...НА ДВА СЛОВА!

У нас в Запорожье растет уникальный дуб — ровесник первых лесов Приднепровья. Высота его — тридцать шесть метров, диаметр кроны — сорок три метра, а длина ствола по окружности — шестьсот тридцать два сантиметра. Предполагают, что возраст дуба — приблизительно шестьсот — семьсот лет.

И. ЖУРАВЛЕВ,
г. Запорожье

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

В библиотеке ректора

...Присмотревшись, я обнаружила «Арифметику» Магницкого, много книг о Москве и городах России XIX века и даже книгу с таким вот интригующим названием: «Исторические анекдоты о Петре I» — вышедшую в свет в 1800 году. А рядом — «Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военно-судное дело 1837 года», изданное спустя шестьдесят три года после трагической смерти поэта.

Да, на этих полках можно найти немало библиографических редкостей. Ведь чтобы собрать эту библиотеку, ее владельцу — бывшему ректору МГУ Ивану Георгиевичу Петровскому — потребова-

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

Как работать волшебником?

Эти топоры застучали в городе Костроме около четырех лет назад. Что же строили? Закладывались, как встарь, целые города, огороженные частоколом крупных тесин и с неусыпной стражей под воротами. Те, кто держал в руках древнейший плотницкий инструмент, — молодые костромичи, бойцы студенческого строительного отряда «Созидатель».

Крупные узлы композиции будущего града собираются заранее отведенных дворовых площадках. С наступлением весны испытания и подгонка деталей будущего оформления детских игровых площадок ведется практически весь световой день. Подходили взрослые: «А-а-а, понятно, сказку строите. Для детей. Как хорошо-то, как здорово все у вас!»... Подходили дети: «Крепость строите? Качели? Богатырей? Давайте, дяденьки, мы поможем. Мы сами будем следить потом, чтобы никто не сломал».

Знакомство крепко. Наутро взрослые шли на работу, привычно глядя себе под ноги, а ребята — опять во двор, на строительную площадку. Шли уже не просто так — посмотреть, а каждый — к своему мастеру в зеленой куртке бойца ССО. В первые дни строительства лишь поддержать настоящий инструмент среди юных обитателей двора считалось за счастье. Впоследствии под доброжелательным присмотром бойцов кое-кому доверилось пару раз стругануть доску, а то и вбить гвоздь...

Сейчас в Костроме уже построено девять сказочных городов.

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

КИНОЭКСПЕДИЦИИ

Брат Корчагина

...Фаусто Диасу было пятнадцать, когда на Кубе победила революция. А когда начались сражения при Плайя-Хирон, Фаусто стал уже зенитчиком. В боях за родину получил тяжелое ранение, потеряв обе ноги и правую руку...

Теплоход «Грузия» доставил в Советский Союз большую группу кубинской молодежи. Когда лайнер подошел к сочинскому пирсу, его встречали сотни людей. Кубинцев обнимали, целовали, кто-то запел «Гимн демократической молодежи».

И вдруг все стихло: на трапе теплохода появилась коляска инвалида, которую поддерживали четыре чело-

века. Это был герой кубинского народа Фаусто Диас...

В тот день и начали свердловские кинематографисты во главе с режиссером Игорем Персидским съемку фильма «Рейс дружбы». Операторы повсюду сопровождали мужественного юношу: на встречах и импровизированных концертах, во время бесед с молодежью. И, конечно, в доме-музее Николая Островского, посетил который давно планировал Фаусто Диас.

...Когда в комнате, где находился мужественный кубинец, зазвучал голос самого Николая Островского, записанный на пленку, Фаусто Диас, член Национального комитета Союза молодых коммунистов Кубы, заплакал...

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

лось более полувека. Его жена, Ольга Афанасьевна, передавшая после смерти мужа библиотеку в дар университету, рассказывает, что Иван Георгиевич подчас отказывал себе в приобретении какой-нибудь вещи, чтобы купить интересующую его книгу у букинистов.

Весь фонд — более 20 тысяч книг — доступен широким массам читателей: здесь каждый, будь то школьник или ученый, может найти много интересного для себя.

Елена СКВОРЦОВА

«ЛЕТОЗАГОТОВКИ»

В июне 1932 года номер журнала вышел двоянным (№№11, 12). Причину объясняет шалка, которой открывается журнал: «ПРИВЕТ VII ВСЕСОЮЗНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ». Много материалов посвящено недолгой еще истории комсомола, его славным делам и перспективным планам, а также неотложным задачам дня.

Четыре страницы журнала отданы первому опыту исторического сравнения: «МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ ДВУХ ЭПОХ». Журнал цитирует маленькое наблюдение из навсегда ушедшей эпохи: «...что за люди выходят впоследствии из этих детей, работающих при температуре в 40—50 градусов при сушильных барабанах? Фабрикант дал такой ответ: «Бог знает куда они деваются, мы уж как-то их не видим после, высыхают они».

А рядом слова—итог первых пятнадцати лет Советской власти: «ВОПРОС О ТОМ, КАК «ВЫЙТИ В ЛЮДИ», ДЛЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ С ПОВЕСТКИ ДНЯ СНЯТ. Двери школ, вузов и академии открыты для рабочей молодежи. Дело только за желанием...»

«ОНИ БУДУТ СЧАСТЛИВЫМИ», — утверждал журнал, рассказывая о новых возможностях для культурного отдыха трудящихся людей. «Мы учимся искусству побед на всех фронтах и занимаемся физкультурой не для того, чтобы гордиться холеной мышцей, а для того, чтобы сказать всем, страдающим золотым ожирением, что в рабочей стране живут и крепнут лучшие люди». Свидетельство тому и «ЛЕТОЗАГОТОВКИ» в Центральном парке культуры и отдыха в Москве. Имени Максима Горького он тогда еще не носил. «Десять миллионов человек войдут за это лето в ворота парка», — сообщает журнал, — и каждому найдется отдых по душе. ...По Москве-реке будет передвигаться плавучий культурный центр — плот с актерами, докладчиком и оркестром. ...Семьи могут брать напрокат палатки, коврики, гамаки и самовары. ...Миллион цветов украсит и без того приятное лицо парка.

Будьте капризны, товарищи посетители, — призывает журнал, — копайтесь в культурном ассортименте парка, пробуйте его на вкус и цвет».

ВЕРНИСАЖ

ЗАВОДСКАЯ ПРОПИСКА ВЫСТАВКИ

Трудно, наверное, найти человека, которому не был бы знаком этот снимок. Его не раз использовали кинорежиссеры в художественных и документальных лентах о минувшей войне, увеличенная копия его открывает военные разделы многих краеведческих музеев.

Автор этой фотографии — бывший военный фотокорреспондент, а ныне репортер газеты «Московская правда» Борис Николаевич Ярославцев. Военную форму с лейтенантскими кубиками в петлицах он надел 22 июня 1941 года и не снимал всю войну. Шел от самых южных границ, где и был сделан этот снимок — в районе

Кишилева. В момент ожесточенных бомбежек города, когда очередная волна фашистских самолетов еще пикировала к земле, фотокорреспондент и снял этих ребятшек. Едва успел кинуться на землю, как раздался взрыв...

Эту фотографию с фамилией автора ныне можно увидеть на его персональной выставке «50 лет работы» среди доброй сотни других прекрасных фоторабот. Здесь и послевоенная строящаяся Москва, передовики, ударники московских предприятий, природа Подмосковья.

Нет такого крупного более или менее события, происшедшего после войны в Москве, которое не было бы заснято фотоаппаратом Ярославцева. Не случайно поэтому и предназначение его персональной выставки. После того, как с ней ознакомились коллеги, выставка отправляется для постоянной экспозиции во Дворец культуры завода имени Владимира Ильича.

Василий ВОЛКОВ

ИСТОРИЯ РОДНОГО КРАЯ

ЧАСОВЫЕ ПАМЯТИ

...Восстанавливать замок регулярно приезжали студенческие отряды, бригады молодых рабочих, учащиеся школ и ПТУ, все, кому доставало сил и времени. И вот...

Свыше пятисот произведений яркими образцами ранней и поздней иконописи, портретами работы местных художников, натюрмортами, застывшими в барочной экспрессии золочеными резными фигурами святых и крестьян.

Есть глубокий смысл в том, что молодежь выступает в первых рядах «друзей памятников старины». По сложившейся традиции выпускники Львовского художественного училища и института декоративно-прикладного искусства свои дипломные работы преподносят в дар городу, действующему музею под открытым небом. Около двадцати дипломов было зачислено прямо на натуре — в Олесьском замке. Монументальная деревянная скульптура в замковом парке, кованые фонари, флюгеры, вывески, декоративные решетки — все это создавалось руками выпускников училища имени И. Труша, которые возрождают старинное искусство львовских кузнецов и чеканщиков.

Юрий ОСИПОВ,
Фото Владимира САКВУКА

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

«ЛУНОХОД» НА ПОЖАРЕ

...В штреке бушевал огненный смерч. Пламя с гулом пожирало все подряд: деревянную крепь, кабели на стенах, даже металл. И сюда, за сотни метров от очага, долетало его жаркое дыхание. Но на лицах окружающих меня людей не было беспокойства: пожар был заранее подготовлен испытателями из Всесоюзного научно-исследовательского института горноспасательного дела, которые сейчас сосредоточенно «колдовали» у необычайного узкоколейного состава.

Вот раздалась команда, и вереница вагончиков неторопливо покатила в огонь. Все ждали: как-то им придется? Ведь в раскаленном жерле штрека температура в сотни градусов.

Но вот передний вагончик вплотную приблизился к огненной стене, остановился. И в тот же миг из сопла на его крыше вырвался тугой белый факел — огонь начал съезжаться, отступать. А еще через несколько минут, когда в штреке уже затухли его последние, тусклые язычки, состав покати к нам обратным ходом.

— Разбушевавшийся огонь страшен везде, но вдвойне — под землей, — говорит начальник одного из отделов института Виктор Павлович Чарков. — В узком пространстве штрека зачастую очень трудно даже подобраться вплотную к очагу. Да и высокие температуры не дают этого сделать, несмотря на специальные защитные костюмы. А если к тому же учесть, что огонь может «бежать» со скоростью до двухсот метров в час...

В таких вот ситуациях на выручку спасателям и должен прийти самоходный пожарный комплекс «СПК-1», который здесь не без гордости называют подземным «луноходом»: он может действовать либо по командам с пульта дистанционного управления, либо по заранее заданной программе:

Может ли молодой специалист уволиться до истечения срока обязательной работы?

В. МУРАВЬЕВ,
г. Полоцк

Нет, не может. Увольнение молодых специалистов до истечения трех лет со дня начала работы допускается только в исключительных случаях, специально оговоренных в законодательстве, например, если администрация нарушает законодательство о труде или не выполняет условий трудового договора, а также по

подходить к огню на требуемое расстояние, тушить пожар, возвращаться после завершения операции.

...По штреку мы приближаемся к тому месту, где еще недавно полыхал пожар. Но теперь о нем напоминают лишь пылущие жаром стенки да поваленные остатки крепи, покрытые твердой белой коркой. И, словно угадав вопрос, Виктор Павлович говорит:

— Эта корка, или, точнее, полифосфатная пленка, не дает дереву вспыхнуть вновь. А образовалась она из специальной пены — ведь комплекс гасит огонь не водой, а сначала порошком, затем и пеной.

Александр АЛЕКСЕЕВ

состоянию здоровья и в некоторых иных случаях. Руководителям других предприятий, учреждений и организаций запрещается принимать на работу молодых специалистов, не отработавших обязательного срока по месту распределения.

Как решается вопрос с отходом молодого специалиста после окончания учебы?

А. СМОЛЕВИЧ,
г. Ужгород

Вне зависимости от того, когда молодой специалист имел каникулы в учебном заведении, после его окончания он получает месячный отпуск с выплатой за счет предприятия (учреждения, организации) пособия в размере месячной стипендии, если он ее получал. Следующий отпуск он получит на общих основаниях, то есть через одиннадцать месяцев работы.

Каков порядок предоставления молодым специалистам жилья по месту распределения?

Н. БОНДАРЬ,
г. Лисичанск

Молодому специалисту и его семье должна быть предоставлена изолированная квартира или комната. Если такой возможности нет, то молодого специалиста могут поселить в общежитии, но вре-

менно. Жилая площадь предоставляется администрацией предприятия, а распределившимся на работу в учреждение здравоохранения, культуры, просвещения и некоторые другие — исполкомами местных Советов народных депутатов. При отказе поселить семью молодого специалиста в благоустроенное жилое помещение он может обратиться в министерство с просьбой перераспределить его на другое место работы, а при отказе в этом требовать расторжения трудового договора.

...НА ДВА СЛОВА!

...Ледокол «Амгара», установленный несколько лет назад в заливе, возле Иркутского микрорайона Солнечный, и о судьбе которого не раз писал ваш журнал, по решению нашего горисполкома будет передан Свердловскому району Иркутска с перспективой оборудования под детский клуб.

В. СОКОЛОВ,
секретарь обкома ВЛКСМ,
Иркутск

А ЧТО У ВАС?

КЛУБ Музыка С ТОБОЙ

Давным-давно маленькая грузинская девочка спела песню об апельсиновом море, апельсиновом небе, апельсиновом верблюде...

Один мудрый человек заметил, что в Грузии дети сначала учатся петь, а лишь потом разговаривать. Может быть, это и не правило для всех, но к Ирме Сохадзе оно подходит полностью. Петь начала лет с двух и, конечно, этого не помнит. Но мама рассказывает, что с самого начала малышка не мурлыкала свое детское, а на равных участвовала в семейном ансамбле, состоящем из папы, мамы и брата. Это и стало для Ирмы первым признанием ее способностей. Ведь в Грузии к таким ансамблям относятся очень серьезно, ради развлечения или из жалости туда не возьмут — нельзя портить песню.

В пять лет — первый дебют. Ирма помнит, что была в ярко-оранжевом платье и любимых красивых туфельках. Помнит, что дядя, к которому они с мамой подошли, не слишком-то обрадовался их появлению.

— И что же вы хотите, устроить девочку на телевидение?

Режиссер, видимо, знал, что каждая мама в своем ребенке видит будущую гениальность. Но он был добрым режиссером. За долгую свою работу понял, что вина взрослых в том, что эта самая гениальность куда-то у детей теряется. Он, тогда не высказывая большой охоты, спросил у мамы Ирмы:

— Что будем петь?

Алексей КОМОВ,
Владимир
КОВАЛЕВ

ОРАНЖЕВЫЙ МОТИВ

Уже через несколько дней телезрители республиканской программы увидели на экранах очаровательную девочку, исполнившую одну итальянскую и одну грузинскую песню.

С этого все и началось.

...Константин Певзнер, руководитель известного оркестра «Рэро», грустил. Были прекрасные стихи Аркадия Арканова и Григория Горина, музыка была, аранжировка... Не было исполнителя, который бы спел песню серьезно. Какой взрослый серьезно сможет пропеть: «Оранжевое солнце, апельсиновое небо, апельсиновая мама, апельсиновый верблюд»?

И когда руководителю оркестра стало совсем грустно, он вспомнил о той очаровательной девочке с телевидения. К этому времени Ирма уже училась во втором классе — для песни вполне зрелый возраст.

«Оранжевая песня» стала первой серьезной работой. С ней пришла к Ирме популярность, не меньшая, чем у взрослых артистов. Ее даже вместе с оркестром в Париж пригласили. Зрители концертного зала «Олимпия», поймавшие на своем веку такое количество эстрадных звезд, что некоторым астрономам не снилось, аплодировали малышке с черными кудряшками, не жалея ладоней. Ну, совсем, как ее одноклассники на школьном вечере. Ирма пела по-грузински — ее понимали, по-русски — тоже понимали, спела даже по-французски... Специально для концертов в «Олимпии» была разучена песня Энрико Масиаса «Дети всего мира». Потом, после отъезда «Рэро» из Франции мелодия долго еще звучала в эфире.

Всесоюзному слушателю Ирма Сохадзе стала известной после дебюта в популярной воскресной радиопередаче «С добрым утром». Конечно же, спела она там «Оранжевую песню». Прошли годы, нет-нет да и звучит эта песня по радио. Ее исполнение маленькой Ирмой не надоедает. Такая вот удивительная песенка, такая вот удивительная певица.

После радио — телевидение. Снялась в фильме «Маленькая песня». Надо сказать, что Ирма в это время не только пела, гастролировала и снималась, но, как все ее ровесники, училась в школе.

Хорошо училась, получала пятерки отнюдь не из-за того, что в Грузии все учителя любят песни. Знания хорошими были.

После школы Ирма поступила в консерваторию. На общих основаниях. Единственное исключение, которое было сделано для нее — разрешили учиться сразу на двух отделениях, фортепьянном и музыкально-инструментальном. Многие удивлялись: фортепьянно — это понятно, но и понять самую суть музыки. Понять и сформулировать ее для себя. А за нотными значками видеть человека, который так их расставил...

В 1975 году в консерватории появился новый вокальный квартет «Тбилиси». Реваз Асатиани, Ираклий Николаишвили, Вахтанг Ревия и Ирма Сохадзе учились вместе и пели вместе. «Экспериментаторы» — говорили о них в консерватории с доброй улыбкой и с уважением. В этом квартете у Ирмы произошло много событий. Пришло первое взрослое признание. Их маленький коллектив с успехом выступал в разных городах нашей страны, побывал почти во всех социалистических странах, ему аплодировали в крупнейших залах Англии, ФРГ, Японии, Дании. О них много писали, ими восхищались. Этр было приятно. А кроме того, в «Тбилиси» Ирма обрела личное счастье. Они с Ревазом Асатиани полюбили друг друга, стали одной семьей, теперь воспитывают маленькую дочку.

Три года назад Ирма окончила консерваторию. Так уж получилось, что работать она начала в... музыкальной редакции грузинского телевидения, куда много лет назад приводила ее мама. «В первые дни, — рассказывает Ирма, — мне все казалось, что раскроется дверь и произойдет какое-нибудь чудо...»

В музыке, как в науке, новое рождается на стыках уже известного. В год, когда Ирма окончила консерваторию, в Тбилиси проводился Всесоюзный джазовый фестиваль. На нем огромной популярностью пользовалось знаменитое трио азербайджанского композитора Вагифа Мустафы-

заде. Трио во время концерта долго не отпускали со сцены — азербайджанские мугамы, талантливо аранжированные и прекрасно исполненные, не могли не понравиться знатокам музыки. Но вот вместе с азербайджанским трио — на сцене Ирма Сохадзе.

Те, кто был на том концерте, рассказывают, что эффект от соединения азербайджанской инструментальной музыки и традиционных мотивов грузинской песенной школы был необыкновенным. Это выступление еще раз подтвердило для самой Ирмы, что путь, который она выбрала вместе со своими друзьями из «Тбилиси», верный.

— Творческий человек не может не опираться на традиции своего народа. Разговоры, которые сейчас часто можно услышать, о том, что эстрадные мелодии надо приблизить к народным истокам и прочее, меня немного раздражают. Стилизация народных песен и восприятие традиций — это совершенно разные вещи. Простые и доступные песни Нани Брегадзе и Вахтанга Кикабидзе. Но эта простота в сочетании с их яркой индивидуальностью опирается на огромные многовековые народные корни. Не важно, поют ли они грузинские песни или старинные романсы. Задача настоящего певца-художника — не подделываться под народные мелодии, а прочувствовать их основу.

Сейчас Ирма Сохадзе также много работает. Вместе с квартетом «Тбилиси» записывает сразу две пластинки. На одной будут звучать собственные композиции Ирмы, на другой — песни грузинских композиторов.

А недавно квартет получил приглашение поехать в Париж на праздник коммунистической печати, который проводит газета «Юманите». Там соберутся многие прогрессивные исполнители из разных стран мира «Тбилиси» специально для этого фестиваля готовит новую программу. В нее включены песни французских композиторов. А Ирма в память о первой поездке хочет исполнить песню «Дети всего мира».

Давным-давно маленькой грузинской девочке посчастливилось увидеть море, небо и солнце апельсиновыми...

Мария РУСИНА

Продолжаем разговор
о проблемах
самодельной песни

ПЕСНЮ СДЕЛАЙ САМ

Это был настоящий праздник. Двое суток в лесу под Харьковом звучали гитары и не смолкали песни: Украина и Молдавия проводили очередной слет клубов самодельной песни (КСП). Организатор — Харьковский горком комсомола. На слет приехали авторы и исполнители, представляющие почти 50 клубов страны, делающих одно благодарное дело, — пропаганда самодельной песни, ставшей неотъемлемой частью культурной жизни советской молодежи.

Рассказывает конструктор из Ворошиловграда Лариса Косовская:

— Я в клубе относительно недавно — около года. Всего нашему клубу пять лет. Объединяем любителей самодельной песни, считаемся отделением дискотеки при ДК имени Ленина. Уже сложился определенный круг постоянных слушателей и почитателей.

Мы выступали в вузах Ворошиловграда перед иностранными делегациями, на фестивале в Славяногорске с песнями о войне.

Планы? Хотим стать областным клубом с филиалами в близлежащих городах, проводить в вузах конкурсы, чтобы помочь одаренным ребятам раскрыть свои способности. Помочь мы им в состоянии: у нас существуют гитарные студии. С удовольствием посоветуем, дадим послушать магнитофонные записи. В общем, к нам тянутся.

Таких молодых клубов в стране очень много. Они начинают не на пустом месте: есть основа — песни признанных авторов, таких, как Б. Окуджава, Н. Матвеева, В. Высоцкий, Ю. Визбор. Но ведь надо не копировать манеру исполнения, не жевать уже пережеванное, а уметь сказать свое. Это непросто.

Говорят, что песня как птица: одно крыло у нее стихи, другое — музыка. Если одно крыло короче другого, птица не полетит. Это прекрасно, когда самодельные авторы смело берут поэзию Н. Рубцова, Э. Багрицкого, Э. Межелайтиса, Омара Хайяма. Но обратная сторона медали — стремление работать на «готовеньком». Поют гости слета — краснорядцы. В. Гого, перевод П. Антокольского. Красивые, но немного холодноватые, должно быть, слишком

«литературные» слова. Тут-то и оказывается, что не всякая, пусть даже классическая, поэзия может стать песней.

А вот и тот самый случай, когда текстовое крыло короче музыкального:

До свиданья, до свиданья, дай мне руку на прощанье.

Завтра — снова расставанье, встречи будут впереди.

Далеко пускай мы будем, дружбы нашей не забудем,

Нипочем ей расстоянья. До свиданья, до свиданья.

Согласитесь, похоже на пародию. Или такая «душераздирающая» строчка: «Страсти океан во мне пенится...» Вот из-за такого рода «грязи» порой говорят: мол, кому и зачем она нужна, эта ваша песня?

Теперь о музыкальном крыле, музыке. В самодельной песне, на мой взгляд и по мнению многих энтузиастов, с которыми я беседовала в Харькове, музыка призвана органически обрамлять текст, помогать ему лучше доходить до слушателя. Если попробовать отдельно взять текст, то станет особенно ясно: песня, претендующая на мысль, не может базироваться только на ритме, мелодии, хотя могут нести и слова просто подсобное значение. Цену популярности определяет время. Помните, как гремели когда-то «Ландыши», «Мой Вася»? Пришли и ушли.

Почему же тогда нам не кажутся архаичными песни юности наших родителей? Мы поем «Листопад» Ады Якушевой, и кажется, что он написан про нас. Потому что, как бы мы ни хорохорились, говоря, что далеко ушли вперед, что у нас все свое, интересы свои и иной взгляд на жизнь, но все-таки нравственные ценности у старшего и нашего, младшего, поколения одни, а чувства вечны.

Размышляя о времени, Сильва Капутькиан недавно писала: «Думаю ему (нашему времени. — М. Р.) свойственны глубинность и боязнь упрощенчества, а простота видится как итог осмыс-

ленной и прочувствованной сложности. Не только столкновение контрастных цветов... но и чуткое распознавание оттенков». В этом смысле лучшие самодельные песни, песни так называемых «бардов» и «менестрелей» — дитя времени. Крикливая парадность, громкость не помогут разобраться в себе. Больше скажет слушателю ненавязчивая мелодия, негромкий голос, неморализаторский текст. Человек с гитарой поет вроде бы и про себя и про тебя в то же время. Это уроки размышления над жизнью, волна его души, проникающая в твою душу. Это толчок к самопознанию, постановка вопросов, поиск ответов на них. Песни «бардов» сыграли свою роль в воспитании уже не одного поколения.

Рассказывает Борис Бурда. Профессия — математик, живет в Одессе:

— У меня все началось с КВН, где я пробовал немного писать стихи для программ. Вроде бы я получалось. Песни писал для себя. А потом приятель посоветовал зайти в клуб.

Основная площадка нашего клуба «Пангея», где мы выступаем почти каждую неделю, — молодежные кафе. Там же существуют киноклуб, джаз-клуб, дискотека. Многие удивятся: как так? Дискотека и КСП — рядом? Мы против мнения, что дискотека и самодельная песня несоместимы. Все зависит прежде всего от качества репертуара. Организуются дискотеки самодельной песни, и надо сказать, что ничего плохого в этом нет. Вообще мне кажется, что музыка в самодельной песне сейчас подтянулась. И сама песня стала сильнее. Другое дело — когда молодые люди трясутся в танцзале под такие песни, как «Моя звезда», написанная моим коллегой — математиком из Москвы А. Сухановым на стихи Иннокентия Анненкова.

Что мы хотим для клуба? Во-первых, у нас трудно с записями, есть частные фонотеки, которые необходимо объединить. Для песенного клуба — дело первостепенной важности. Из творческих планов? Мы задумали программу песен о войне, написанных теми людьми, которые войны не видели. Хотим доказать, что молодые авторы не хуже понимают, что тогда было, что это для них тоже глубоко личное. Ведь и «Война и мир» написана отнюдь не очевидцем Бородинского сражения. Хотелось бы побольше поехать по стране, побывать на представительных слетах. Большая доброжелательная аудитория очень поддерживает. Только что рядом сидел молодой человек, девушка, и вот они уже перед тобой поют свои песни. Тем более интересна их реакция на то, что поешь ты, твои друзья.

Добавим от себя, что сам Борис Бурда, выступая на харьковской сцене, исполнил на «ура» свою песню «Каратэ». Ведь самодельная песня — не трюк лирика. Одесский автор в острой сатирической форме сумел мастерски «протащить» тех, кто слепо гонится за модой с единственной целью: «чтобы быть не таким, как все».

А. Пугачев из Харькова, А. Петров из Севастополя, О. Зарифьянц из Фрунзе, Н. Дудкина из Калуги, М. Кочетков и Н. Сосновская из Москвы, дуэт «Окуляры» из Кишинева, дуэт из Костромы — вот далеко не полный перечень наиболее ярких выступлений на слете. Съехались гости из Риги, Таллина, Красноярска, Архангельска — ведь не ближний свет. Если люди едут из такой дали, значит, дело стоит того.

Рассказывает Алексей Волков, начальник станции «Охотскрыбвод» в Магадане:

— В отличие от большинства самодельных авторов у меня есть музыкальное образование. Я играл на фортепиано, на баяне, на балалайке. Гитару в руки взял в 5—6-м классе. До второго курса института был руководителем ансамбля с эстрадной направленностью. Но как только я нашел себя в самодельной песне (пришел я в нее через туризм), то сразу и твердо порвал с эстрадным репертуаром.

Магаданскому клубу всего год, он организован, как и большинство КСП, при горкоме ВЛКСМ, а базируется при хоровом обществе отдела культуры. В клубе люди самых разнообразных профессий, студенты, старшеклассники. Мы объединились в КСП и почти сразу поехали с выступлением в Норильск. Там нами заинтересовалось телевидение, и с тех пор наши авторы регулярно, раз в две недели принимают участие в телепрограмме «Темп», в страничке «Знакомьтесь — КСП», рассказывают о нашем движении, о себе, поют песни. Наши песни звучат по радио.

Как только мы появились на телеэкране, на следующее заседание клуба пришло уже человек двадцать. Пусть пишут из них всего трое-четверо, а остальные — любители или просто ничего не знают о самодельной песне, мы помогаем молодежи найти себя, задуматься о жизни, о ее главных ценностях. Наша песня работает.

Одесские молодежные кафе, Магаданское телевидение, кишиневские молодежные центры... Сколько разнообразных форм пропаганды самодельной песни! А как не хватает передач об этом движении по радиостанции «Юность», которую упоминал А. Исаханов, начиная разговор на страницах «Смены», сюжетов в телепрограмме «Адреса молодых»... Ведь самодельная песня доступна каждому, она объединяет самых разных людей, способствует тому, чтобы досуг молодежи стал духовно наполненным.

*А песню подхватит любой,
А песне найдется работа,
Покуда в ней каждая нота
Оплачена нашей судьбой.*

Такие слова есть в песне ученого Дмитрия Сухарева. И с ними трудно не согласиться.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК
КЛУБА
«МУЗЫКА С ТОБОЙ»

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ...

ГРАЖДАНСКОЕ КРЕДО «МАЙЛА»

Спросите любого молодого душанбинца, что такое «Майл», и вам ответят: «Дискотуб». Первый из возникших в республике и, пожалуй, самый популярный.

«Майл» в переводе с таджикского — «увлечение». И это определение точно характеризует отношение энтузиастов к своей дискотеке. Создатель и руководитель клуба научный сотрудник Института экономики Юсуф Юсуфбеков, светооператор физик Рустам Исмаилов, слайдооператор инженер Сергей Черенков (все они работают в Академии наук Таджикистана) и студент Таджикского госуниверситета Геннадий Харьковский — единомышленники, верны друг другу и избранному пути вот уже четвертый год.

Параллельно с «Майлом» возникали и развивались многие другие дискогруппы в вузах, учреждениях и на предприятиях республики. Но именно «Майл» имел все основания претендовать на звание общегородского и даже республиканского базового дискотуба. Так считали в Душанбинском горкоме и ЦК комсомола республики. Какие основания? Да хотя бы то, что «Майл» побеждал во всех городских конкурсах дискотек, жюри которых признавало, что большинство групп не поднялись выше танцевально-развлекательной стадии. «Майл» же быстро миновал эту стадию и вел поиски в русле создания программ с полновесным гражданским звучанием.

В 1979 году состоялось официальное открытие дискотуба «Майл» в выделенном ему подвальном помещении.

Провели здесь несколько вечеров и убедились, что подвал надо переоборудовать. Долго тянулась реконструкция, да так и не закончилась. Затем ЦК комсомола разработал план перестройки кафе «Минутка» из рядовой забегаловки в республиканский молодежный клуб. Молодые дизайнеры Минлепрама Таджикистана разработали проект. Эскизы до сих пор висят на стене в одном из кабинетов ЦК, а «Минутка» устояла, осталась такой же.

Главное достоинство участников «Майла» мне видится в том, что они никогда не шли на поводу у неискушенной аудитории, которую легко привлечь модными шлягерами. С самого начала ребята поставили перед собой четкие цели: воспитывать у молодежи вкус, культуру, причем не только музыкальную — создавать программы аналитического, философского склада, которые бы давали пищу уму и сердцу. Синтезируя элементы «живой газеты», пантомимы, хореографии, «Майл» уверенно шел к созданию дискотеатра — зрелища яркого и насыщенного, с богатым спектром эмоционального и интеллектуального воздействия.

«Первой ласточкой» стал дискоспектакль «Ночь фашизма над Чили». Опробованный сначала в камерной аудитории в 1979 году, он был затем перенесен на сцену Таджикского академического театра оперы и балета имени С. Айни. Кстати, с тех пор все постановки «Майл» осуществляет только на сцене театра, который охотно пошел на такое сотрудничество, считая, что поможет группе набраться опыта в контакте с профессиональными артистами.

Пожалуй, многие давно привыкли к тому, что русская классическая музыка начинается с Михаила Ивановича Глинки. А что было до него и были ли вообще профессиональные композиторы — известно только музыковедам. Но ведь не на пустом же месте расцвел гений Глинки! Наверняка была подготовлена почва для возникновения такого колосса. Достаточно вспомнить предшественников Пушкина — превосходных литераторов и реформаторов русского языка Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Княжнина, Карамзина, Державина...

Конечно же, были и до Глинки профессиональные русские композиторы, и среди них выделяется гениальный Евстигней Фомин, проживший короткую, полную лишений и невзгод жизнь.

Родился Фомин в 1761 году, а умер в 1800-м, тридцати девяти лет. В двадцать пять лет он вернулся из Италии, где обучался в Болонской академии, видевшей в своих стенах юного Моцарта, и был одним из немногих иностранцев удостоен звания академика. Казалось, его ждало на родине блестящее будущее. Но, как ни странно, о его трехлетнем пребывании за границей известно больше, чем о последующих годах жизни в России. Любопытно и то, что о Фомине, крупнейшем реформаторе русского музыкального театра XVIII века, практически ничего не писали ни в периодической печати того времени, ни в мемуарной литературе деятелей культуры — современников композитора. Не странно ли это?

В какой-то степени ответ дает первая опера Фомина «Новгородский богатырь Боеславич», созданная им вскоре после возвращения из Италии.

Молодой композитор получает почетный официальный заказ — написать оперу. Радовать бы надо — ведь 25-летнему автору благоволила отдать свое либретто сама императрица Екатерина III. Но, видимо, это «почетное» соавторство и послужило «началом конца» карьеры русского гения. Посудите сами. Либретто Екатерины имеет заглавие: «Новгородский богатырь Боеславич». Опера комическая, составлена из сказки, песней русских и иных сочинений». У Фомина название несколько изменено: «Русская опера «Василий Боеславич».

«Былина о Василии Буславиче» — воплощение богатырской силы, растративаемой в буйствах, — под ее (Екатерины II) пером свелась к изображению борьбы за власть. Василий Буславич превратился в Василия Боеславича, потомка новгородского князя, его

наследника, возвращающего отнятый у него престол. Утверждение принципа законной власти наследственного государя, противопоставляемой анархии и произволу». Так было в либретто. Фомину бросилось в глаза, что Екатериной сильно преуменьшена роль народа. И в опере он — естественно, на свой страх и риск — выбирается из «прокрустова ложа», предложенного самодержавной либреттисткой. Композитор самовольно сократил количество сольных номеров с 31 до 6, уделив особое внимание народным сценам и сделал их центральными почти во всех актах. И позднее Фомин, в отличие от многих русских бытовых опер современников, в которых широко использовались сольные вокальные номера, большое место отводит хорам и ансамблям.

Поначалу все шло хорошо. Опера, написанная всего за месяц, тут же была поставлена придворной труппой в Петербурге, и в ноябре 1786 года состоялась ее премьера. Спектакль прошел всего один раз, хотя другие оперы на либретто императрицы шли неоднократно.

ВЕРНУТЬСЯ

ВЕРНУТЬСЯ

АКАДЕМИК

Конечно, своеволие простолоудина Фомина не прошло ему даром. Никакого официального поста композитор в столице не получил и о последующих годах его жизни практически ничего не известно, хотя творческой деятельностью он не прекращал заниматься, создавая немало опер. Любопытно, что граф Н. П. Шереметев, владетель замечательного крепостного театра, зная о «провале» первой оперы Фомина при дворе, демонстративно поставил ее на сцене своего театра в Кускове.

Удивляться неудаче Фомина не приходится, так как в то время в России было засилье иностранных музыкантов, в основном итальянцев. Создание русских опер не поощрялось, и даже шумный успех оперы Соколовского «Мельник — колдун, обманщик и сват», дошедшей до нас в редакции Фомина (ему, вероятно, принадлежат ряд номеров и увертюра), скорее исключение, нежели правило. И

все же ориентация двора на западное искусство была доминирующей. Да к тому же «низкое» происхождение Фомина, сына канонира Тобольского пехотного полка, не вызвало симпатий у властьдержавших. Достаточно сказать, что в годы царствования Екатерины II имя Фомина не значится ни при дворе, ни в списках преподавателей Академии художеств, ни в штатах петербургских театров того времени.

Разносторонние способности у Фомина были, по всей видимости, выдающимися, если его шестилетним ребенком приняли в Академию художеств вначале в архитектурный класс, а позднее в музыкальный и после ее окончания командировали в Италию «для дальнейшего совершенствования в области композиции».

В первый период работы по возвращении на родину Фомин пишет комедийные

произведения. В его творческой палитре — светлые, мажорные краски. Но в 1791 году наступает перелом — композитор целиком посвящает себя трагедиям. В это время композитора постигают неудачи — многие его оперы не хотят ставить, он попадает в нужду. Но непосредственным поводом послужила смерть 14 января 1791 года выдающегося драматурга Я. Б. Княжнина, тягостно отозвавшаяся в душе Фомина.

Княжнин умер после вызова на допрос в тайную канцелярию. Посудите сами, могла ли Екатерина простить «вольнодумца» Княжнина, трактовавшего в своей последней трагедии «Вадим Новгородский» основателя русского государства Рюрика как узурпатора? Императрица заявила, что трагедию можно сравнить только с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева. Весь тираж трагедии был конфискован и сожжен. И надо было обладать огромным мужеством и смелостью, чтобы в год смерти «вольнодумца» обратиться к одному из лучших его творений — трагедии «Орфей» и написать к ней музыку. В музыке Фомина мы остро ощущаем трагедию большой человеческой души, выстрадаанное сердцем горе. Глубокий гуманизм «Орфея» и утверждение права человека идти против непрекращаемой власти богов оказались близкими Фомину.

«Орфей» Фомина — первая русская мелодрама, популярная в XVIII веке театральная форма, сочетающая драматическое чтение с инструментальной музыкой. Романтичный мифологический сюжет «Орфея и Эвридики» привлекал внимание композиторов — предшественников и современников Фомина. Достаточно назвать лишь некоторых из них, создавших музыкально-театральные произведения: Монтеверди и Глюк, Торелли и Гайдн. «Академик из Болоньи» Фомин вечную тему любви и разлуки раскрывает по-русски, правдиво, страстно, психологически точно и глубоко. Его «Орфей» — произведение, бесспорно, революционное, переключая

ее с французской революцией и с трагическими событиями в России: в 1790 году сослал в Сибирь Радищева, в следующем году умер после пыток Княжнин, а в 1792 году арестован Новиков. Екатерина II любое проявление свободомыслия пресекала весьма решительно.

Один из современников композитора так оценил его музыку: «В мелодраме сей сперва была музыка Торелли, а после нашего русского г. Фомина, бывшего долго в чужих краях, который превосходным талантом своим помрачил прежнюю музыку совершенно и в «Орфее» оставил незабвенную по себе память».

К сожалению, «Незабвенная память» оказалась слишком недолговечной — после смерти Фомин был забыт на целых полтора десятилетия и произведения его не исполнялись. Лишь в советское время исследователи обратились к творчеству выдающегося предшественника Глинки. А в 1947 году крупнейший знаток творчества Фомина Б. В. Доброхотов отредактировал для первого исполнения в XX веке оперу «Ямщики на подставе» и мелодраму «Орфей». Оба произведения имели огромный успех и позднее не раз исполнялись. В 1953 году также в редакции Доброхотова впервые была издана партитура «Орфея». Доброхотову принадлежит значительная роль в изучении жизнедеятельности русского композитора, которому он посвятил более сорока лет жизни. И все же «белых пятен» в биографии Фомина более чем достаточно.

С 1786 по 1797 год совершенно отсутствуют данные о служебной деятельности композитора. Ни состояния, ни имени выходец из народа не имел и, следовательно, должен был где-то служить. Но где?

Возможно, Фомин служил в канцелярии Г. Р. Державина, бывшего в 1786—1789 годах Тамбовским губернатором. Державин способствовал созданию в Тамбове нескольких театров и в том числе городского. Есть основания предположить, что именно Фомин в 1788—1789 годах возглавлял театральную жизнь Тамбова. Думается, не случайно либретто оперы Фомина «Ямщики на подставе», написанное другом Державина Н. П. Львовым, было анонимно опубликовано в 1788 году в Тамбове. Интересно, что граф А. Р. Воронцов в начале 90-х годов поставил на сцене своего крепостного театра — именно в Тамбовской губернии — две оперы Фомина: «Ямщики на подставе» и «Вечеринки, или Гадай, гадай, девица».

А где же протекала служебная деятельность композитора в последующие годы? Вероятнее всего, Фомин работал у владельца крепостного театра Шереметева. Но и это лишь гипотеза. Официальный пост композитора получил лишь в 1797 году, после восшествия на престол Павла I. Он был назначен в Петербургскую театральную дирекцию «репетитором оперных партий» (концертмейстером) и вокальным педагогом. Пришло и материальное благополучие. Но что это за работа для выдающегося композитора — учить не знающих нот певцов, редактировать и дописывать чужую музыку для спектаклей, ходить для обучения «на дом к оперистам кто имеет клавиикорты, а которые не имеют оных, то для тех быть в пробном зале». А для собственного творчества не оставалось ни времени, ни сил.

В последние годы жизни популярность Фомина была столь велика, что ему приписывали тридцать опер русских композиторов, имена которых оказались забыты. Исследовательская работа советских музыковедов смогла точнее определить количество принадлежащих Фомину опер — семь. А может быть, больше? Ведь в его творчестве были непонятные перерывы по нескольким лет. Вряд ли человек такого огромного дарования годами ничего не создавал. Что же он в таком случае делал? До сих пор точно не известно, в каком году состоялась премьера «Орфея». Вопросов очень много. Но, думается, творчество одного из наиболее выдающихся композиторов XVIII века, родоначальника русской реалистической оперы Евстигнея Ипатьевича Фомина, бесспорно, заслуживает того, чтобы благодарные потомки раскрыли неизвестные страницы его жизни и творчества.

Взволнованное повествование о трагедии и борьбе свободлюбивого народа сопровождалось впечатляющими слайдами, песнями народного певца и поэта Чили Виктора Хары, советского композитора Алексея Рыбникова, музыкой Вивальди, танцевальными эпизодами, которые исполняли учащиеся хореографической школы при Таджикском государственном институте искусств.

Массу споров и разноречивых мнений вызвало первое появление «Майла» в театре. Для многих стала откровением возможность осуществления сценической постановки на политическую тему с использованием, казалось бы, несовместимого: классическая и современная музыка, балет, пантомима, слайды.

Выступая с этой постановкой весной 1981 года на четвертом Ташкентском фестивале-конкурсе дискотек, «Майл» завоевал третье место и Почетный диплом лауреата фестиваля.

Неординарность «Майла» привлекла внимание работников Таджикского телевидения, которые, открыв специальную рубрику «Дискотека», предоставили ее ведение членам группы. Первая передача — в марте. Речь пойдет об использовании различными ансамблями, в том числе и таджикскими, элементов фольклорного музыкального богатства. Задумана философско-публицистическая передача «Человек». Впрочем, о планах ребята много говорить не любят. Время покажет, что получится и как это оценит молодежь. Главное, что у энтузиастов не пропадают силы, не гаснет увлечение.

Людмила СМЕРНОВА,
Душанбе

**ПОЧТОВЫЙ
ЯЩИК
КЛУБА
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»**

Испанец Пако де Лусия считается сейчас одним из лучших гитаристов мира. Он выступал с крупнейшими мастерами различных школ и направлений: фламенко, джаза, рока; с известнейшим английским гитаристом Джоном Маклафлином, восхитившимся искусством де Лусия; со знаменитым Карлосом Сантаной, который не так давно во время одного из совместных концертов внезапно оборвал свою партию и, положив гитару, зааплодировал «великолепному Пако», признавая тем его первенство...

В Гаване он был проездом, перед большим турне по Латинской Америке. Выступал в зале «Дома Америк», в национальном театре. Мы договорились встретиться, чтобы Пако дал интервью.

...Я представлял его другим — таким, каким видел по телевизору в Москве, в программе «Мелодии и ритмы» — высоким, худым, с артистически длинными угольно-черными волосами, оттеняющими андалузскую бледность, огромными черными горящими глазами, тонкими прозрачными пальцами...

— Добрый вечер, — тихо вошел в зал, предназначенный для пресс-конференций, среднего роста темно-русый парень в спортивной куртке. — Простите, что опоздал. — Улыбка у него открытая, кубинская, которую можно встретить на любой улице Гаваны.

— Добрый вечер, — ответил я, не совсем понимая, что ему нужно.

И тут с шумом ворвался какой-то чернорылый мужчина:

— Да, это тот самый зал! Час назад позвонили и предупредили, что нас бу-

разрешил сыну называть себя начинающим гитаристом. В тринадцать лет Пако де Лусия уже объездил с концертами всю Европу и Америку, выпустил три первых диска, на которых записал музыку фламенко и свои обработки народных андалузских мелодий. Но мировая известность земляка-гитариста испанцам, а тем более андалузцам говорит еще далеко не все. Дворец музыки в Барселоне — вот что попробуй завоевать! В 1970 году, на вечере, посвященном годовщине смерти Людвиг ван Бетховена, он поднял зал огромного Барселонского дворца и заставил аплодировать себе в течение десяти минут.

...Он медленно выходит на сцену, крепко сжимая в правой руке тонкий гриф гитары, садится на стул, закидывает ногу на ногу, внимательно смотрит в зал, слушает его. Гаснет свет. Лишь сильный луч прожектора выхватывает из темноты его бледное лицо и черный блестящий костюм. Еще минуту или две заливают зал тишина — он мягко, почти неслышно прикасается к струнам... Свободная импровизация, полная свободы полета звуков... Пако, прикрыв глаза, чуть склонив и откинув голову, то выводит мягкие, немного печальные мелодии, то, громко стукнув по сцене высоким каблуком своего остроногого полусаложка, взрывается страстными переборами. И все больше и больше кажется, что и сам он уносится из этого зала, с этого континента в далекую родную Андалузию, в маленький городок, то дремлющий в лучах вечернего света, то вспыхивающий ненавистью и свободолюбием, и весь зал он увлекает за собой, туда, где свобода степей, туда, где Гранада и Севилья, где весной распускаются голубые розы...

— ...Вы не поверите — я выращиваю голубые розы. Это правда. У меня в Мадриде небольшой, но замечательный сад возле дома. Больше всего на свете я люблю выращивать цветы. Им я уделяю не меньше времени, чем музыке.

МАГИЧЕСКАЯ ГИТАРА ПАКО ДЕ ЛУСИЯ

дет ждать здесь советский журналист. Это вы? А это, — жест в сторону парня в спортивной куртке, — сам Пако де Лусия! Я его менеджер. У него всего час до концерта, учтите. Все, я убежал.

— Простите, — обращаюсь к де Лусия, — я не узнал вас.

— Что же в этом удивительно? — Пако снова просто, как-то домашнему улыбается. — Я не Элвис Пресли и не Пол Маккартни. Притом выступаю я всегда в концертном костюме.

Де Лусия немного порассуждал о том, какие костюмы хороши для концертов, потом же буквально набросился с вопросами: любят ли у нас гитару? Знают ли его творчество? («Да, знают». Пако обрадовался.) Что знают у нас о фламенко? Пришлось напомнить, что цель нашей встречи — его рассказ, а не мои ответы на вопросы.

...Первым, что увидел в своей жизни маленький Пако, была гитара. Она висела на стене напротив его детской кроватки. Когда начал играть? Тогда же, когда начал ходить. Отец часто напоминал Пако и его старшему брату Рамону (тоже одному из крупнейших гитаристов мира) слова великого Паганини о том, что из всех музыкальных инструментов труднее всего овладеть скрипкой и гитарой. Он приучил сыновей работать с гитарой чуть больше, чем в свое время его самого приучил отец. Когда Пако исполнилось шесть лет и он перед большой аудиторией андалузцев — по крайней мере для семидесяти пяти процентов этого народа жизнь была потеряла смысл без гитары — исполнил композицию со сложнейшими переборами, отец

— Сколько часов в день вы приблизительно играете?

— Я человек совершенно неорганизованный. Могу не притрагиваться к гитаре неделями и даже месяцами, могу дни и ночи с ней не расставаться. Говорят, у меня легкая рука, и поэтому не страшна такая бессистемность. Вообще тренингу, если можно так выразиться, я не уделяю много времени. В основном сочиняю, импровизирую, обрабатываю старые мелодии... Фламенко, а особенно джаз-рок — непрерывная импровизация. Повторение невозможно. И дома, и на концертах, и на дисках — всегда по-новому. Я бы сказал, сама рука должна обладать способностью к постоянной импровизации, к полету фантазии...

— Я слышал, что метры фламенко, преклоняясь перед вашей виртуозностью, не слишком лестно отзываются об экспериментах, которые вы прово-

дите вместе с джазовыми гитаристами, например, с Маклаfliном?

— Да, некоторым это не очень нравится. Но я считаю, что старое, классическое фламенко в конце двадцатого века не может увлечь молодежь. Я постоянно пробую, экспериментирую, ищу. Иногда выступаю с ударными инструментами, бас-гитарой, кастаньетами... Лишь бы наше фламенко не звучало загробной музыкой с экзотическими переборами. Но принцип, суть необходимо сохранить.

— Ваши любимые композиторы?

— Мануэль де Фалья, Бах, Моцарт.

— Какое из искусств, по-вашему, ближе к музыке?

— Слово — поэзия, проза.

— Как вы чувствуете себя на Кубе?

— Как дома. И темперамент, и улыбка, и искренность — андалузские. У меня здесь много друзей. А Лео Брауэра считаю гениальным гитаристом, уникалом.

...«Площадь Сан-Хуана», «Сталкивающиеся ветры», «Монастырь солнца», «Танец огня», «Между двух вод». Последней композицией был «Танец короткой жизни». И — оглушила тишина.

Сколько ему аплодировал зал, сказать трудно. Раз десять он уходил со сцены, но сотрудники театра, видимо, опасаясь за потолок и стены, рассчитанные на определенное количество децибелов, снова и снова уговаривали его вернуться. Капельки пота блестяли на утомленном, бледном лице Пако. Казалось, он совсем не привык кланяться и даже не знает твердо, чем в таких случаях занимают руки — гитара, как назло, была уже за сценой. Но огромными букетами роз кубинцы снова и снова вырвали его.

Глава 1

Фонари зажглись сразу, все одновременно. Но было еще светло, и их отражение терялось на мокром асфальте, омытом весенним дождем и последним снегом. Люди сутились возле больших магазинов. За окнами домов угадывались опустевшие квартиры, каждый хотел воспользоваться субботним вечером, а иные уезжали на уик-энд за город.

Однако многие учреждения еще работали. В центре города тут и там светились окна. Светились они и в многоэтажном здании «Ума-Стандард», построенном в стиле кричащего модерна на краю бульвара Осман.

У приоткрытого окна сидели друг против друга мужчина и женщина. Он — в кресле за металлическим письменным столом, она — с блокнотом на коленях в затянута ожидания, когда ей додиктуют письмо.

Мужчина опустил голову. Углубившись в свои мысли, он пытался представить себе будущее, разглядеть в нем проблеск надежды. Он забыл сидевшую в метре от него секретаршу.

Машинально он взглянул на часы.

«В десятый раз, — отметила она про себя. — Он мне совсем не нравится. И эта горькая складка в углу рта». Вдруг ей показалось, что она угадала правду: «Он влюблен!» Но тут же пожала плечами. Невозможно. Он слишком любит свою жену. Поухаживать, может быть...

Чтобы проверить, она слегка подтянула юбку, открыв колени. Мужчина не шелохнулся.

В комнате царил атмосфера невысказанной тайны и присущей ранней весне расслабленности. Они вздрогнули, когда в полумраке пронзительный звонок телефона нарушил неестественную тишину. От неожиданности мужчина задел письменный стол. Телефон зазвонил вновь.

— Узнайте в чем дело, Дениза, — раздраженно сказал мужчина.

— ЭКСИМ, компания по экспорту и импорту, секретариат Жюльена Куртуа. Мосье Куртуа? Не знаю, на месте ли он. Минутку, мадам.

Она прикрыла трубку ладонью и одними губами произнесла: «Ваша жена». Он отпрянул, затем протянул руку.

— Алло! Что случилось? О!.. Это очень мило с твоей стороны. Хорошо... Ну, что за мысли... Я работаю, как и предупреждал... Напротив... в отличной форме.

Он замолчал, давая высказаться жене. Затем ответил, повисив голос:

— Да нет же. Зачем тебе приходить? Ты должна понимать, что если я и испортил нам уик-энд, то у меня были...

Он повернулся к Денизе, как бы призывая ее в свидетели. Он проглотил слюну: усаживаясь на место, она положила ногу на ногу. Секретарша слегка улыбнулась.

— Да нет же! — закричал он в трубку, не в состоянии отвести взгляд от ног секретарши.

В аппарате что-то скрежетало. Он отнял трубку от уха и смущенно улыбнулся Денизе.

— Вообще нет, Женевьева. Ты позвонила, чтобы убедиться, что я здесь? Ну вот... Видишь?.. Я на месте!

Продолжая говорить, он наблюдал за секретаршей. Она иронически подняла брови, и это его смутило. Жена говорила так громко, что ему пришлось опять отвести трубку от уха. Присутствие Денизы его стесняло. Он взглянул на нее: может быть, она сообразит и выйдет? Ничуть не бывало. Не обращая на него никакого внимания, она с сосредоточенным видом поправляла швы на чулках.

Жюльен Куртуа ощутил огромную усталость. Дениза ничего не значила для него, но ему вдруг захотелось бросить все, телефон, свои планы, заботы и исчезнуть вместе с ней, забиться в ее объятиях хотя бы на час... Пока все не уладится... На другом конце провода ему задавали вопросы. Он ответил:

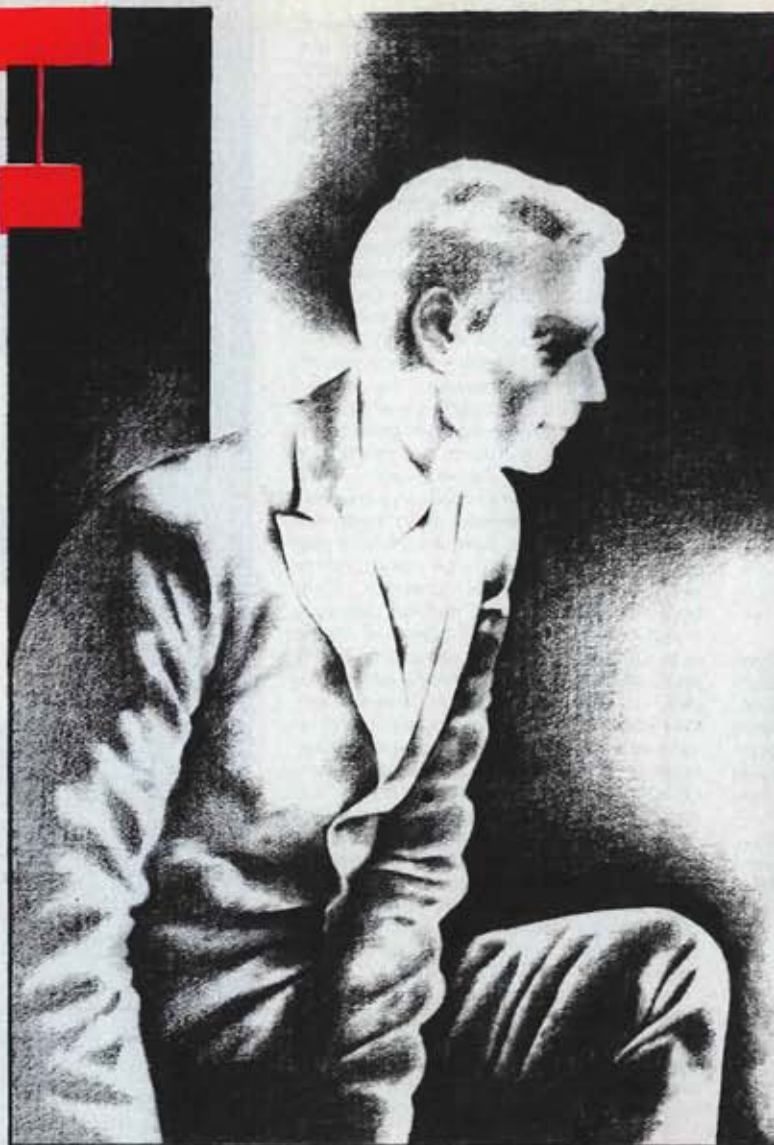
— Договорились. Хорошо.

За потоком бессвязных слов последовала пауза, а затем отчетливое: «Ты меня любишь?»

Дениза обернулась. И она тоже расслышала.

— Ммм... Конечно...

— Нет, Жюльен. Скажи мне это. Скажи.

Нозль КАЛЕФ

Перевод с французского Надежды НОЛЛЕ

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Он не знал, куда деваться. Секретарша делала вид, что не смотрит в его сторону.

— Прошу тебя, Женевьева! Это неподходящий момент.

— Ты не один?

— В том-то и дело. Ты поняла?.. Нет, к семи часам я не вернусь. Попозже... В полседьмого у меня важная встреча. Да. Перезвони еще, чтобы убедиться, что я не сдвинулся с места!

Он бросил трубку. Дениза сидела с невинным видом, но юбку не одернула.

— Никогда не выходите замуж, Дениза, — сказал он, криво улыбаясь. — Так!.. На чем мы остановились?

— «Госбода...»

— Да... Правильно... «Господа... Мы получили...»

Он поднес руку к глазам и посмотрел на часы. В углу страницы Дениза поставила цифру «2» и обвела ее кружочком.

— «Мы получили», — повторила она.

— ...«ваше сообщение от...» Поставьте дату.

— Какую дату, мосье?

Она подсмеивалась над ним, но он больше ничего не слышал. Он кашлянул и повернулся к приоткрытому окну. На улице был погожий вечер раннего апреля. Жюльен опять посмотрел на часы.

— Когда вы начали диктовать, мосье, мне показалось, что вы хотите попросить каталог.

— Неважно...

Он прислушался. В доме слышался приглушенный смех, звук торопливых шагов. Те, кто работал в субботу во второй половине дня, готовились уходить, и теперь Денизу раздражал ее шеф, который в половине шестого все никак не мог закончить диктовку письма.

— На сегодня все, мосье?

Жюльен Куртуа поднялся так резко, что чуть не опрокинул кресло.

— Что? Ммм... Да, отпечатайте письма.

Тяжело дыша, он подошел к окну. У него было ощущение, что ему не хватает воздуха.

— Но, мосье, скоро шесть часов, — запротестовала Дениза.

Он повернулся к ней, стараясь улыбнуться.

ЭТАЖ

— Знаю, знаю, Дениза. Но я вынужден попросить вас задержаться до половины седьмого.

Она хотела возразить, но он остановил ее жестом. — Не сердитесь, малышка. Мне надо кое-что подготовить... для одного крупного дела. Я отдам вам свои записи, и вы сможете перепечатать их в понедельник утром до моего прихода.

Девушка была явно огорчена. Он как бы почтительно положил ей руку на плечо и продолжал:

— Это ненадолго... ну, до двадцати минут седьмого! Вызовите меня по интерфону ровно в двадцать минут седьмого, и я вас отпущу. Договорились?

В его голосе звучали дружеские нотки, красивые зубы сверкали. В нем было много обаяния, и он, зная это, умел этим пользоваться. Дениза опустила голову и с надутым видом направилась к двери. Поднеся руку к выключателю, она спросила:

— Зажечь свет?

— Нет. Не надо. Мне нужно поразмыслить.

— Хорошо, мосье.

Когда она выходила, он ее окликнул.

— Дениза! Проследите, чтобы никто меня не беспокоил.

— А... если позвонит мадам Куртуа?

— Вы скажете ей, что... что у меня посетитель. Ничего и никого до половины седьмого...

— До двадцати минут седьмого!

— Да. Двадцать минут седьмого. Спасибо.

Она вышла, и Жюльен остался один.

До него все еще доносились смех, крики, звуки шагов. У него с удовлетворением несколько раз кивнул, но лицо его сохраняло напряженное выражение. Электрические часы на стене показывали без семнадцати шесть. Он проверил свои. Облизнул сухие губы. Затем направился в помещение, примыкавшее к кабинету, вымыл там руки и тщательно их вытер. Из стенового шкафа, где он держал чистое белье, Жюльен достал носовую платок и заменил тот, что был у него в кармашке. На лбу у него выступил пот.

Вернувшись к письменному столу, он открыл средний ящик, достал из него новую чековую книжку и меморандум, содержащий несколько страниц: «Оборудование нефтеперерабатывающего завода в районе Порт де Пари...»

Сложив бумаги, Жюльен сунул их во внутренний карман пиджака. Дышал он с трудом, но ничего не мог поделаться: дышать мешала тревога.

— Надо с этим покончить! — прошептал он, стиснув зубы.

Прошло всего две минуты. Он тихонько приоткрыл дверь, отделявшую его кабинет от комнатки секретарши.

Дениза шептала в телефонную трубку:

— ...Еще бы! Ровно в двадцать минут седьмого я ухожу. Не знаю, что с ним сегодня. До пяти часов я читала. Потом он начал диктовать письмо, которое так и не закончил. Ему не сиделось на месте... Вот именно! Вовсе нет! Даже мои ноги! Обычно он на них посматривает украдкой. Нет, я уверена, он влюбился.

Глаза Жюльена сверкнули: он был доволен. Дениза, думая, что она одна, продолжала говорить, положив ноги на стол:

— Очень ничего... Довольно высокий... Правильные черты лица. Представляешь? Но ты не представляешь, какие глаза! Эти глаза могут требовать чего угодно.

Он наклонился вперед, чтобы лучше слышать. На щеке у него дергался нерв.

— Между нами, он, наверно, пользуется огромным успехом! И при всем при том обожает свою жену. Она зануда, но деньги-то у нее. Или по крайней мере у ее брата... Ну вот и названивает каждые пять минут, морочит голову: «Ты меня любишь? Скажи мне это еще раз...» Можешь себе представить. Что?.. Разумеется, он бабник. Кстати, если бы не мой Поль, я бы попыталась счастья...

Оставаясь невидимым, Жюльен слушал, одобритительно кивая в такт ее словам.

— Во всяком случае, сегодня это должно быть серьезно. Он смотрел на часы одиннадцать раз. И сказал жене, что в полседьмого у него «деловое» свидание...

Жюльен тихо приоткрыл дверь. Было без двенадцати шесть. В какой-то момент он заколебался. Вытащив из кармана чековую книжку и документ, касающийся

нефтеперерабатывающего завода, Жюльен смотрел на них, вытаращив глаза и открыв рот. Нервным жестом он достал из ящика автоматический пистолет, но, вздрогнув, положил оружие на место и тихо пробормотал:

— Нет. Или выгорит, или не выгорит, но...

Он глубоко вздохнул. Воздух наконец наполнил его грудь. «Должно выгореть!» — решил Жюльен.

Он подошел к раскрытому окну и перекинул ногу через подоконник.

Глава II

Напрасно он посмотрел на улицу с высоты двенадцатого этажа. У него закружилась голова. Свет фар несущихся во всех направлениях автомобилей пробивался сквозь темноту. Огни фонарей, как жемчужное кольцо, окаймляли тротуары. Разноцветное сияние неоновых реклам поднималось к нему. Бездна влекла Жюльена, но, переборов это ощущение, он перекинул через подоконник вторую ногу.

Судорожно сжав кулаки, он нащупал ногами маленький выступ на фасаде здания. Медленно выпрямившись, шаг за шагом двинулся вдоль стены. Он давно уже наметил этот путь. Он цеплялся ногтями за крохотный карниз. Сначала нащупывал дорогу левой ногой, затем переставлял правую, и опять все сначала. Ему надо было преодолеть таким образом три метра. Страх все больше овладевал им, но тут он наконец добрался до соседнего окна, раскрыл его и прыгнул в комнату.

Это был никем не занятый довольно просторный кабинет, недавно окрашенный в бледно-зеленый цвет. Тонкий слой белой пыли покрывал паркет, залаченный штукатуркой, заставленный банками с краской. Жюльен на цыпочках подошел к застекленной двери, на которой можно было прочесть справа налево неоконченную надпись: «Не вход...»

Внезапно он подскочил, как будто неожиданно вспомнил о чем-то. Дрожащей рукой пошарил в кармане брюк, вытащил тонкие перчатки и натянул их. Вернувшись к окну, долго тер ручки рамы, к которой прикоснулся перед тем. После чего все так же осторожно вновь подошел к застекленной двери, тщательно вытерев ноги о валяющийся рядом половичок.

Рукой в перчатке он медленно нажал на ручку двери. Освещенный коридор был пуст. Жюльен взял себя в руки и спокойно вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. Никого. Он с облегчением вздохнул и сделал несколько шагов. Со всех сторон до него доносились обрывки разговоров:

— Попробуй мою помаду, увидишь, она потрясающая.

— У тебя пошел чулок, дорогая...

Жюльен Куртуа не остановился. Молоденькие девушки прелестны, но это все потом. Он ускорил шаг. По-прежнему никого. Все так, как он предвидел. Коридор поворачивал под прямым углом. Жюльен шел дальше. Это крыло здания освещалось слабее. Здесь арендовали помещения, состоявшие лишь из одной комнаты. И почти все они были закрыты по субботам. Кроме одной в конце коридора, где над дверью горела лампочка: Боргри, «Суды под гарантию». Жюльен ухмыльнулся, снял перчатки, сунул их в карман и вошел, не постучавшись.

Лысый мужчина, возраст которого трудно было определить, склонившийся над письменным столом, поднял голову. На его тонких губах играла злая усмешка.

— А! Вот и вы, Куртуа!

— Привет, Боргри, — сказал Жюльен, закрывая дверь.

Ростовщик не шелохнулся, но его улыбка стала еще заметней.

— Ну и дела! Вы теперь и в субботний вечер работаете?

— Как и вы.

— Я — другое дело. Если бы это проклятое здание было открыто по воскресеньям, я бы работал и в этот святой день! Я-то люблю свою работу!

— Скажите лучше, что любите деньги!

— А вы?

— Я тоже, — признался Жюльен, — но несколько иначе...

Боргри лихорадочно вытирал носовым платком вспотевшие ладони. Вновь раздался его бесцветный, неприятный голос:

— Я ошибся в вас, Куртуа!

— Каким образом?

Ростовщик откинулся, чтобы лучше видеть, какое действие произведут его слова.

— Я принимал вас за неудавшегося коммерсанта, думающего только о девочках, и не честнее других, оказавшихся на грани банкротства...

Жюльен натянуто улыбнулся.

— Что же вас заставляет думать, что я стал серьезней?

— Ваш визит ко мне.

Куртуа изобразил удивление.

— Но ведь именно сегодня срок платежа.

— С каких это пор вы думаете о сроках своих платежей? К тому же по закону у вас есть еще время до полуночи. Больше того, поскольку это конец недели, вы получаете отсрочку до утра понедельника!

— Кто вам сказал, что мне нужна отсрочка?

— У вас есть деньги? — спросил ростовщик с застывшим выражением лица.

— Нет.

Боргри саркастически улыбнулся.

— И я думал... Тогда что же вы хотите? Продлить срок? Ничего не получится. Хоть в делах я человек корректный, Куртуа...

— Чего нельзя сказать о процентах, которые вы требуете!

— Вы знали, что к чему, когда пришли занимать деньги.

— Тем не менее. За четыре миллиона наличными требовать расписку на пять миллионов, это чересчур. — Святая невинность! Он еще не достиг совершеннолетия, когда брал эти деньги! Довольно шутить, старина. Разве я вас обманывал? Деньги стоят дорого. И есть определенный риск. Если в понедельник утром вексель не будет оплачен, я его опротестую.

— Обойдется без этого, поскольку я могу сейчас же подписать чек.

Боргри изумленно раскрыл глаза.

— Чек?

— Да, чек. Вы знаете, что это такое?

— Не шутите, Куртуа, — проворчал ростовщик, — с пятью миллионами не шутят. Вы мне дадите чек, а я сохраню вексель до получения денег?

— Зачем вам это? — Жюльен пожал плечами, облокочиваясь на письменный стол. — Если чек без покрытия, вы его опротестуете и подадите жалобу...

Боргри нахмурил брови, прикидывая, где здесь ловушка. Он не понимал.

— Все это так, — задумчиво согласился ростовщик.

Чтобы выиграть время, он развернулся в кресле лицом к сейфу и рассеянно набрал шифр. Послышался щелчок, и тяжелая дверца раскрылась. Через плечо Боргри Жюльен увидел на одной из полок револьвер, явно служивший в качестве пресс-папье. Пальцы ростовщика схватили пачку связанных резинкой бумаг и вытянули из нее вексель.

Боргри, не закрывая сейфа, повернулся к Жюльену. Положив вексель на стол, прикрыв его рукой и пристально глядя на Куртуа, он недоверчиво повторил:

— Все это так... — Он тяжело вздохнул, как будто, отдавая вексель, испытывал тяжкие страдания. — Значит, я верну вам вексель в обмен на чек в пять миллионов.

Жюльен поднес руку к карману.

— Минутку, — продолжил Боргри угрожающим тоном. — Если в понедельник банк не оплатит чек, клянусь, я тут же подам жалобу за выдачу чека без покрытия. Я вас предупредил.

— Почему вы так убеждены, будто я настолько глуп, что дам вам чек без покрытия, прекрасно зная, что вы, не колеблясь, отправите меня в тюрьму? Подумайте!

— Я пытаюсь, — признался Боргри. — И не могу понять. В настоящий момент у вас есть необходимая сумма в банке?

— Этого я никогда не говорил.

— Ах так!

— Можно подумать, что вам это приятно. Вы не хотите получить свои деньги?

— Хочу, хочу. Но не меньше мне хочется заполучить ЭКСИМ.

— Что вы станете с ним делать? Это торговое предприятие, а не контора ростовщика.

— Мне нужна новая вывеска. Здесь начинается пахнуть жареным.

Минуту они молча смотрели друг на друга, натянуто улыбаясь. Каждый старался разгадать, каким образом собеседник хочет его одурачить. Боргри обливался потом и комкал платок влажными пальцами. Он внушал Жюльену инстинктивное отвращение. Куртуа

¹ Речь идет о старых французских франках. Один новый франк равен 100 старым.

испытывал лишь одно желание: бросить все, отдался на милость победителя, лишь бы не приводить в исполнение свой план. Он первый опустил глаза, прошептал:

— И что вам за удовольствие разорять людей, уничтожать их?

Боргри с трудом сдерживал ликование.

— Я-то за девочками не бегаю. Я делом занимаюсь.

Жюльен помимо воли заговорил умоляющим тоном:

— Послушайте, старина, если вы продлите вексель всего на два месяца, обещаю вам...

— Ни за что!— крикнул Боргри.— Оставьте свои уговоры для баб, которые пожирают ваши деньги. Со мной этот номер не пройдет. Сантименты на бирже копируются невысоко.

Куртуа закусил губу.

— С того дня, как я подписал вексель...

— Прошел уже год!— прервал его ростовщик едким тоном.— Не будем забывать, что уже три раза я давал вам отсрочку!

— Каждый раз за полмиллиона, не будем забывать и об этом. Боргри, послушайте... Возможно, я и не был образцом добродетели, но я не был обманщиком, и с тех пор...

— С тех пор вы наделали немало гадостей. В частности, выманили ой-ой сколько денег у моего шурина. Так что в вашем теперешнем положении одним обманом больше, одним меньше...

Жюльен выпрямился, как от удара.

— Как, какой обман?

— Эта ваша история с чеком. Вероятно, это какая-нибудь махинация...

— Может быть,— признался Куртуа.— Тем более надо ее избежать, если есть возможность.

— Нет возможности. Поскольку непорядочно поступаете вы, а я лишь возвращаю свои деньги.

Он опять вытер руки носовым платком. Его безрадостный смех проскрипел как негостеприимная дверь.

— Поторопитесь. У вас, наверное, свидание с какой-нибудь девицей?

— Скажите-ка, Боргри, вы мне завидуете?

Боргри подскокил.

— Завидую? Боже, да в чем же? Вы спятили!

Глаза у Жюльена заблестели. Он покачал головой.

— Когда я слышу, сколько вы говорите о женщинах, мне многое становится ясным...

Лицо ростовщика приобрело землистый оттенок. На мгновение он потерял дар речи. Жюльен заговорил твердым тоном:

— Черт возьми, Боргри, сделайте хоть раз в жизни доброе дело, вы не пожалеете об этом...

Кулак Боргри обрушился на стол, прерывая Жюльена на полуслове.

— Ну, хватит. Если вам нужен психоаналитик, поищите поблизости. Если хотите молиться, обращайтесь в Армию спасения. Здесь или платят, или убираются вон. Подпишите-ка мне этот чек, чтобы я мог отправить вас в тюрьму.

Жюльен тяжело опустился на стул. Он достал свою новую чековую книжку, снял колпачок с авторучки и холодно проговорил:

— Вы только что сказали, что рискуете. Действительно. В один прекрасный день какой-нибудь несчастный вроде меня прикончит вас, и это будет благом для всех!

Боргри разразился пронзительным смехом, поперхнулся и закашлялся.

— Не волнуйтесь, мне есть чем защищаться!— выговорил он наконец, указав на большой револьвер в сейфе.— К сведению любителей!

Внезапно его охватил гнев. Он замахал пачкой векселей, связанных резинкой.

— А любители есть! Лентяи! Лицемеры! Все, что вы умеете делать, вы и вам подобные,— это приходиться сюда и плакаться, когда остаетесь без гроша!

Он швырнул пачку на стол. Сжал губы. Жюльен подавил нервный зев.

— Ну что?— крикнул Боргри.— Струсил?

Эти слова подстергали Куртуа, к нему вернулось его наигранное спокойствие. Он пожал плечами. Неприятный голос ростовщика хорошо влиял на него. Чтобы действовать, ему нужен был стимул—ненависть.

— Вы сами этого хотели,— произнес он и быстро заполнил чек, пристроившись на уголке стола.

Боргри внимательно наблюдал за ним.

— Послушайте, старина,— проговорил он,— если это блеф, то не трудитесь. С просроченным векселем вы оттянете еще на несколько месяцев. Этот же чек в моих руках представляет для вас куда большую опасность.

Жюльен оторвал чек и протянул его ростовщику.

— *Alea iacta est...*

— Что значит?

— Представьте его в банк, если хотите в понедельник утром.

Жребий брошен.

— Он будет оплачен?

— Увидите.

— Кто даст деньги? Ваш шури?

Жюльен кивнул.

— Ну и шляпа! Он еще вам верит?

— Вот именно, что нет,— ответил Жюльен, чувствуя себя теперь вполне непринужденно.— Сегодня вечером я отдам ему вексель. Так он сможет убедить себя, что я действительно оплатил его. Тогда он подпишет чек на соответствующую сумму, которую я переведу на свой счет в понедельник с утра пораньше. Теперь вам ясно, в чем заключается комбинация?

Не слишком успокоенный этими словами, Боргри схватил чек и внимательно изучил его, держа подальше от своих дальновзорных глаз. Взгляд Жюльена вернулся к револьверу, который по-прежнему лежал на полке приоткрытого сейфа.

— Как будто все правильно,— разочарованно вздохнул Боргри.

Кончиками пальцев он пододвинул вексель к Жюльену. Тот взял его, сложил и сунул в карман. Одновременно он бросил взгляд на часы. Без двух минут шесть. Он управился быстрее, чем предполагал.

— Теперь, Боргри, хочу предложить вам одно исключительное дело. Если согласитесь, вы войдете в долю в ЭКСИМ.

— Фифти-фифти?

Жюльен чуть не ответил утвердительно, поскольку время торопило, а нервы были на пределе. Но надо идти до конца.

— Минутку!— спохватился он, чтобы не возбудить недоверия ростовщика.— При одном условии. Фифти-фифти, если мы разделим таким же образом прибыль вашего маленького тайного банка.

— Я не могу так просто дать вам ответ. Сначала я должен узнать, в чем заключается дело.

— Для этого я и принес вам эту бумажку.

Жюльен достал записи и положил их перед Боргри.

— На первый взгляд это может показаться нелепым. Но не смейтесь. Это феноменальное дело, я основательно обдумал его. Нефтеперерабатывающий завод у парижского порта!

— Вы сошли с ума? Думаете, что крупные фирмы позволят вам осуществить вашу затею?

— Нет. Но они перекупят дело, чтобы мы не рыпались. Только для этого надо, чтобы колесо закрутилось! Впрочем, ничего сложного тут нет. Вы дадите мне ответ в понедельник. А пока подумайте... Вот, взгляните...

Он обошел вокруг стола и встал между Боргри и сейфом. левой рукой отмечал некоторые строчки. Боргри надел очки, чтобы лучше видеть текст. Жюльен суетливо объяснял:

— Кому угодно могла прийти в голову эта идея. Но тем не менее она нова. Подумайте об экономии на транспортировке! Если вас это интересует, то для начала необходимо десять миллионов.

— У вас они есть?— поинтересовался Боргри, не поднимая глаз.

— У меня есть половина. А вы дадите другую половину. Вам достаточно не представлять чек к оплате. Это ваш взнос. Тогда я располагаю чеком моего шурина, который, сам того не подозревая, становится моим вкладчиком. Неплохо задумано, а?

— Вы не так уж глупы, Куртуа...

В тоне ростовщика слышались уважительные нотки. Куртуа не обратил на это внимания. Из коридора донесся взрыв смеха, постукивание каблучков: машинистки покидали здание.

— Шесть часов,— проворчал ростовщик.— Каждый раз этот балаган. Невозможно спокойно работать...

Он вновь погрузились в чтение записей. Шум за дверью усилился. Служащие, которые не смогли воспользоваться лифтом, сбегали по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Боргри время от времени присвистывал испорченным зубом. Он потирал руки, не расставаясь со своим платком. Жюльен устремил взгляд к потолку, мысленно торопя развязку.

— У Сент-Уанских ворот?— спросил Боргри.

— Прямо за кладбищем. Дадим заявку на участок и сообщим в газеты...

Жюльен задыхался. Он просунул правую руку в приоткрытую дверцу сейфа, и его пальцы сжали рукоятку револьвера.

— ...что собираемся построить завод при поддержке иностранного капитала. Затем нам остается только ждать...

Вены на его шее вздулись. Вдруг наверху раздался оглушительный шум. Боргри ударил кулаком по столу.

— Ну, теперь школа для машинисток начинает свой концерт.

Жюльен чуть не плакал. Он прокричал:

— Участок находится рядом с Национальным шоссе, в тысяче шестистах метрах от кладбища...

Он прижал оружие к бедру.

— Что вы говорите?— Боргри пытался перекричать шум.— Погодите... Из-за этих идиотов ничего не слышно. Дайте им успокоиться...

В тот момент, когда орава освободившихся машинисток устремила на лестницу, наполнив все здание криком и шумом, Куртуа как во сне проделал жест, который репетировал сотню раз. Он прислонил дуло револьвера к виску ростовщика и в ту же секунду нажал на спуск. Грохот выстрела потонул в общем шуме. Боргри тяжело упал вперед, и Жюльен отскочил в сторону, чтобы на него не попала брызнувшая кровь.

Постепенно шум стих, и наступила тишина. Убийца застыл неподвижно. Он еще не осознавал, что осмелился на такое. По его гладко выбритой щеке катилась слеза. Он этого не замечал.

Револьвер выскользнул из его руки и упал на ковер. Жюльен хотел крикнуть, но не смог.

Струйка крови стекала по столу на пол и уже подбиралась к оружию. Куртуа тупо наблюдал за ней, не в силах пошевелиться. Он знал, что если кровь попадет на револьвер, ему не удастся стереть свои отпечатки и не оставить следов, которые заставят усомниться в самоубийстве... Жюльен сделал нечеловеческое усилие, чтобы избавиться от оцепенения.

Надев перчатки, он быстро схватил револьвер. Затем тщательно протер рукоятку, ствол, спуск, избегая смотреть на труп, и, повернувшись к нему спиной, вытер своим платком дверцу и полку сейфа. Он взял пачку векселей и положил ее в карман, толкнул локтем тяжелую дверцу, которая захлопнулась со щелчком. Превозмогая тошноту, Куртуа вложил в еще теплую руку Боргри револьвер и прижал его пальцы к рукоятке и спуску. Затем положил оружие на ковер. Через несколько мгновений струйка крови доберется до него.

Жюльен тщательно протер носовым платком все, к чему мог прикоснуться, войдя в комнату: ручку двери, край письменного стола.

Он сунул в карман чек и записи о выдуманном заводе у парижского порта. Он по-прежнему старался не смотреть на Боргри, вид которого, наверное, был ужасен. Но труп необъяснимым жутким образом привлекал убийцу, и он взглянул на него. Как только Куртуа увидел залитое кровью страшное лицо, он потерял сознание.

Глава III

Дениза округлила рот, провела по нему помадой, сжала губы и еще раз взглянула в зеркальце. Одна ресничка, намазанная тушью, приклеилась к веку. Она наклонилась к зеркальцу, кончиком мизинца поправила ресницы.

Шесть часов семнадцать минут. Она задумчиво взглянула на интерфон: рискнуть? Нет, не стоит! Шеф пунктуален до мелочности. Он ставит часы с точностью до секунды. Обмануть его невозможно. Уж он, конечно, не упустит возможности едко заметить, что до назначенного времени еще три минуты.

Она взяла пальто и прежде чем надеть, внимательно осмотрела. Ей просто необходимо новое. Если б только Куртуа прибавил ей жалованье, о чем она давно просит, Дениза могла бы приобрести новое пальто.

Она устало покачала головой. Каждый раз, как она поднимала этот вопрос, Жюльен Куртуа казался шокированным и говорил тоном легкого превосходства:

— Теперь? Моя маленькая Дениза, и не думайте об этом! Когда дела идут так плохо и моя казна почти пуста...

Себя же он не ограничивал в расходах. Его казна оказывалась не пустой, когда речь шла о том, чтобы поменять машину, заказать пять костюмов сразу, послать корзину цветов жене или пригласить куда-нибудь свою очередную пассию.

— Однако же мне необходимо новое демисезонное пальто!— произнесла она плаксивым тоном, дурачась и топая ногой.

Телефон как будто ждал этого знака и зазвонил. Дениза недовольно сняла трубку.

— ЭКСИМ, общество по экспорту... Простите? Ах! Мадам Куртуа? Разумеется, он здесь!

Было лишь девятнадцать минут седьмого, но она решила соединить Куртуа с женой. Эта маленькая мечь была бальзамом для ее сердца. Она нажала кнопку интерфона. В кабинете Жюльена раздался звонок. Дениза не отпустила кнопку, как будто от этого звонок мог стать громче. Ответа не было. Она занервничала. Ну же! Нет, он не ответит раньше назначенного времени. Она злилась на него, но не могла не восхищаться таким упрямством. Настойчивость и упрямство часто путают.

Наконец... Нет...

— Не кладите трубку, мадам Куртуа. Он здесь, я знаю, он не выходил, я бы увидела. Я все время была на месте. Он, наверное, моет руки... Я звоню еще, мадам...

Черт! Двадцать минут седьмого уже миновало, а Куртуа по-прежнему молчал.

— Алло? Мосье Куртуа? Двадцать минут седьмого, мосье, мадам Куртуа на первой линии.

— Спасибо, Дениза.

В задумчивости она машинально переключила аппарат. Как он это сказал... Каким-то измученным голосом. От этого голоса все в ней перевернулось. Он из тех мужчин, которым прощается все. И чем больше им прощаешь, тем больше они этим пользуются. Точно как Поль... Боже, Поль наверняка потерял всякое терпение, поджидая ее возле Оперы. Но как уйти? Разговор между супругами мог продолжаться до бесконечности.

В щели под дверью показался свет. Тем лучше! Он включил лампу. Она набралась духу, постучала и приоткрыла дверь.

Навалилась на письменный стол, в усталой позе, бледный, с трудом переводя дыхание, Куртуа с необычайной нежностью шептал в трубку. Будто больной, выздоравливающий после тяжелого недуга. Его голос был едва слышен, глаза закрыты, изможденное лицо при ярком свете лампы казалось беззащитным. Игра теней не могла скрыть выражение безграничного спокойствия на этом лице. Он все время повторял одни и те же слова:

— Любимая моя... Если бы ты знала, любимая...

Дениза стало неловко. словно она застала его в ванной обнаженного.

Он слушал терпеливо, с выражением нежности на лице. Испытывая страшное смущение, Дениза вновь постучала по приоткрытой двери. Он тут же поднял глаза и улыбнулся. Дениза в замешательстве сделала красноречивый жест рукой: она может идти? Он несколько раз приветливо кивнул.

— До понедельника, — вполголоса произнесла Дениза.

Он ответил, чуть шевеля губами, прикрыв трубку рукой:

— Да, да. Желая вам хорошо провести воскресенье, моя маленькая Дениза.

Эти слова тронули ее больше, чем если бы вдруг он сообщил, что повышает ей зарплату.

— Спасибо. И вам тоже, мосье, — пробормотала она.

— О! Я... Лицо Жюльена утратило напряженное выражение, морщины на лбу разгладились. — Буду спать как сурок весь день... Минуточку, Жину, — сказал он в трубку, — я попрощаюсь с Денизой, она уходит. Да, мы до сих пор работали, но теперь закончили...

Дениза прикрыла дверь и удалилась, чувство преданности переполняло ее.

Не выпуская трубки, Жюльен откинулся в кресле. Он чувствовал себя обесилненным и полным любви. Он любил Женевьеву. Она все никак не могла в это поверить, и не без причины. Но что за важность? Он сам, впрочем, не всегда отдавал себе в этом отчет. Но только ему было все же легче: он заранее знал, что вернется к жене, переполненный еще большей нежностью, чем раньше.

— Да, я освободился, любовь моя... Наконец!.. О! Ну зачем тебе рассказывать? Трудное и опасное дело. Я очень рисковал... Очень. Но все в порядке. Конечно, я был храбр. Я думал о тебе и смело бросился в драку... Ради тебя я на все способен!.. — Его голос прерывался от волнения. Ему непродолимо хотелось почувствовать рядом с собой присутствие близкого человека. — Нет, любимая, я не храбр, но ради нашего спокойствия надо было рискнуть... Удалось на все сто... О! Но знаешь, подготовка... Я вполне доволен собой.

Он сиял. Опасность миновала, и содеянное возвеличивало его в собственных глазах. Легче всего убедить себя в собственном величии. Такая снисходительность к самому себе побуждала его раскрыть объятия той, которая была ему необходима.

— Теперь я буду спокойней, Жину, у меня будет время, чтобы говорить тебе, как я тебя люблю...

Ей было тесно в душной телефонной кабине кафе, откуда она звонила. Она изнемогала от счастья, еле удерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Да, но только что... только что ты не захотел сказать мне это даже один раз. Ты рассердился.

— Только что, — говорил он проникновенно, — я диктовал письмо. Как раз по поводу этого дела. А ты меня прервала. Я потерял мысль. Теперь все иначе.

— Значит, это правда, ты меня любишь?

— Я без ума от тебя.

— О! Любимый, любимый... Жаль, что я не нахожу других слов, чтоб говорить с тобой, Жюльен. Когда ты добр, когда у тебя такой голос, я теряю голову...

— Любовь моя!

— Как?

— Я говорю, любовь моя!

— О! Жюльен, приходи поскорей...

— Дай мне десять минут, дорогая. Через десять минут обещаю тебе выйти отсюда и помчаться прямо домой. Приведу в порядок кое-какие бумаги... (Он улыбнулся, глядя на вексель, чековую книжку и записи, которые доставал из кармана и бросал на

стол.) У меня есть идея. Знаешь, что мы сделаем? Приготовься. Поедем за город, хочешь?

— Прямо сейчас! Теперь же! — нетерпеливо воскликнула она.

Он совершенно расслабился теперь и смеялся от души.

— Десять минут, не больше, клянусь.

— Дорогой, я что-то вспомнила. В полдень ты говорил, что у тебя нет ни гроша. У тебя правда есть сколько надо, или хочешь, я попрошу у Жоржа?

— Нет, оставь своего брата. Он и так чересчур вмешивается в наши дела. Не волнуйся насчет денег. Повторяю тебе, все изменилось.

— Благодаря этому удивительному делу?

— Удивительному. Это точно. Значит, до скорого?

Она быстро прикинула в уме:

— Десять минут? Ведь не больше?

— Разрази меня гром, если я лгу.

— Хорошо. Тогда и я тебе устрою сюрприз.

Женевьева поспешно вышла из кафе и взглядом поискала такси. Стоянка была пуста. Она решила идти пешком и быстрым шагом направилась к центру.

Положив трубку, Жюльен застыл в неподвижности, не убирая руки с аппарата. Затем встряхнулся, глубоко вздохнул, встал и с наслаждением потянулся. Конечно, да, смерть Боргри положила конец долгому кошмару. Чтобы прогнать воспоминание об этом ужасном лице с остекленевшим взглядом, об этой лысой голове, Куртуа вернулся к документам, которые захватил из сейфа, и недоверчиво посмотрел на них. Вдруг он беззаботно рассмеялся.

— Конечно! — воскликнул он. — Я больше не боюсь!

Он резко оборвал смех: а вдруг Дениза еще не ушла? В один прыжок он очутился у двери и с силой распахнул ее. Увидев пустое помещение, он снова улыбнулся.

За дело! Лихорадочными движениями он смахнул следы штукатурки и пыли со своего костюма, вновь перебрал в уме все свои действия после убийства. Вспоминая об этом, он вздрогнул. Он восхищался самим собой: откуда у него взялась смелость убежать из жалкого кабинета ростовщика? К счастью, в коридоре не было ни души.

Перчатки? Здесь. Он хорошо помнил, как снял их, стаскивая зубами, прижав трубку к уху. Значит, он не мог оставить ни одного отпечатка. В комнате, предназначенной для маляров, он запутал свои следы. Никакому хитрецу не удастся распознать среди бесчисленных отпечатков подошв именно его следы. Да благословит господь маляров, отдыхающих два дня! Самым трудным был этот бесконечный обратный путь по карнизу над зияющей пустотой, оглушающий звонок интерфона и страх не проспать вовремя. Вдруг Дениза проявит нетерпение, нарушит приказ и зайдет посмотреть, почему он не отвечает?..

В подсобном помещении Куртуа посмотрел в зеркало. Костюм был чист. Теперь следовало действовать с методичностью. Прежде всего перчатки. Он придергал их кончиком канцелярских ножниц и поджег зажигалкой. Затем выбросил пепел на улицу. Теперь не оставалось ничего.

Закрыв окно, он вернулся к столу. Тихий стук в дверь пригвоздил его к месту. Сердце бешено забило, мысли беспорядочно пронеслись в голове. Это мог быть лишь Боргри, который пришел свести с ним счеты! Стук повторился.

— Войдите!

Это оказался Альбер, привратник.

— Прошу прощения, мосье Куртуа. Я хотел проверить, здесь вы или нет. Все ушли, вот поэтому я заглянул посмотреть...

— Я тоже ухожу, Альбер.

Стоя у вешалки, он положил ему руку на плечо.

— Я закончил, Альбер. Ухожу.

Привратник помог ему надеть пальто.

— Вы понимаете, что это значит, Альбер? — повторял Куртуа. — Вы тоже испытываете эту радость, закончив работу, почувствовав, что вы свободны?

— Ну, знаете, моя работенка — это другое дело, ведь так. О! Я доволен. Ничего не могу сказать. Но вот ноги болят потом до следующего утра. Мы-то все время на ногах...

Подойдя к двери, Жюльен вспомнил о векселях.

— Идите, Альбер, я вас догоню...

Он вернулся к столу. Его взгляд привлек револьвер, который блестел в приоткрытом ящике. Он положил его в карман.

— Вы берете с собой револьвер, мосье Куртуа? — удивился привратник.

— А?

Он резко обернулся, как будто его застали на месте преступления, когда он убивал Боргри.

— Да... Да, мы едем за город, и вот... Разве можно знать в наше время, не пригодится ли эта игрушка?

С трудом найдя в себе силы улыбнуться, он схватил бумаги, сунул их в карман и вышел.

Альбер с серьезным видом кивал головой. Успокоившись, Жюльен весело навистывал.

— Вы в прекрасном настроении! — заметил привратник. — Это воскресенье так на вас действует?

— Может быть. Видите ли, я проведу уик-энд с прелестнейшей из женщин.

Привратник состроил гримасу, открывая дверь лифта, но промолчал. Всем было известно, что Куртуа бабник. Догадываясь, о чем думает Альбер, Жюльен забавлялся. «Никогда, — думал он, — никогда ему и в голову не придет, что я говорю о собственной жене!»

Дверь лифта закрылась сама. Альбер нажал кнопку первого этажа, и кабинка начала бесшумно опускаться.

— Терпеть не могу эти лифты, замурованные в стене, — пожаловался Жюльен. — Чувствуешь себя, как в колодеце. Мне больше нравилась старая система. Можно было видеть лестничные площадки, ступени... А здесь задыхаешься.

— Современная техника, мосье Куртуа. Впрочем, путешествие не такое уж длинное.

Лифт остановился. Они вышли в холл.

— До свидания, мосье Куртуа. Желаю приятно провести воскресенье!

— Вы сейчас закроете?

— Да, мосье. Вы последним уходите. Запру до понедельника.

— Ну что ж, и вам приятного отдыха, Альбер.

— Спасибо, мосье.

Он прикоснулся пальцами к каскетке. Жюльен, выйдя на порог, вдохнул свежий воздух. Жизнь прекрасна! Он не испытывал ни малейших угрызений совести.

Его машина, красный «фрегат», стояла у тротуара. Садясь в автомобиль, он увидел Альбера, машущего ему каскеткой: привратник не забыл еще новогодних подарков. Жюльен махнул в ответ рукой. Он слегка повернул ключ, и мотор зароботал: машина заводилась с пол-оборота. Куртуа прогрел мотор.

Ах! Теперь он сделает Женевьеву счастливой! Он больше не заставит ее страдать. Никогда. Он слишком боялся потерять ее. Новая жизнь. Новая любовь, вот что он предложит ей, как только она очутится в его объятиях. Он нежно шепнет ей на ухо: «Видишь ли, сегодня я многое понял. Раз провидение помогло мне, значит, я достоин сделать тебя счастливой!»

Носком ботинка он нащупал педаль. Мотор еще не прогрелся. Он представил себе, как разговаривает с инспектором полиции, наводящим справки среди арендаторов двенадцатого этажа: «Боргри? Боргри?.. Не помню... Ах, да! Погдите. Это не тот низенький круглый, лысый, не слишком симпатичный человек? Неприятная физиономия, между нами говоря. Я иногда встречал его на лестничной площадке. «Привет, как дела?» И все. Кто-то мне сказал, что он ростовщик. Не помню, кто. Нет, я не поддерживал с ним никаких отношений. Впрочем, он, наверное, и не знал, как меня зовут... Бухгалтерия? Не смешите меня, инспектор. У таких людей нет бухгалтерии... Кстати, если хотите, можете посмотреть все мои книги, счета, прошу вас. Вы нигде не встретите упоминания о Боргри...»

Как бы желая успокоиться на этот счет, он достал из кармана компрометирующие документы и поблел. Он перепутал: по невнимательности унес свою почту!

Черт побери! Вексель! Чек!

Не сжег ли он их? Нет. Он помнил, как превратил в пепел и развеял по ветру перчатки. Затем вошел Альбер. Он вспоминал, как вернулся с полпути, чтобы взять бумаги и... и потом этот кретин Альбер задал ему idiotский вопрос насчет револьвера. Испугавшись, Жюльен обернулся и... Он выругался.

Вексель, чек и записи, должно быть, остались на виду, на его письменном столе.

Ну, не будем паниковать. Еще ничего не потеряно. Мотор тихо урчал, создавая ощущение уюта и лени. Ему совершенно не хотелось подниматься. Кстати... Его револьвер, да... Он вытащил его из кармана и опустил в карман на дверце.

Он машинально включил скорость. Он уладит все в понедельник утром. Придет раньше Денизы и уничтожит компрометирующие бумаги. Но он не нажал на педаль. А уборщицы? Уборщицы не читают. А если вдруг именно на этот раз они станут читать? Не из-за таких ли ничтожных деталей, мелких небрежностей, как вот эти, срываются так называемые совершенные преступления?

Он спокойно выключил скорость, вышел из машины. Привратника в холле не было. Никогда его нет на месте. Придется обойтись без него. К счастью, лифт скоростной!

Он вошел в кабину, нажал кнопку, обозначенную цифрой 12. Лифт начал плавно подниматься.

В этот момент привратник Альбер подошел к щитовой во втором подвале. Он сдвинул каскетку на затылок, почесал голову и зевнул. Затем, зная, что в здании никого не осталось, рабочий день и неделя закончены, он одним движением опустил рукоятку, отключив электроэнергию.

Кабина лифта резко остановилась между десятым и одиннадцатым этажами.

Продолжение следует.

КОНКУРС «НАША РОДИНА»

Второй тур

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

В начале марта этого года «Смена» объявила о начале конкурса «Наша Родина», посвященного 60-летию образования СССР, который редакция журнала проводит совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

Новый конкурс с большим интересом воспринят самой широкой читательской аудиторией. Он поможет, пишет читатели, ближе познакомиться с историей нашего государства, с ее многонациональной культурой, открыть для себя много нового.

Предлагая вопросы второго тура — «Союз нерушимый», — напоминаем, что они взяты из ваших писем, дорогие читатели. Участвовать в конкурсе может каждый. Жюри будет подводить итоги и по каждому из трех туров в отдельности и по конкурсу в целом. За правильные ответы на все вопросы любого тура претенденту будет начислено 50 очков. За неточные или неполные ответы жюри снизит оценку.

Некоторые из читателей, по чьим письмам составлены вопросы первого тура, спрашивают, не останутся ли они при подсчете очков внакладе. Нет. Учитывая, что предложить интересный вопрос порой ничуть не легче, чем ответить на него, жюри решило начислять авторам их полное число очков.

По условиям конкурса, тридцать участников второго тура, показавших самые высокие результаты, будут награждены книгами, альбомами, почетными дипломами. Трое участников конкурса, которые в трех турах наберут наибольшее количество очков, будут премированы путевками для путешествия по СССР.

Ответы на вопросы второго тура редакция ждет от вас до 1 августа. Чтобы облегчить работу жюри, отвечайте на вопросы в том порядке, как они заданы, и пишите понятным почерком на одной стороне листа. Можно присылать письма с ответами на любое количество вопросов.

Успехов вам, дорогие читатели!

Предлагаем задание второго тура:

1. Где и когда впервые было напечатано полное название Российской Социалистической Федеративной Советской Республика? (4)

В. ГУЛЯЕВ, г. Астрахань

2. Кто предложил название ГОЭЛРО? Какие были еще предложения о сокращенном названии программы электрификации нашей страны? (4)

А. МАЙКОВ, г. Чебоксары

3. Было несколько вариантов главной советской эмблемы и основы нашего герба — серпа и молота. Когда был принят окончательный вариант? Кто его автор? (3)

А. ЛОСОВИК,

г. Бобруйск Могилевской области

4. Какая область нашей страны держит рекорд по числу долгожителей? (3)

С. и М. КОРТНЕВЫ, г. Воронеж

5. Где, когда и по чьей инициативе был подписан первый договор на социалистическое соревнование между рабочими? (5)

Ф. МОРЕНЕЦ, г. Жданов

6. На картине В. А. Серова «Ходоки у В. И. Ленина» рядом с вождем изображены три крестьянина. Кто были прототипами этих ходоков? (4)

А. ПАНАСЮК,

г. Гайсин Винницкой области

7. Весной этого года в Туркменистане родился трехмиллионный житель. Как его назвали? Кто родители новорожденного? (3)

А. МУХАМЕТЖАНОВ,

г. Красноводск

8. В какой автономной республике и где именно стоит памятник: семь белых журавлей на черном придорожном камне? Кому он посвящен и кто его автор? (3)

9. Через этот город проходит граница двух союзных республик. Сейчас его трудящиеся, одетые в разные национальные костюмы, в одной колонне идут на праздничные демонстрации. А до прихода сюда Советской власти нужен был паспорт, чтобы перейти из одной части города в другую, а чтобы провезти посылку, нужно было уплатить пошлину. О каком городе-двойнике идет речь? (2)

М. КАЦОВИЧ,

г. Кизилюрт Дагестанской АССР

10. Какую часть нашей страны и почему Ромен Роллан назвал «советской Италией»? (3)

М. АЛИЕВ,

г. Ленкорань Азербайджанской ССР

11. В крупном областном театре выступает на сцене один из героев Брестской крепости, удостоенный звания народного артиста РСФСР. Назовите актера и театр. (3)

В. НИКОЛАЕВ, г. Саранск

12. Лучшие книги советского этнографа и писателя В. Арсеньева — «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» — изданы в 20—30-е годы. Читателям сразу понравился один из главных героев книг охотник-гольд Дерсу Узала. А где и когда впервые встретились В. Арсеньев и Дерсу Узала? Как это произошло? (5)

В. БАДМАЕВ, г. Улан-Удэ

13. Где в нашей стране растет дерево «Семь братьев и сестра» и сколько ему лет? А где росла ель «Два брата»? (3)

Н. СОКОЛОВ, г. Воронеж

14. Назовите футбольную команду, спортивную честь которой много лет защищал игрок, родившийся в день образования СССР — 30 декабря 1922 года. Футболист сыграл за свою команду 343 раза и забил в ворота противников 127 мячей. Кто этот футболист? Какую известную книгу он написал? (3)

А. КОНОВАЛОВ,

г. Щелково Московской области

15. Сколько же все-таки рек и речек впадает в озеро Байкал? (2)

И. ЗВАНОВ, г. Иркутск

Ждем ваших писем с ответами на вопросы второго тура до 1 августа этого года (по штемпелю почтового отправления).

Виктор Александрович ЛЮБЛИНСКИЙ

Имя этого человека знали миллионы любителей шахмат. Мастер спорта, чемпион столицы среди юношей, он со временем стал заслуженным тренером РСФСР, международным арбитром.

Ровно полжизни, тридцать два года, отдал работе в журнале «Смена» Виктор Александрович как редактор раздела «Шахматы». Это была непростая работа: проведение конкурсов и олимпиад, присвоение призовых мест и спортивных разрядов, огромная переписка с читателем, репортажи о крупном турнире и обзоры отдельной партии, заключающие в себе ту обширную и актуальную информацию, которую всегда с глубоким интересом ждал наш молодой читатель, сам непосредственно участвуя в многочисленных шахматных мероприятиях, проводимых «Сменой».

Имя Люблинского олицетворяло любовь к шахматам, и эту любовь, это его притягательное знание древней игры хорошо чувствовал читатель. Спасибо Виктору Александровичу за то, что своими усилиями он во многом приблизил «Смену» к читателю!

В. А. Люблинский делал свое дело серьезно и надежно, понимая его возвышающий смысл, неиссякаемое значение для молодежи. Он щедро отдавал силы пропаганде шахмат, организации массового шахматного движения. И всегда оставался человеком целеустремленным, скромным, доброжелательным, прекрасным товарищем. Он оставил после себя яркий и благородный след, светлую память.

Редакция журнала «Смена».

Виктор ЛЮБЛИНСКИЙ

ВТОРОЙ ГРОССМЕЙСТЕРСКИЙ БАЛЛ

Согласно правилам ФИДЕ (Международной шахматной федерации), звание международного гроссмейстера присваивается международному мастеру, который не один раз, а дважды выполнит в официальных соревнованиях гроссмейстерский норматив. В турнире, проведенном в городе Градец-Кралове (Чехословакия), второй гроссмейстерский балл выполнил (!) молодой советский шахматист москвич С. Долматов. С 11 очками из 14 возможных он опередил пять гроссмейстеров и девять классов мастеров, уверенно одержав победу.

В том, как талантливо и высоко технично играет С. Долматов, любители шахмат могут убедиться на примере его партии с чехословацким гроссмейстером Яном Плахет-

кой, ярко конвоируя которой мы демонстрируем ниже.

На диаграмме изображена позиция, возникшая в указанном выше поединке после 20-го хода черных. Победитель турнира в Градец-Кралове, игравший белыми, красиво пожертвовал коня, затем вскоре восстановил материальное равновесие, получив ощутимый пространственный перевес.

21. Кс3:b5! а6:b5 22. Фd3:b5 Кb6:d5 23. е4:d5 Ле8:e3 24. Cd4:e3 Фd8-e7 25. Кd2-f1 Лс8-a8 26. Ла1:a8 Сb7:a8 27. Се3-f2 h7-h5 28. Кf1-e3 Фе7-e4.

Теперь белые тонким маневром связывают слона соперника, отдают две свои пешки, обеспечивая стремительный марш проходной пешки на ферзевом фланге. Помешать плану белых или организовать встречные шансы черные не в состоянии.

29. Фb5-b8! Са8:d5 30. Ке3:d5 Фe4:d5 31. b4-b5! f7-f5 32. b5-b6 Фd5-d1+ 33. Кpg1-h2 Фd1-d2 34. Cf2-g1 Фd2:f4+ 35. Кph2-h1 Фf4-b4 36. b6-b7, и черные пошли на капитуляцию, ибо воспрепятствовать превращению пешки в нового белого ферзя они не могут.

Как бы вы сыграли?

Предлагаем читателям разобрать трехходовую задачу гроссмейстера по шахматной композиции из Днепропетровска В. Руденко, удостоенную высокого отличия на всесоюзном конкурсе 1980 года.

Белые — Кра5, Лс6, Са4, Кс7, Кf7, пп. а6, d4, g7.

Черные — Крд7, Лh1, Лh8, Се7, Ке1, Кg5, пп. c5, f5.

В скобках после каждого вопроса указано число очков, в которые он оценен.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.04.82. Подписано к печати 04.05.82. А 05090. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1324. Заказ № 2401. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

УМЕРЕННО. МАРШЕВРАЗНО.

Музыка Юрия ТЮЛЬПИНА
Стихи Максима ГЕТТУЕВА

герои давно отгремевшей войны

Музыка Юрия ТЮЛЬПИНА

Стихи Максима ГЕТТУЕВА

Перевод с балкарского
Якова СЕРПИНА

Восходят рассветы, сгорают закаты,
Не знает, не ищет земля тишины.
В трудах и тревогах седеют солдаты —
Герои давно отгремевшей войны.

Прошли эти люди сквозь громы и пламя,
Но молодо сердце и руки сильны.

На стройках великих работают с нами
Герои давно отгремевшей войны.

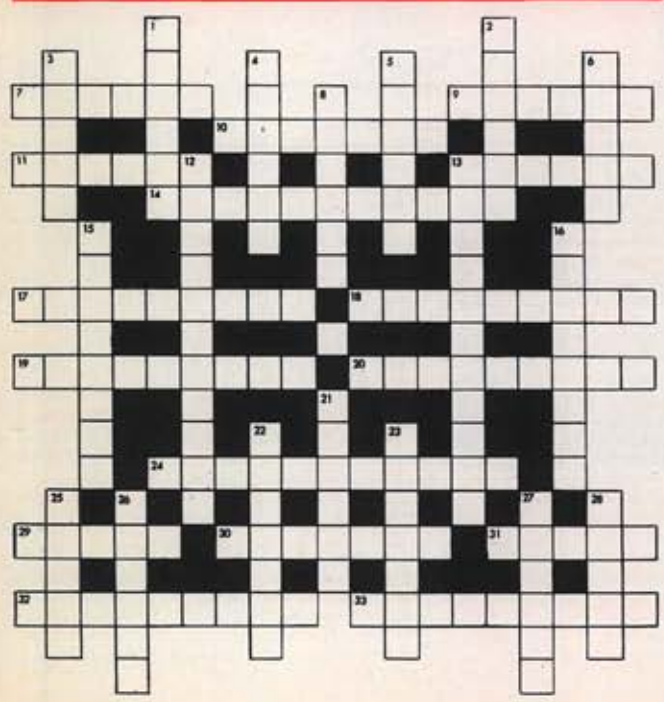
Роса на кустах зажигается ярких,
Листву согревает дыханье весны,
Гуляют с внучатами в солнечных парках
Герои давно отгремевшей войны.

В лучистом цвету неоглядные дали,
И песни звенят на просторах страны.
И солнце и песню в боях отстояли
Герои давно отгремевшей войны.

Мы помним про подвиг, свершенный когда-то,
Дорогу отцов продолжают сыны.
Спокойны и счастливы будьте, солдаты,
Герои давно отгремевшей войны.

К Р О С С В О Р Д

Составил В. ТРУБАЧЕВ,
Москва

По горизонтали:

7. Воспитательно-оздоровительное учреждение для пионеров и школьников.
9. Популярный итальянский детский писатель.
10. Учитель, преподаватель.
11. Поэт, переводчик, классик советской детской литературы.
13. Повесть В. Ф. Пановой о мальчике.
14. Набор деталей, с помощью которых дети овладевают техническими навыками.
17. Служанка в итальянской комедии масок.
18. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».
19. Автор рассказов, очерков и повести о воспитании беспризорников.
20. Устройство, объединяющее радиоприемник и аппарат для записи и воспроизведения звука.
24. Народный артист СССР, композитор, педагог, автор фортепьянных пьес для детей.
29. Научно-популярный журнал для старшеклассников.
30. Спортивные гонки ребят на микроавтомобилях.
31. Персонаж одного из первых советских балетов для детей «Аистенок».
32. Фольклорист, составитель сборника «Народные русские сказки».
33. Курорт в Крыму, где расположены детские санатории.

По вертикали:

1. Польский писатель, педагог, врач, героически погибший со своими воспитанниками в годы фашистской оккупации.
2. Советский журнал для школьников.
3. Герой одного из стихотворений Н. А. Некрасова, посвященных русским детям.
4. Город, где была открыта первая в СССР музыкальная школа-десятилетка.
5. Картина В. Г. Перова, посвященная детям городской бедноты.
6. Фея в балете П. И. Чайковского «Щелкунчик».
8. Парижский мальчуган в романе В. Гюго «Отверженные».
12. Песня, которой убаюкивают ребенка.
13. Советский дефектолог, разработавший систему обучения слепоглухонемых.
15. Автобиографическое произведение Ф. В. Гладкова о детстве.
16. Сказка Х. К. Андерсена.
21. Духовой музыкальный инструмент.
22. Колонист в «Педагогической поэме» А. С. Макаренки.
23. Заслуженная поэтесса Туркмении, автор поэмы «Легенда о Ленине и дочери чабана».
25. Автор романа «Путешествие Гулливера».
26. Армянский писатель, автор повестей «На берегу Севана» и «Пленники Барсова

ущелья», премированных на всесоюзном конкурсе лучшей детской книги.
- 27. Главное действующее лицо сказки в стихах К. И. Чуковского.
- 28. Русский врач, организатор и пропагандист оспопрививания в России.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10

По горизонтали:

7. Долгота.
8. Карелия.
11. Коммюнике.
12. Контрабас.
14. Диета.
15. Малахит.
16. Фасад.
19. Планктон.
20. Аргумент.
21. Подосиновик.
26. Микрофон.
27. Лабрадор.
30. Пепел.
31. Деканат.
32. Пиала.
35. Бульдозер.
36. Бижутерия.
37. «Зиночка».
38. Акробат.

По вертикали:

1. Антиквар.
2. Стахович.
3. Косметика.
4. «Огонь».
5. Театр.
6. Никарагуа.
9. Боливар.
10. Радема.
13. Калининград.
17. Водород.
18. Эрмитаж.
22. Акеддук.
23. Котельнич.
24. Архипелаг.
25. Идиллия.
28. Телескоп.
29. Батискаф.
33. Посол.
34. Жук.

ЭКСПОНАТЫ ИЗ ДОМАШНИХ МУЗЕЕВ

Картины, гончарные изделия, вышитые рубашки, сплетенные из соломки кресла, связанные рукавицы. Авторы этих работ — педагоги, инженеры, врачи, юристы, рабочие, ветераны труда. Всесоюзная выставка произведений самодельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, открытая в канун XVII съезда профсоюзов в Центральном выставочном зале Москвы, подтвердила, насколько многообразно, многопланово искусство народных умельцев.

Им доступно и подластно все: они на всесоюзных стройках и в операционных, в школьных кабинетах и на ярких народных праздниках, в заводском цехе и на колхозном поле. Они связаны с жизнью всей страны. Классические орнаменты и мотивы, обращение к фольклорным сюжетам и национальному стилю помогают авторам найти свое, неповторимое, единственное, постоянно чувствуя дыхание современности.

Человеку от природы дано стремление видеть в повседневном необычное, открывать каждый раз праздник там, где, казалось бы, живут будни. Поэтому работы самодельных художников стали не просто картинами для узкого круга любителей, они стали произведением искусства.

Совсем знакомыми кажутся нам стульчики, медведи-музыканты преподавателя из Торжка Г. Климовской (не они ли — любимые с детства дымковские игрушки?). Но нет тех красок, того сочетания, к которым мы привыкли, и голу-

**В. ЕМЕЛЬЯНОВ.
КОСТЫ ГРАЖДАНСКОЙ.**

**В. ПЕЧЮРА.
ПРАЗДНИК УРОЖАЯ.**

**Л. СОРОКИН.
ЛАДЬЯ.**

**Б. МАХМАДИЕВА.
СЮЗАНЕ.**

**Ж. ВИЗИТНИ
ГУСЛИ.**

**И. СТЕПАНОВИЧ.
ПЕРЕД ГРОЗОЙ.**

бой олень еще раз доказывает, что на выставке — поиск, а не прямое подражание и заимствование.

Запомнятся вам лиричные, мягкие, тонкие работы двадцатилетнего техника из Улан-Удэ А. Санжиева — резьба по дереву, гусли народного мастера из Кишинева Ж. Визитни, плетенные из соломки конь-огонь и чудо-птицы на стендах Могилева, украинские рушники, картины рабочего из Ивановской области В. Емельянова и конструктора из Челябинска П. Попова.

Возраст участников выставки — возраст нашей страны, возраст юности, зрелости, возраст мудрости и свершений. Вы пройдете с авторами от костров гражданской — по дорогам Отечественной войны, горечи, по дорогам мира и труда. И убедитесь здесь в силе свободной и смелой народной фантазии, в гордости и вере человека в самого себя.

Ольга САСОРОВА